
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
В МГИМО
ЖУРНАЛ
№ 4 (20) 2019

Издательство
«МГИМО-Университет»
2019

Редакционная коллегия:

Главный редактор, Председатель редакционной коллегии – Иовенко Валерий Алексеевич,
д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – отв. секретарь – Ивушкина Татьяна Александровна,
д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – Евтеев Сергей Валентинович,
канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Smirnova Ludmila – PhD, prof. (Mount Saint Mary College, New York, USA);

Алексахин Алексей Николаевич – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Балдицын Павел Вячеславович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);

Гладкова Елена Львовна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Голубкова Екатерина Евгеньевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГЛУ);

Гуревич Татьяна Михайловна – д-р культурологии, к.филол.н., профессор (Россия, Москва, МГИМО);

Иванов Николай Викторович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Кизима Марина Прокофьевна – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Лосева Наталья Владимировна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Набати Шахрам Сирус – к.филол.н., доцент (Исламская республика Иран, Решт, Гилянский университет);

Позднякова Елена Михайловна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Пономаренко Евгения Витальевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Репенкова Мария Михайловна – д-р филол.н., доцент (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);

Храмченко Дмитрий Сергеевич – д-р филол.н., доцент, проф. (Россия, Москва, МГИМО).

Чеснокова Ольга Станиславовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, РУДН);

Штанов Андрей Владимирович – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Шубина Эльвира Леонидовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Ястребова Елена Борисовна – канд. пед. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО).

Филологические науки в МГИМО: Журнал. № 4 (20) 2019 / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2019. – 139 с.

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных ученых, педагогов, аспирантов и магистрантов. Выходит ежеквартально.

Рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация; переводоведение; инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков; литературоведение и лингвокультурология.

В журнал принимаются статьи на 10 языках: русском, английском, немецком, французском, испанском, итальянском, китайском, японском, арабском, хинди.

Журнал включен в Перечень ВАК (с 6 июня 2017 г.) по специальностям «10.01.00 Литературоведение», «10.02.00. Языкознание»; EBSCO, РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

ISSN 2410-2423

© Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России, 2019

© Коллектив авторов, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Алексеева Е.А., Борисов О.В.

Семантические отношения между матричной и инфинитивной пропозициями
(на материале французского языка) 5

Глушак В.М., Калашникова Е.А.

Фоностилистическая вариативность комментирования в немецком спортивном репортаже 16

Зарайский А.А., Морова О.Л., Полякова В.Ю.

Языковая репрезентация концепта «путь» в ирландских сказках 22

Зиновьева Е.С.

Лингвистические средства дискурсивной репрезентации маскулинности и феминности. 30

Игнатова Е.М.

Гендерная деривация: женские варианты названий профессий глазами студентов МГИМО
(экспериментальное исследование) 40

Природина У.П.

Антропоним – частотный деривационный компонент шведских топонимов. 50

Тарасова М.В., Огородов М.К., Петрова М.Л.

Виды диалогизма во французском газетном дискурсе 56

Тремаскина О.А.

Когнитивное моделирование концептов *conflict* и *crisis* с позиции их взаимодействия
в англоязычном экономическом медиадискурсе 63

Mijeeva N.

Locuciones estables con numerales cardinales en el lenguaje de la prensa 71

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Воронова А.Г.

Структурно-семантические особенности переводных эквивалентов иностранных
ролевых футбольных терминов в русском и португальском языках 82

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Булатов М.Р., Хабибуллина Л.Ф.

Инаковость в романе И. Уэлша «На игле» 93

Войцехович А.А., Ван Фурс Цзыи

Лозунги о счастье в Китае 101

Гладкова Е.Л., Мелехина Н.В.

Отражение развития динамики ирано-российских отношений в политическом
дискурсе персидского языка 109

Гусева И.В.

Lengua y cultura en unidades fraseológicas relacionadas con nombres de profesión: tradiciones y valores 119

Полехина М.М.

Автобиографическая проза Марины Цветаевой: риторический аспект. 127

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

E.A. Alekseeva, O.V. Borisov SEMANTIC RELATIONSHIPS BETWEEN MATRIX AND INFINITIVE PROPOSITIONS (BASED ON THE MATERIAL OF THE FRENCH PRESS)	5
Elena A. Kalashnikova, Vasily M. Glushak PHONOSTYLISTIC VARIABILITY OF COMMENTING IN A GERMAN SPORTS REPORT	16
Alexander A. Zaraiskiy, Olga L. Morova, Victoria Yu. Polyakova LANGUAGE CONSTITUENTS OF THE CONCEPT 'WAY' IN IRISH FAIRY TALES	22
Elena S. Zinovieva LINGUISTIC MEANS OF DISCURSIVE REPRESENTATION OF MASCULINITY AND FEMININITY	30
Evgeniya M. Ignatova GENDER-BASED WORD DERIVATION: FEMININE VARIATIONS OF OCCUPATION TITLES AS SEEN BY MGIMO STUDENTS (EXPERIMENTAL STUDY).....	40
Uljana P. Prirodina ANTHROPONYM AS A FREQUENCY DERIVATION COMPONENT OF SWEDISH TOPONYMS	50
M.V. Tarasova, M.K. Ogorodov, M.L. Petrova TYPES OF DIALOGISM IN FRENCH NEWSPAPER DISCOURSE	56
Olesya A. Tremaskina COGNITIVE MODELLING OF CONCEPTS "CONFLICT" AND "CRISIS" FROM THE VIEWPOINT OF THEIR INTERACTION IN ENGLISH ECONOMIC MEDIA DISCOURSE	63
N. Mikheeva SET EXPRESSIONS WITH CARDINAL NUMERALS IN THE LANGUAGE OF NEWS MEDIA.....	71

TRANSLATION SCIENCE

Alla G. Voronova STRUCTURAL AND SEMANTIC PARTICULARITIES OF TRANSLATION EQUIVALENTS OF FOREIGN TERMS DENOTING FOOTBALLERS' ROLES TO PLAY ON THE FIELD IN RUSSIAN AND PORTUGUESE.....	82
---	----

LITERATURE AND LINGUOCULTUROLOGY

Mansur R. Bulatov, Liliia F. Khabibullina OTHERNESS IN IRVINE WELSH'S NOVEL "TRAINSPOTTING"	93
Anastasia A. Voytsekhovich, Van Furs Tszyi SLOGANS ABOUT HAPPINESS IN CHINA.....	101
Elena L. Gladkova, Natalia V. Melekhina ON THE STUDY OF IRANIAN-RUSSIAN RELATIONSHIP DEVELOPMENT IN THE PERSIAN LANGUAGE POLITICAL DISCOURSE	109
I.V. Guseva LANGUAGE AND CULTURE IN PHASEOLOGICAL UNITS RELATED TO PROFESSION NAMES: TRADITIONS AND VALUES	119
M.M. Polekhina AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF MARINA TSVETAeva: A RHETORICAL ASPECT	127

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ МАТРИЧНОЙ И ИНФИНИТИВНОЙ ПРОПОЗИЦИЯМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Е.А. Алексеева, О.В. Борисов

Воронежский государственный университет,
394018, Воронеж, Университетская площадь, 1.

Статья посвящена установлению семантических отношений между действием, выраженным инфинитивом, и действием, выраженным глаголом в личной форме, репрезентирующим сказуемое во французских фразах типа *Il aime raconter des histoires* (Он **любит рассказывать** истории). Исследование осуществляется с позиций семантико-функционального подхода, позволяющего определить синтаксический статус и раскрыть номинативный потенциал языковых единиц на основе содержательного анализа.

С учётом понятия базисной и небазисной пропозиции в рамках семантико-функциональной классификации сказуемого бипредикативный комплекс *aime raconter* трактуется как двойное сказуемое, состоящее из матричного (основного) и второго сказуемого, относящихся к одному и тому же подлежащему. Инфинитив выполняет здесь функцию второго инфинитивного сказуемого, выражающего дополнительную предикацию, пониженную в ранге по сравнению с уровнем предикации матричного сказуемого. Матричная и инфинитивная пропозиции формируют содержательный блок, внутри которого оба действия вступают в отношения, квалифицируемые как таксисные. При реализации таксисных отношений между действиями, заключёнными в матричном и втором инфинитивном сказуемых, наблюдается определённая специфика, обусловленная природой инфинитива, выражающего отвлечённое, нелокализованное по времени действие, осуществление которого представляется гипотетическим или потенциально возможным. В результате исследования было обнаружено, что отмеченные особенности инфинитива накладывают ограничения на возможность выражения таксисной взаимосвязи матричного и инфинитивного действий, которая проявляет зависимость от употребления определённых лексико-семантических групп глаголов, репрезентирующих матричное сказуемое.

Ключевые слова: семантико-функциональный подход, номинативный потенциал, двойное сказуемое, инфинитив, второе сказуемое, таксисные отношения, семантические отношения, одновременность действий, неодновременность действий.

Введение

Инфинитив на протяжении длительного периода, со времён латыни, вызывал интерес у лингвистов в связи с тем, что эта неличная форма характеризуется двойственной природой, сочетая в себе свойства глагола и существительного. На предыдущих этапах

развития науки о языке был сделан существенный вклад в изучение инфинитива с позиций его структурных и синтаксических свойств в многочисленных работах отечественных и зарубежных исследователей [5; 6; 4; 13; 20; 19; 18; 17]. Таким образом, были заложены основы для его исследования с помощью инструментария современных достижений науки, ориентирован-

ной на изучение семантического, номинативного потенциала языковых единиц.

В этом аспекте вопрос о природе, синтаксической функции и свойствах инфинитива остаётся открытым, что даёт простор для размышлений и появления новых трактовок его изучения. В частности, научный интерес представляет характеристика семантических отношений между элементами бипредикативного комплекса: глагола в личной форме и инфинитива. Характер этих отношений может быть описан в аспекте таксиса, который, вслед за О.Р. Якобсоном, понимается как категория, которая «характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [16, с.101]. Так как инфинитив практически не охватывался теорией таксиса, необходимость углубленного изучения синтаксических функций инфинитива и таксисных отношений в сфере межпредикатных отношений с участием инфинитива обусловили актуальность предпринятого исследования.

Целью статьи является изучение семантических отношений между действием, выраженным инфинитивом, и действием, выраженным глаголом в личной форме, репрезентирующим сказуемое во французских фразах типа *Il aime bien raconter des histoires* (Он **любит рассказывать истории**), на основе семантико-функционального подхода. В соответствии с поставленной целью в статье решаются следующие задачи:

- изложить основные положения семантико-функционального подхода;
- установить синтаксическую функцию инфинитива во французских фразах типа *Il aime bien raconter des histoires*, в соответствии с семантико-функциональным подходом;
- дать определение категории таксиса и описать виды таксисных отношений;
- выделить и описать разновидности таксисных отношений, реализующихся между матричной и инфинитивной пропозициями в рамках изучаемого типа высказываний.

Материалом для исследования послужили примеры из французских периодических изданий.

Описание методики исследования

Наше исследование природы французского инфинитива ведётся в рамках семантического таксиса, в частности, в аспекте семантико-функциональной концепции к описанию синтак-

сических явлений, разработанной выдающимся представителем Воронежской синтаксической школы А.М. Ломовым [8; 9] для классификации типов простого двусоставного предложения в русском языке. Данная типология строится на принципе учёта характера содержательной организации номинативного ядра простых предложений, грамматической семантики и функции сказуемого. В основе семантико-функционального подхода лежит понятие пропозиции, которое изначально возникло в логике, а затем получило широкое применение в лингвистической науке для обозначения номинативных свойств предложения, в частности, ситуаций, «положений дел» или фрагментов действительности, стоящих за речевым актом [1]. Согласно А.М. Ломову, пропозиция представляет собой константное номинативное ядро, содержательный каркас предложения. По мнению исследователя, существует два типа пропозиций: базисная и небазисная. Базисная пропозиция формирует содержательную основу предложения. Небазисная пропозиция представляет собой свёрнутую пропозицию, которая является побочной, дополнительной и входит в состав базисной пропозиции [8, с. 37; 9, с.50].

Выделение понятия базисной и небазисной пропозиции легли в основу содержательного осмысления синтаксических явлений, что привело к возможности рассматривать статус языковых единиц, обладающих предикативным потенциалом и осложняющих структуру предложения, с учётом их содержательного потенциала. Так, А.М. Ломовым было установлено, что в рамках структурно простого предложения может иметь место пересечение нескольких пропозиций, «положений дел», которые на синтаксическом уровне могут реализовываться разнообразными языковыми средствами. Для синтаксической трактовки этих средств А.М. Ломов ввёл понятие второго и второстепенного сказуемого. Второе сказуемое – это компонент двойного сказуемого, который предполагает ввод в высказывание наряду с обязательным первым (матричным) сказуемым второго сказуемого, ориентированного на то же подлежащее, что и первое (матричное) сказуемое, и являющееся частью базисной пропозиции (Она **вернулась** домой **усталая**). Второстепенное же сказуемое, по его мнению, является аналогом сказуемого, реализуемого в структурах, которые репрезентируют небазисную пропозицию (Сестра привела **ее** домой **обесиленной**) [9, с. 49].

Концепция А.М. Ломова, разработанная применительно к русскому языку, оказалась универсальной и чрезвычайно продуктивной для изучения проблем устройства других языков, в частности, английского [10; 14] и французского. На основе положений семантико-функциональной концепции с учётом содержательного подхода к анализу языковых явлений одним из соавторов, Е.А. Алексеевой, было предпринято исследование французского языка по двум основным направлениям. Первое направление связано с установлением типов простого двусоставного предложения, в результате которого были обнаружены такие классы предложений как отождествительно-предметные, реляционно-предметные, признаковые, пассивно-процессные, идентичные классам русских предложений, и описаны их свойства. В рамках второго направления была разработана иерархически организованная классификация французского сказуемого, включающая второе и второстепенное сказуемое следующих типов: предметные (отождествительно-предметные, реляционно-предметные), признаковые, процессные (депричастные, причастные, инфинитивные) (см. список публикаций на eLIBRARY.RU). Эти идеи были развиты в работах наших коллег и учеников [7; 12; 15].

С опорой на упомянутую иерархически организованную классификацию французского сказуемого инфинитив трактуется либо как второе инфинитивное сказуемое (*Le ministre des Affaires étrangères a également appelé à reprendre le dialogue entre les pays*), либо как второстепенное инфинитивное сказуемое (*Il a conseillé à son ami de revenir dans sa ville natale*). Объектом изучения в настоящей статье являются предложения, содержащие в своём составе второе инфинитивное сказуемое.

Матричное и второе инфинитивное сказуемые формируют содержательный блок, внутри которого два действия вступают в определённые отношения. Чаще всего отношения между действиями квалифицируют как таксисные. Природа таксисных отношений определяется в современной лингвистике как «временное отношение между действиями (в широком смысле, включая любые значения предикатов) в рамках целостного периода времени, охватывающего значения всех компонентов выражаемого в высказывании полипредикативного комплекса» [3, с. 234]. Традиционно выделяют независимый и зависимый таксис. Независимый таксис реализуется в

том случае, когда «нефинитная форма, являясь зависимой от финитной формы, одновременно управляет другой финитной глагольной формой, представленной пассивной конструкцией, в составе придаточного предложения», при этом каждый предикат имеет независимую временную отнесённость. Зависимый таксис выражает «временные отношения между действиями, одно из которых является основным, а второе – сопутствующим (второстепенным)» [2, с. 234–243]. Зависимость действия сопутствующего предиката от действия основного предиката проявляется в том, что у него отсутствует собственная абсолютная временная отнесённость. Учитывая природу инфинитива, его использование в функции второго, пониженного в ранге, сказуемого, очевидно, что он выступает в отношении зависимого таксиса.

Таксис, понимаемый как функционально-семантическая категория, выражает различные типы «временной сопряжённости между действиями в рамках целостного периода времени, охватывающего значения всех компонентов выражаемого в высказывании полипредикативного комплекса» [11, с. 8]. А.А. Бондарко выделяет следующие разновидности сопряжённости главного и зависимого действий: а) отношения одновременности/неодновременности (предшествования – следования), б) взаимосвязь действий (компонентов полипредикативного комплекса) при неактуализованности указанных выше хронологических отношений, в) связь действий во времени в сочетании с отношениями обусловленности (причинными, условными, уступительными)» [2, с. 98–99].

Далее будут проанализированы особенности реализации зависимого таксиса во французских высказываниях со вторым инфинитивным сказуемым с целью выявления типов отношений, складывающихся между действиями, заключёнными в матричном и инфинитивном сказуемых.

Результаты, полученные в ходе проведённого исследования

При реализации таксисных отношений между действиями, заключёнными в матричном и инфинитивном сказуемых, наблюдается определённая специфика, обусловленная природой инфинитива, приспособленного для выражения отвлечённого, нелокализованного по времени действия, осуществление которого представляется гипотетическим или потенциально воз-

можным. В связи с этим мы выделяем типы таксисных отношений в соответствии с оппозицией одновременность/неодновременность действий и с учётом особого характера взаимосвязи действий ввиду отмеченной специфики выражения действия инфинитивом.

Примечание. Считаем необходимым сделать некоторые пояснения относительно используемой терминологии. Для характеристики действия, выраженного глаголом, репрезентирующим матричное сказуемое, будет использован термин «матричное действие». Для характеристики действия, выраженного инфинитивом как репрезентантом второго инфинитивного сказуемого, будет использован термин «инфинитивное действие».

Отношения одновременности

Значение одновременности может быть охарактеризовано в данном случае как абсолютное, так как оно связано с указанием на нелокализованность действий, отличается максимальной обобщённостью, абстрагированием от временной оси.

В сфере изучаемых высказываний абсолютная одновременность реализуется в следующих разновидностях.

1. Матричное действие совпадает по времени протекания и длительности с инфинитивным действием. Они представляют собой не последовательность действий, а спаянный содержательный комплекс действий, для которых не предполагается указание на их начало и конец. Степень сопряжения действий здесь очень высока. Инфинитивное действие носит потенциальный характер, обусловленный семантикой глагола, выражающего матричное сказуемое:

1) матричное действие обозначает отношение к совершению инфинитивного действия безотносительно временного промежутка (*aimer любить, préférer предпочитать, adorer обожать, se plaire нравиться, detester ненавидеть*). Инфинитивное действие выражено как предельными, так и неопределёнными глаголами, которые в сочетании со значением матричного действия приобретают длительное значение:

Monsieur Blédurt, c'est notre voisin qui aime bien taquiner papa (Sempé 1960: 8);

Selon un sondage YouGov, 44 % des jeunes préféreraient vivre dans une société socialiste, contre 42 % dans une société capitaliste et 7 % dans une société communiste (L'Humanité);

Cette double culture, anglaise par ma mère, française par mon père, cette dualité, cette richesse,

le fait d'être coincée entre deux pays qui adorent se détester, tout cela m'a donné un point de vue singulier (Le Monde);

Hallyday se plaisait à raconter son premier dîner avec le génie suisse amentalité de sphinx (Libération);

2) действие матричного сказуемого обозначает умение, знание, способность субъекта выполнить действие инфинитивного сказуемого (*savoir уметь, pouvoir мочь*):

On sait décrire un liquide ordinaire: il est constitué de molécules assez grosses qui n'interagissent que par des liaisons de faible énergie (Les Echos);

J'ai alors pu constater que la grandeur indéniable de ses principes était entachée de zones d'ombre (Le Monde);

3) действие матричного сказуемого обозначает значение долга, обязанности выполнить действие инфинитивного сказуемого (*devoir долженствовать*):

Pour voir évoluer le bébé dans son enclos, le public devra attendre deux ou trois mois, le temps qu'il ouvre les yeux, se couvre de poils et prenne des forces (Le Monde);

Mais je dois souligner que, à Washington, on mise davantage sur un effondrement du régime iranien (Le Monde).

2. Матричное и инфинитивное действия вербализуют единый комплексный факт, событие, в котором оба действия являются длительными, незавершёнными, протекают одновременно, время начала и окончания действий не указаны. В данном случае матричное действие выражает разного рода ментальные операции, на которые наслаиваются обозначения инфинитивного действия. Степень сопряжения действий здесь более слабая, чем в предыдущем случае. Это означает большую автономность действий друг от друга, что подтверждается на синтаксическом уровне возможностью трансформации инфинитива в данном блоке в придаточное предложение.

В проанализированном материале нами были обнаружены следующие виды отношений такого типа:

1) матричное действие выражает убеждённость или веру в возможность совершения инфинитивного действия (*croire полагать, penser думать, compter считать*):

A l'avenir, les salaires pourront être réévalués, «doublés», croit savoir un cadre de Pernod Ricard (L'Expansion);

Les garçons et les filles, d'ailleurs, ne se supportent pas. Ils parlent avec des voix ridicules oscillant entre

le grave et l'aigu et **pensent connaître** à fond ce qu'ils ignorent, tout en pérorant d'un air entendu lorsqu'ils ne gloussent pas de manière hystérique (Le Figaro);

«Après que ce croisement des courbes a déjà eu lieu avec Benoît Hamon cette semaine, il est clair que nous **comptons puiser** dans cette progression l'énergie qui nous permettra de dépasser M. Fillon» (Libération).

2) матричное действие обозначает попытку выполнения инфинитивного действия (*essayer* пробо́вать, *tenter* пы́таться):

Je raconte des histoires et j'essaie de provoquer un rire (Paris Match);

Londres **a bien tenté de négocier** des accords de libre-échange. Mais les discussions ont traîné en longueur. Personne, et notamment pas ses anciennes colonies, n'étant disposé à lui faire de cadeau... (Libération).

3) матричное действие обозначает стремление выполнить инфинитивное действие (*chercher à faire qch*):

*Le 10 août, le joueur de deuxième division mourait dans le vestiaire d'Aurillac, au terme d'un troisième malaise cardiaque. Faute de conclusions probantes à l'autopsie, l'institut médico-légal de Clermont-Ferrand **cherche encore à établir** la cause précise du décès* (Le Monde).

3. Матричное и инфинитивное действия завершаются одновременно. В этом случае действие инфинитива предстаёт как реально свершившееся. В проанализированном материале нами были обнаружены следующие виды отношений такого типа:

1) матричное действие выражено глаголами, обозначающими краткосрочное действие (*oser* осме́литься):

*Pascal Gannat **a osé signer** l'appel d'Angers appelant à l'union des droites, alors que Marine Le Pen prône le «ni droite ni gauche», espérant amener à elle des électeurs des deux fronts* (Le Monde);

*Voyez comment aujourd'hui le débat s'enflamme lorsqu'on **ose condamner** radicalement la colonisation ou seulement mettre en doute ses prétendus bienfaits!* (Le Monde).

2) матричное действие выражено глаголами, обозначающими успешность выполнения инфинитивного действия (*reussir* до́биться успе́ха, *parvenir* до́стичь):

*Vendredi, Mo Farah a pu être rassuré concernant l'état de sa popularité. Il **a réussi à enthousiasmer** les spectateurs encore plus qu'Usain Bolt en séries du 100 m* (Le Monde);

*En trois soudaines enjambées de côté, Macron **parvient** toutefois à **approcher** les barrières*

pour échanger quelques phrases avec la foule (Libération).

Отношения неодновременности

Отношения неодновременности по обыкновению представлены отношениями следования и предшествования, которые реализуются в сфере изучаемых высказываний с определёнными ограничениями.

Отношения следования

Таксисные отношения следования между матричным и инфинитивным действиями означают последовательность событий, в которой инфинитивные действия совершаются после совершения матричных действий. Отношения следования реализуются в нашем случае в ограниченном объёме и зависят от семантической характеристики матричного действия. В исследованном материале были обнаружены следующие виды отношений такого типа.

1. Матричное действие означает предпосылку, условия для совершения инфинитивного действия в будущем:

1) матричное действие обозначает предупреждение, обещание или информирование о предстоящем инфинитивном действии (*annoncer* объя́вить, *prévoir* предусмо́треть, *promettre* обе́щать) и относится к прошедшему или настоящему времени, а инфинитивное – к будущему, при этом инфинитивное действие рассматривается говорящим как потенциально возможное или предполагаемое:

*Enfin, la polémique termine rue de Grenelle, quand Jean-Michel Blanquer **annonce porter** plainte pour diffamation «puisque ce syndicat a décidé de parler de racisme d'État»* (Le Monde);

*M. Macron **prévoit de fiscaliser** l'intégralité de la rémunération des parlementaires, y compris l'indemnité représentative de frais de mandat, d'un montant mensuel de 5 840 euros, destinée à faire face aux dépenses liées à l'exercice du mandat* (Le Monde);

*Un jour de mars dernier, c'est McDonald's qui change de patron après neuf trimestres consécutifs de baisse des ventes, **promet d'éliminer** les antibiotiques dans le poulet, **de simplifier** ses menus et **d'offrir** un burger composé «à la carte»* (L'Obs).

2) матричное действие обозначает желание или стремление выполнить инфинитивное действие в будущем. Эта семантическая ситуация реализуется в двух аспектах:

а) матричное действие обозначает запланированное намерение субъекта к совершению действия инфинитивного сказуемого (*prétendre*

требовать, envisager предполагать, ambitionner стремиться, entendre намереваться):

La stratégie gouvernementale prétend réduire notre dépendance au soja d'Amérique du Sud, responsable de la disparition de millions d'hectares au Brésil et en Argentine, mais ne fixe aucun indicateur quantitatif ou calendaire (Le Monde);

«Macron ce n'est pas pour moi. Je ne suis d'accord avec rien de ce qu'il dit», regrette Sandra, 22 ans. Elle envisage de voter blanc, et se dit que d'autres voteront Macron pour elle (Le Monde);

M. Macron ambitionne de renforcer les partenaires sociaux et la formation des représentants des salariés, rappelle M. Jeammaud, mais ces belles paroles «pèseraient peu face à des parodies de "dialogue" sur la réforme structurelle du droit des relations du travail» (Le Monde);

Rodrigo Duterte aura montré une nouvelle fois samedi et dimanche à quel point il entend orienter sa diplomatie plutôt vers la Chine que vers les Etats- Unis (Le Monde);

б) действие матричного сказуемого обозначает надежду, желание, личное отношение, заинтересованность субъекта в реализации инфинитивного действия, которое не предполагает запланированного порядка его совершения (espérer надеяться, souhaiter желать, rêver мечтать):

Au total, Juppé, Fillon et Le Maire espèrent lever de 2 à 3 millions d'euros chacun d'ici à l'échéance! (L'Obs);

Pour leur première collaboration, le scénariste Bertrand Galic, 41 ans, et le dessinateur Marc Lizano, 44 ans, rêvaient «d'adapter un récit emblématique de la Bretagne», sans chauvinisme (Le Parisien);

Positionnée sur l'accompagnement des entrepreneurs de plusieurs secteurs tels que celui du cinéma, Neuflize OBC souhaite étendre son expertise aux entreprises du développement durable (Les Echos).

2. Матричное действие является импульсом, отправной точкой совершения инфинитивного действия:

1) глагол, выражающий матричное сказуемое, обозначает действие-«толчок», а инфинитив – результат этого действия, который либо уже проявился, либо может проявиться в будущем:

D'une certaine façon, et même s'ils cassent les modèles de protection sociale gagnés à la force du poignet par les luttes syndicales, les modèles comme Uber contribuent à propulser le citoyen vers l'origine du monde du travail : l'artisanat, l'entreprise familiale (L'Expansion).

2) матричное действие обозначает принятие решения об осуществлении инфинитивного действия (choisir выбрать, décider принять решение, résoudre решить). При этом, если процесс принятия решения имеет место в прошлом, то его результат, представленный инфинитивным действием, с большой степенью вероятности реализовался (для верификации факта совершения инфинитивного действия необходимо прибегнуть к более широкому контекстному анализу). Если процесс принятия решения имеет место в настоящем, то его результат, выраженный инфинитивным действием, относится к будущему и носит потенциальный характер:

Au lendemain du premier tour, le candidat d'En marche!, Emmanuel Macron, avait choisi d'affronter sa rivale du Front national, Marine Le Pen, sur le terrain social (Le Monde);

Nous sommes des travailleurs indépendants, mais Uber décide de tout, à commencer par nos tarifs (L'Expansion);

Mr. Fogg et ses compagnons attendirent la nuit. Dès que l'ombre se fit, vers six heures du soir, ils résolurent d'opérer une reconnaissance autour de la pagode (Verne).

3. Матричное действие обозначает фазы реализации инфинитивного действия. Здесь возможны следующие виды взаимоотношений двух действий:

1) матричное действие, выраженное фазисным глаголом commencer + предлог par, обозначает, что говорящий приступил к первой фазе реализации инфинитивного действия:

Il avait commencé par se dire: «Quelle folie!» et maintenant il répétait : «Pourquoi pas, après tout? C'est une chance, peut-être la seule, et avec de tels abrutis!...» (Verne);

2) матричное действие, выраженное фазисным глаголом finir + предлог par, обозначает результат, завершающий этап, итог какой-либо деятельности, которая представлена в инфинитивном действии:

«Laurent a beaucoup observé Sarkozy, vu tous ceux qui l'ont trahi. Il met du temps avant de faire confiance, souligne un élu qui a fini par intégrer son premier cercle. Une fois que la confiance est là, il met beaucoup de chaleur dans la relation, on peut se dire les choses» (Le Monde).

Отношения предшествования

Таксисные отношения предшествования между матричным и инфинитивным действиями также реализуются в ограниченном объёме.

В изученном материале зафиксированы случаи, когда инфинитивное действие осуществляется ранее матричного при условии, что матричное сказуемое выражено глаголом с семантикой «признавать», «подтверждать» (*avouer reconnaître, confirmer confirmer*):

Une des jeunes filles avoue néanmoins avoir un «amoureux» dont elle montre furtivement le portrait, loin des yeux et des oreilles de celui qu'on appelle ici, respectueusement, Ustad Abbas (Le Figaro);

Mais j'avoue avoir été un peu choquée que leurs rêves soient aussi formatés par le matérialisme», poursuit Françoise (Libération).

В редких случаях в исследуемом материале встречаются так называемые генерирующие отношения, предполагающие, что на таксисные отношения накладываются разного рода причинно-следственные и иные логические отношения. В сфере нашего фактического материала зафиксированы, в частности, **отношения цели**, в рамках которых предполагается, что субъект совершает осознанное действие (матричное действие), чтобы достичь определённой цели, которой является инфинитивное действие.

В проанализированном материале нами были обнаружены два вида отношений такого типа.

1. Первый тип отношений цели зависит от семантики глаголов-репрезентантов матричного сказуемого:

1) Матричное сказуемое, выраженное глаголом с предлогом *pour*, обозначает направление действия, предпринятого для достижения цели, а инфинитивное действие обозначает поставленную цель:

D'ailleurs, il faut le remarquer, Mr. Fogg jouait évidemment pour jouer, non pour gagner (Verne);

L'armée, qui contrôle de fait le pays, a appelé au calme pour éviter tout débordement (L'Humanité);

L'équipe se retrouve parfois pour dîner à Saint-Tropez ou dans l'une de leurs villas (Paris Match).

2) Матричное сказуемое выражено глаголами с семантикой направленности на выполнение цели (*viser, être orienté être нацеленным*):

Officiellement, le programme vise à empêcher les clandestins de monter sur les trains pour éviter les accidents et les violences mafieuses (Le Monde);

«Notre réflexion vise à mieux valoriser notre politique sociale», dit le député de la Vienne Sacha Houlié (Le Monde).

2. Второй тип отношений цели предполагает, что матричное действие представляет собой конкретное действие, совершённое субъектом с целью выполнения инфинитивного действия.

Семантика глагола-репрезентанта матричного сказуемого в данном случае ограничена немногочисленной группой глаголов движения (*aller идти, venir приходить, revenir возвращаться*):

Agnan, tout content, est allé s'asseoir au bureau de la maîtresse et le Bouillon est parti (Sempé).

Un jour, en sortant d'une pièce de Gisèle Vienne, une journaliste est venue trouver le père de l'artiste en lui demandant ce qu'il pensait du fait que sa fille montre de telles horreurs a longueur de spectacles (Libération).

Mr. Fogg revint trouver l'Indien, dont les petits yeux, allumés par la convoitise, laissaient bien voir que pour lui ce n'était qu'une question de prix (Verne).

Анализ полученных результатов

Проведённое исследование позволило обнаружить следующие черты содержательных взаимоотношений между действиями, вербализованными матричным и вторым инфинитивным сказуемым.

Матричное и инфинитивное действия представляют собой нечленимый содержательный блок с высокой степенью сопряжения. Их отношения отличаются слабой локализацией по времени, абстракцией от реальной временной оси, обусловленными потенциальным характером реализации действия инфинитива. Отношения между этими действиями можно охарактеризовать как таксисные и, отчасти, генерирующие со специфическими проявлениями. Специфика этих отношений обусловлена двойственной природой инфинитива, сочетающего в себе свойства имени и глагола, вследствие чего он обозначает действие, не имеющее прямого соотношения с субъектом, производящим его, и со временем его протекания. В сфере указанных отношений наблюдается отсутствие чётко выраженного чередования действий, что позволяет говорить об определённой нейтрализации таксисной семантики.

Отмеченные особенности инфинитива накладывают некоторые ограничения на возможность выражения таксисного характера взаимосвязи матричного и инфинитивного действий.

Так, при выражении отношений *одновременности* степень сопряжённости и абстрактности двух действий носит максимально выраженный характер. Одновременность реализуется при условии выражения матричного сказуемого глаголами лексических групп, означающих аффективное отношение к выполнению инфинитивного действия, способность, наме-

рение выполнить инфинитивное действие, достижение успеха в выполнении инфинитивного действия.

Таксисные отношения *следования* между матричным и инфинитивным действиями означают последовательность событий, в которой предполагается, что инфинитивные действия совершаются после осуществления матричных действий. Однако ввиду потенциального характера инфинитивного действия ни срок его реализации, ни сам факт реализации обычно не указывается. Это позволяет предположить, что, несмотря на то, что здесь присутствует указание на последовательность действий, они содержательно мыслятся как сопряжённые. Возможность реализации последовательности указанных действий обусловлена семантикой глаголов-репрезентантов матричного сказуемого, которые относятся к следующим лексическим группам: информирование о предстоящем совершении действия; желание или стремление выполнить инфинитивное действие в будущем; надежда, желание выполнить инфинитивное действие; принятие решения о выполнении инфинитивного действия; фазы совершения инфинитивного действия.

Таксисные отношения *предшествования*, при которых инфинитивное действие совершается ранее матричного, реализуются в редких случаях при условии выражения матричного сказуемого глаголами с семантикой признания, подтверждения совершения инфинитивного действия.

Среди генерирующих отношений в рамках нашего исследования отмечены случаи реализации *отношений цели*, которые возникают при условии использования глаголов с семантикой достижения цели при выражении матричного сказуемого.

Заключение

Таким образом, изученный материал показал, что в рамках семантико-функционального подхода французский инфинитив получает непротиворечивую синтаксическую интерпретацию: роль второго инфинитивного сказуемого, функционирующего в комплексе с матричным сказуемым. Описанные в статье содержательные отношения между матричным и инфинитивным действиями отражают семиотику человеческого мышления и общения, передают симптомы внутреннего психологического, ментального, эмоционального состояния человека, в связи с чем им свойственна не конкретная последовательность действий на временной оси, а спаянность, тесная взаимосвязь и абстрагирование от конкретных хронологических параметров.

Дальнейшее изучение отношений между матричным и инфинитивным действиями будет способствовать более глубокому пониманию механизмов вербализации процессов, касающихся внутреннего мира человека, в частности, с помощью такой неоднозначной, «загадочной» формы как инфинитив. Важным представляется более глубокое исследование интерпретации таксисных соотношений действий, одно из которых представлено инфинитивом, по линии изучения неактуальности передачи порядка действий в случае, когда говорящий описывает процессы, касающиеся внутреннего мира человека; изучения характеристик субъекта, осуществляющего матричное и инфинитивное действия (определённость/неопределённость, единичность/множественность, степень референциальной отнесённости); анализ контекстуальной поддержки, так как ситуации, слабо локализованные во времени, отражают разные уровни познавательной деятельности человека.

Список литературы

1. Арутюнова И.Д. Предложение и его смысл. Лексико-семантические проблемы. М.: Наука. 382 с.
2. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи и времени. СПб: Изд-во СПбГУ, 1999. 260 с.
3. Бондарко А. В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 352 с.
4. Васильева Н.М., Пицкова Л.П. Теоретическая грамматика французского языка. Ускоренный курс. М.: Высшая школа, 1991. 300 с.
5. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2004. 862 с.
6. Илия Л.И. Грамматика французского языка. 2-е изд. испр. и доп. М.: Высшая школа, 1964. 304 с.
7. Ковалевская Я.А. Лексико-семантические свойства репрезентантов подлежащего отождествительно-предметного предложения во французском языке // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск: Пятигорский государственный университет. № 3, 2010. С. 78-82.

8. Ломов А.М. Типология русского предложения. Воронеж: Издательство ВГУ, 1994. 280 с.
9. Ломов А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник. Воронеж: Издательство ВГУ, 2004. 400 с.
10. Лукина С.Л., Ломова Т.М. Русские глаголы *reflexiva tantum*: основные характеристики и особенности их перевода на английский язык // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет. № 1 (282), 2019. С. 204-208.
11. Максимова Л.Ю. Недифференцированные таксисные отношения (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2015. 20 с.
12. Передериив Д.Э. Синтаксический и семантический статус абсолютной конструкции во французском языке: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2015. 226 с.
13. Реферовская Е.А., Васильева А.К. Теоретическая грамматика современного французского языка. Ч.1: Морфология и синтаксис частей речи. 3-е изд., испр. М.: Просвещение, 1982. 399 с.
14. Холонина Н.А. Сложноподчинённые предложения, выражающие причинно-следственные отношения (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 160 с.
15. Щербакова А.В. Таксисные отношения во французском сложноподчинённом предложении с пассивно-процессной предикацией // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж: Воронежский государственный университет. № 1, 2018. С. 95-99.
16. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95-114.
17. Celpan-Patic N. Le statut de l'infinitif autoproductif et hétéroproductif et leurs substituts en français et en roumain // La francopolyphonie № 3, 2008. P. 290-302.
18. Lablanche A. L'infinitif complément d'un verbe, d'un adjectif, d'un nom: Ecriture d'un fragment de grammaire : thèse de doctorat de Sciences du langage : Linguistique et phonétique générales. Paris, 2007. 291 p.
19. Riegel M., Pellat J.-C., Ruoul R. Grammaire méthodique du français. 3e éd. Paris. : Presses Universitaires de France, 2004. 646 p.
20. Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1959. 673 p.

Сведения об авторах:

Алексеева Елена Альбертовна – доктор филол. наук, профессор, заведующий кафедрой французской филологии Воронежского государственного университета. Сфера научных и профессиональных интересов: семантический синтаксис, типология простого предложения, иерархически организованная система сказуемого; перевод, дидактика перевода; интернационализация высшего образования: лингвистический аспект выражения идентичности. E-mail: Elena.alexeeva14@yandex.ru.

Борисов Олег Витальевич – преподаватель кафедры английского языка гуманитарных факультетов Воронежского государственного университета. Сфера научных и профессиональных интересов: семантический синтаксис, второе инфинитивное сказуемое; методика преподавания иностранных языков. E-mail: Oleg140993@mail.ru.

SEMANTIC RELATIONSHIPS BETWEEN MATRIX AND INFINITIVE PROPOSITIONS (BASED ON THE MATERIAL OF THE FRENCH PRESS)

E.A. Alekseeva, O.V. Borisov

Voronezh State University,
1 Universitetskaya pl., Voronezh, 394018, Russia.

Abstract: *The article focuses on identifying relationships between an action expressed by the infinitive and an action expressed by the verb in a personal form representing a predicate in such sentences as **Il aime raconter** des histoires (He **likes telling** stories). The research is conducted from the perspective of the semantic-functional approach, which allows defining syntactic status and thus discovering nominative potential on the basis of the content analysis.*

*Taking into account the notions of basic and non-basic propositions within the semantic-functional classification of the predicate, the predicate complex **aime raconter** is qualified as the compound predicate, which consists of the matrix (main) predicate and the second predicate referring to the same subject. In this case, the infinitive has a function of the second infinitive predicate expressing an additional predication of subordinate type in comparison with the matrix predicate. Matrix and infinitive propositions form a content block inside of which both actions have the relationships classified as the taxis ones. The realization of the taxis relationships is affected by the specific character of the infinitive, which expresses a non-localized in time action, the implementation of which is regarded as hypothetical or potentially possible. The article concludes that the above-mentioned features of the infinitive restrict the possibility of expression of the taxis character of the relationships between the matrix and the infinitive actions due to the usage of the specific lexico-semantic groups of verbs representing the matrix predicate.*

Key Words: semantic-functional approach, nominative potential, double predicate, infinitive, taxis relationships, simultaneity, non-simultaneity.

References

1. Arutiunova I.D. Predlozhenie i ego smysl. Leksiko-semanticheskie problemy [Sentence and its sense. Lexical-semantic problems]. M.: Nauka, 1976. 382 p.
2. Bondarko A.V. Obshchaia kharakteristika semantiki i struktury polia taksisa [General characteristic of semantics and structure of the field of taxis] / Teoriia funktsional'noi grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaia lokalizovannost', taksis [Theory of the functional grammar: Introduction, aspectuality, time localization, taxis]. M.: LIBROKOM, 2011. 352 p.
3. Bondarko A.V. Osnovy funktsional'noy grammatiki: Iazykovaia interpretatsiia idei i vremeni [Basis of the functional grammar: Language interpretation of idea and time]. SPb: Izd-vo SPbGU, 1999. 260 p.
4. Vasil'eva N.M., Pitskova L.P. Teoreticheskaia grammatika frantsuzskogo iazyka. Uskorennyi kurs [Theoretical French grammar. Crash course]. M.: Vysshaia shkola, 1991. 300 p.
5. Gak V.G. Teoreticheskaia grammatika frantsuzskogo iazyka [Theoretical French grammar]. M.: Dobrosvet, 2004. 862 p.
6. Iliia L.I. Grammatika frantsuzskogo iazyka [French grammar]. 2-e izd. ispr. i dop. M.: Vysshaia shkola, 1964. 304 p.
7. Kovalevskaia Ia.A. Leksiko-semanticheskie svoistva reprezentantov podlezhashchego otzhdestvitel'no predmetnogo predlozheniia vo frantsuzskom iazyke [Lexical-semantic features of representatives of a subject of an identification sentence in French] // Vestnik Piatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin]. Piatigorsk: Piatigorskii gosudarstvennyi univversitet. № 3, 2010. P. 78-82.
8. Lomov A.M. Russkii sintaksis v alfavitnom poriadke: Poniatiinyi slovar'-spravochnik [Russian syntax in alphabetic order: conceptual reference book]. Voronezh: Izdatel'stvo VGU, 2004. 400 p.
9. Lomov A.M. Tipologiiia russkogo predlozheniia [Russian sentence typology]. Voronezh: Izdatel'stvo VGU, 1994. 280 p.
10. Lukina S.L., Lomova T.M. Russkie glagoly refxiva tantum: osnovnye kharakteristiki i osobennosti ikh perevoda na angliiskii iazyk [Russian verbs reflexive tantum: general characteristics and features of its translation to English] // Ivestiia Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Voronezh state pedagogical university bulletin]. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennii pedagogicheskii universitet. № 1 (282), 2019. 204-208 p.
11. Maksimova L.Iu. Nedifferentsirovannye taksisnye otnosheniia (na materiale angliiskogo i russkogo iazykov) [Undifferentiated taxis relations (on the material of English and Russian)]: avtoref. diss ... kand. filol. nauk. Velikii Novgorod, 2015. 20 p.
12. Perediriev D.E. Sintaksicheskii i semanticheskii status absolutnoi konstruksii vo frantsuzskom iazyke [Syntactic and semantic status of the absolut construction in French]: diss. ... kand. filol. Nauk. Voronezh, 2015. 226 p.
13. Referovskaia E.A., Vasil'eva A.K. Teoreticheskaia grammatika sovremennogo frantsuzskogo iazyka. Ch. 1: Morfologiiia i sintaksis chastei rechi [Modern French theoretical grammar. Ch. 1: morphology and syntax of the parts of speech]. 3-e izd., ispr. M.: Prosveshchenie, 1982. 399 p.
14. Kholonina N.A. Slozhnopodchinennye predlozhenia, vyrazhaiushchie prichinno-sledstvennye otnosheniia (na materiale russkogo i angliiskogo iazykov) [Complex sentences expressing causality (on the basis of Russian and English)]: diss ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2011. 160 p.
15. Shcherbakova A.V. Taksisnye otnosheniia vo frantsuzskom slozhnopodchinennom predlozhenii s passivno-protsessnoi predikatsiei [Taxis relations in French complex sentence with the passive-process predication] // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia [Voronezh State university bulletin: Linguistics and intercultural communication]. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet. № 1, 2018. P. 95-99.
16. Iakobson R.O. Shiftery, glgol'nye kategorii i russkii glagol [Shifters, verb categories and Russian verb] // Printsipy tipologicheskogo analiza iazykov razlichnogo stroia. M.: Nauka, 1972. P. 95-114.
17. Celpan-Patic N. Le statut de l'infinitif autoprosodique et hétéroprosodique et leurs substituts en français et en roumain // La francopolophonie № 3, 2008. P. 290-302.
18. Lablanche A. L'infinitif complément d'un verbe, d'un adjectif, d'un nom: Ecriture d'un fragment de grammaire: thèse de doctorat de Sciences du langage : Linguistique et phonétique générales. Paris, 2007. 291 p.
19. Riegel M., Pellat J.-C., Ruoul R. Grammaire méthodique du français. 3-e éd. Paris. : Presses Universitaires de France, 2004. 646 p.
20. Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1959. 673 p.

About the authors:

Alekseeva E.A. – Doctor of Philology, professor, head of the department of French Philology of Voronezh State University. Research interests: semantic syntax, typology of a simple sentence, hierarchically organized system of a predicate; translation, didactics of translation; internationalization of the higher education. E-mail: Elena.alexeeva14@yandex.ru.

Borisov O.V. – teacher of the Department of English for Humanitarian Faculties of Voronezh state university. Research interests: semantic syntax, second infinitive predication; foreign language teaching methods. E-mail: Oleg140993@mail.ru.

★ ★ ★

ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ КОММЕНТИРОВАНИЯ В НЕМЕЦКОМ СПОРТИВНОМ РЕПОРТАЖЕ

Е.А. Калашникова

Московский государственный лингвистический университет,
119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, 38

В.М. Глушак

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Статья посвящена варьированию произношения в зависимости от стилистических особенностей построения устных текстов. В качестве сигнификантных индикаторов варьирования произносительной нормы выступают фоностилистические средства. Одним из жанров, в которых ярко прослеживается зависимость изменения фонетико-просодических средств от характера внеязыковых параметров, является спортивный комментарий. В фокусе исследования находится степень реализации артикуляционной чёткости на различных этапах комментирования. При проведении фоностилистических исследований целесообразно учитывать три степени артикуляционной чёткости: очень высокую, средне-высокую и сниженную. На каждом этапе спортивного соревнования у комментаторов формируется определённое психофизиологическое состояние, которое влияет на чёткость артикуляции. В статье проводится аудиторский анализ на сегментном уровне, который помогает проследить полноту реализации звуков и их варьирование в различных фазах построения спортивного репортажа. Как правило, в любом спортивном репортаже можно выделить четыре фазы, которые описывают фрагменты, не насыщенные борьбой, фазы активного соперничества, победы и поражения. В качестве индикаторов сегментного уровня речи рассматриваются реализация твёрдого приступа в начале слова и слога, реализация долготы гласного в ударном слоге, реализация аспирации глухих смычно-взрывных согласных p, t, k, реализация r в закрытом слоге в позиции после краткого гласного, реализация редуцированного гласного e в конечных слогах, реализация конечного согласного t. Фоностилистические изменения обусловлены психофизиологической реакцией говорящего на действия спортсменов в момент проявления ими волевых усилий для достижения победы или, наоборот, при изменении хода соревнования, когда фавориты не оправдывают возлагавшихся на них надежд.

Ключевые слова: фоностилистика, спортивный репортаж, вариативность, звуковые индикаторы, сегментный уровень.

1. Введение

1.1. Фоностилистика

В последнее время фонетисты всё чаще обращаются к фонетическим вариациям стандартного произношения в зависимости от стилистических особенностей

построения устных текстов. Возникло даже целое направление внутри фонетической науки, которое получило название фоностилистика. Основная задача фоностилистики состоит в том, чтобы описать изменение фонетических характеристик речи в зависимости от социальной роли говорящего и его принадлежности к опре-

делённому языковому сообществу (см. напр.: [5, с. 56]).

Впервые фоностилистические особенности звучащей речи описал Готтфрид Майнхольд в 1973 году в своей работе „Deutsche Standardaussprache. Lautschwächungen und Formstufen“, в которой проводится различие между произношением в процессе чтения (Formstufe der Lesung) и в процессе свободного говорения (Formstufe des Gesprächs) [8].

В связи с изучением фонетических особенностей различных устных жанров речи учитывается такой экстралингвистический фактор как степень подготовленности речи – от декламирования и праздничного выступления до чтения вслух новостей и академических бесед. На базе этого критерия построен инновационный для своего времени словарь произношения немецкого языка GWDA [6].

Группа исследователей под руководством Б. Руэс развивает дальше концепцию Г. Майнхольда и выделяет три регистра (Stilebenen) в рамках стандартного произношения: 1) высокий регистр (например, при чтении новостей, классической поэзии), 2) высокий регистр свободного говорения (например, доклад с обратной связью, публичные дискуссии) и 3) сниженный регистр (например, бытовой диалог) [10, с. 232-237]. При этом отмечается, что разница между выделяемыми регистрами условная и размытая, поэтому возможно объединение второго и третьего регистров в общий регистр свободного говорения [10, с. 68].

В последнее время большую популярность получила классификация стилей произношения, предложенная исследовательской группой фонетистов под руководством Э.-М. Крех, в которой за основу берётся принцип артикуляционной чёткости. Авторы выделяют три степени артикуляционной чёткости: очень высокую, средне-высокую и сниженную [7, с. 99]. Этот подход представляется нам наиболее объективным при проведении фоностилистических исследований, так как он помогает сфокусироваться непосредственно на реализации фонетических явлений с обязательной привязкой к экстралингвистическому фону, но без учёта фактора подготовленности/спонтанности речи.

1.2. Жанр спортивного репортажа

В современном языкознании жанр спортивного репортажа рассматривается преимущественно в коммуникативно-прагматическом

аспекте, где изучаются стратегии и тактики комментаторов, а также лексическое наполнение и грамматическое оформление самого комментария (например: [2; 3] и др.). Особый интерес для нашего исследования представляет диссертация К.В. Сняtkова, в которой среди прочего описываются некоторые просодические особенности спортивного телевизионного репортажа. Автор выделяет четыре интонационных регистра для передачи различных этапов соревнования: нейтральный (сопровождает моменты соревнований, не насыщенных борьбой), регистры «Борьба» (моментами активного соперничества), «Победа» (ситуации победы «своего» спортсмена) регистр «Поражение» (ситуации проигрыша) [4, с. 9]. Очевидно, что переключение регистров связано с развитием событий на спортивной площадке.

Просодическое построение спортивного репортажа наиболее комплексно представляют К.Б. Карпов и Н.А. Милюкова: неравномерный (вариативный) темп – от умеренного до очень высокого, неравномерное распределение акцентов, наличие значимого контраста между акцентными слогами, варьирование громкости от умеренной до очень сильной, ограниченное количество коротких пауз, реализация пауз хезитации, широкий мелодический диапазон, отсутствие падения тона в конце фразы [1, с. 36-38]. Авторы отмечают вариативность просодических характеристик, но не указывают сферы их реализации в рамках спортивного репортажа.

Однако в представленных исследованиях не анализировался сегментный уровень, который помогает проследить полноту реализации звуков и их варьирование в различных фазах построения спортивного репортажа в зависимости от экстралингвистических факторов. Тем не менее, классификацию интонационных регистров К.В. Сняtkова мы берём за основу в своём исследовании, так как она учитывает связь между определёнными этапами трансляции соревнования и их мелодической реализацией.

2. Методика исследования

Корпус исследования составили 10 спортивных репортажей по плаванию на немецких телевизионных каналах. Общий объём трансляций составил 110 минут. В результате аудиторского анализа исследовалась связь между этапом соревнования, степенью эмоциональной включённости комментатора и степенью артикуляционного напряжения его речи.

В ходе аудиторского анализа были выделены следующие фоностилистические индикаторы определённых фаз трансляции телевизионного репортажа:

- частотность реализации интенсивности твёрдого приступа в начале слова и слога;
- частотность реализации долготы гласного в ударном слоге;
- частотность реализации интенсивности аспирации глухих смычно-взрывных согласных p, t, k;
- частотность реализации г в закрытом слоге в позиции после краткого гласного;
- частотность реализации редуцированного гласного e в конечных слогах, возможна также тотальная ассимиляция, выражающаяся в выпадении конечного слога;
- частотность реализации конечного согласного t.

3. Результаты комплексного анализа

3.1. Фазы соревнований, не насыщенные борьбой

Преобладание средне-высокой степени артикуляционного напряжения с элементами сниженной степени в ситуациях представления спортсменов, рассказов историй из жизни спортсменов, объяснения правил соревнования, обсуждения результатов участников завершившегося соревнования. Для фаз соревнований, не насыщенных борьбой, характерны:

- сниженная частотность и интенсивность реализации твёрдого приступа в начале слова и слога:

Und ich [ʔon ʔic] muss gestehen, Tom, ...;

- реализация средней долготы гласных в ударных слогах:

Dann kommt auf Bahn [ba:n] drei Michael Phelps;

- средняя интенсивность аспирации глухих смычно-взрывных согласных p, t, k:

Der Russe kommt [kʰɔmtʰ] für eine Medaille in Frage;

- частая вокализация г в закрытом слоге в позиции после краткого гласного:

... ein Japaner mit der starken [ʃtaʰkɐ] letzten Bahn;

- выпадение гласного e в конечных слогах -en после гласных и сонорных согласных:

... eine der schnellsten Zeiten geschwommen [gəʃwɔmn];

- возможное выпадение конечных согласных t, n и l;

Um sich in die richtige Wettkampfstimmung zu bringen [brɪŋ],

Das ist [is] Sho Uchida.

3.2. Фазы активного соперничества

Высокая и средне-высокая степень артикуляционной чёткости. Такое положение дел наблюдается в острой фазе борьбы за лидерство, что вызывает рост эмоционального напряжения комментаторов. Особенностью маркирования речи комментаторов в данной фазе соревнования является несколько утрированная реализация некоторых звуковых индикаторов. Особенно показательным является чрезмерное удлинение ударного гласного в акцентно выделенных словах. Кроме того, наблюдается:

- высокая частотность и интенсивность твёрдого приступа в начале слова и слога:

Er versucht Phelps abzuschütteln [ʔaptsuʃytʌn]¹;

- чрезмерное удлинение ударного гласного в акцентно выделенных словах:

Besserer Start [ʃta:ʰt] für ...;

- усиление шумового компонента при реализации звонких и глухих щелевых согласных вплоть до фортизации звонких щелевых:

Weltrekord! [feltʰɛkɔʰt];

- местами утрированная аспирация глухих смычно-взрывных согласных p, t, k:

Das ist [istʰh]² seine große Stärke;

- реализации г в закрытом слоге в позиции после краткого гласного:

Michael Phelps mit der schwarzen [ʃvaʰtsɐ] Kappe dadrüben;

- преимущественная реализации редуцированного гласного e в конечном слоге -en :

Er wollte das Rennen [rɛnən] von vorne schwimmen [ʃvimən];

- реализация конечного согласного t:

Und [unt] jetzt [jetst] kommt die wichtigste Phase.

3.3. Ситуации победы спортсмена

Наблюдается в первые секунды после финиша и характеризуется от высокой до средне-высокой степени артикуляционной чёткости. По-

¹ Для передачи утрированно твёрдого приступа мы используем два символа ʔ.

² Для передачи утрированной аспирации мы используем два символа ʰh.

сле победы спортсмена и, прежде всего, своего фаворита, говорящий испытывает эмоциональное возбуждение или даже находится в эйфории. Признаками произношения комментатора в данной фазе являются:

- высокая частотность и интенсивность твёрдого приступа в начале слова и слога:

Er [ʔeʔ] hat Michael Phelps Weltrekord geknackt;

- чрезмерное удлинение ударного гласного в акцентно выделенных словах, иногда это касается даже кратких гласных:

Weltrekord eins zwei und *vierzig* [fi:ʔtsjç] null.

- усиление шумового компонента при реализации звонких и глухих щелевых согласных вплоть до фортизации звонких щелевых:

Was für eine *fa*belhafte *Zeit*!;

- местами утрированная аспирация глухих смычно-взрывных согласных p, t, k:

Aber das war ein *klasse* [k^{hh}lasə] *Rennen*;

- реализации r в закрытом слоге в позиции после краткого гласного:

Es zeigt sich hier die ganze *har*te [haʔtə] *Ar*beit [aʔbeɪt];

- реализации гласного e в конечном слоге -en:

Aber das sind *Ze*iten, bei *de*nen [de:nən] man natürlich nachdenklich wird;

- реализации конечного согласного t:

Es ist [ist] der *Drit*te, das ist *Dani*il Izotov.

3.4. Ситуации проигрыша

В ситуациях проигрыша произношение комментатора характеризуется средне-высокой и сниженной степенью артикуляционного напряжения. Состояние как зрителей, так и комментатора, особенно если речь идёт о «своём» спортсмене, можно описать как эмоциональное опустошение, разочарование. Фо-

ностилистическими маркерами данной фазы выступают:

- сниженная интенсивность или отсутствие твёрдого приступа в начале слова и слога:

Das ist [is] die *fa*ire *Gratulation*;

- снижение интенсивности аспирации глухих смычно-взрывных согласных p, t, k:

Micheal Phelps ist [ist^h] nur noch *Number Two*;

- преимущественная вокализация r в закрытом слоге в позиции после краткого гласного:

Robert [ro:bɪt] hat alles versucht, aber das hat nicht *ge*reicht;

- реализация средней долготы ударного гласного:

Das hat *we*h [ve:] getan;

- выпадение конечного согласного t:

Es ist [is] die *er*ste *Niederlage*.

По результатам аудиторского анализа самым выразительным индикатором оказалась утрированная долгота гласных в акцентно выделенных словах в речи комментатора на этапах активного соперничества и победы. Чтобы подтвердить достоверность аудиторского анализа, был сформирован узкий корпус слов с реализацией утрированной долготы и подвергнут анализу с помощью программы PRAAT. Затем было сделано сравнение с характеристиками гласных в данной позиции в нейтральной речи, описанными в экспериментальном исследовании К.-Х. Рамерса. Приведём средние значения длительности встречаемых в нашем узком корпусе гласных и для удобства переведём их значения из миллисекунд в секунды [9]: a: – 0,21; i: – 0,13; u: – 0,15; e: – 0,14. В телевизионном спортивном репортаже долгота гласных существенно отличается от долготы гласных в нейтральной речи в сторону её увеличения, как видно из следующей таблицы:

Ударный гласный в открытом слоге	i:	a:	u:	e:
Долгота гласного в телевизионном спортивном комментари, сек.	0,5	0,35	0,24	0,23
Средняя долгота гласного в нейтральной речи, сек.	0,13	0,21	0,15	0,14
Коэффициент увеличения средней долготы в речи спортивных комментаторов	3,84	1,66	1,6	1,64

Таблица 1. Длительности звучания ударных гласных a:, i:, u:, e: в открытом слоге

4. Выводы

Спортивный репортаж относится к тем немногим жанрам устной речи, в которых часто реализуется высокая степень чёткости артикуляции звуков. Анализ зависимости изменения фоностилистические маркеров в речи комментаторов от хода спортивного состязания позволяет сделать вывод о том, что эти изменения

обусловлены психофизиологической реакцией говорящего на действия спортсменов в момент проявления ими волевых усилий для достижения победы или, наоборот, при изменении хода соревнования, когда фавориты не оправдывают возлагавшихся на них надежд. При этом важную роль в психофизиологической реакции играет понятие азарта. Так как азарт – эмоция, связан-

ная с предвосхищением успеха и является по сути аффектной, то и речь человека, находящегося в состоянии аффекта, проявляется посред-

ством высокой степени артикуляционной чёткости произношения.

Список литературы

1. Карпов К.Б., Милюкова Н.А. Фоностистика немецкого языка. М.: МГПИИЯ, 1982. 130 с.
2. Качанов Д.Г., Шестерина А.М. Понятие спортивного телевизионного дискурса // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2005, №2. С. 97-99.
3. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда: ВГПУ, 2008. 18 с.
4. Снятков К.В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Омск: ОГУ, 2011. 46 с.
5. Bose I., Hirschfeld U., Neuber B., Stock E. Einführung in die Sprechwissenschaft. Tübingen: Narr, 2016. 290 S.
6. Krech E.-M. et al. Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1982. 599 S.
7. Krech E.-M. et al. Deutsches Aussprachewörterbuch. Mit Beiträgen von Walter Haas, Ingrid Hove, Peter Wiesinger. Unter Mitarbeit von Ines Bose, Uwe Hollmach, Baldur Neuber. Berlin u.a.: Verlag Walter de Gruyter, 2009. 1076 S.
8. Meinhold G. Deutsche Standardaussprache: Lautschwächungen und Formstufen. Jena: Friedrich-Schiller-Universität, 1973. 147 S.
9. Ramers K.-H. Vokalquantität und -qualität im Deutschen. Tübingen: Niemeyer, 1988.
10. Rues B., Redecker B., Koch E., Wallraff U., Simpson A.P. Phonetische Transkription des Deutschen. Tübingen: Narr, 2005. 155 S.

Сведения об авторах:

Калашникова Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики немецкого языка МГЛУ (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: социофонетика, фоностистика, культура устной речи. E-mail: elk99@mail.ru.

Глушак Василий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: фоностистика, лингвокультурология, дискурс-анализ, когнитивная лингвистика. E-mail: glushakvm@mail.ru.

PHONOSTYLISTIC VARIABILITY OF COMMENTING IN A GERMAN SPORTS REPORT

Elena A. Kalashnikova

Moscow State Linguistic University,
119034, Russia, Moscow, 38, ul. Ostozhenka

Vasily M. Glushak

Moscow State Institute of International Relations (University),
119454, Russia, Moscow, 76, Prospect Vernadskogo

Abstract: *The article is devoted to the variation of pronunciation depending on the stylistic features of oral texts. Phonostylistic means act as significant indicators of variation of the pronunciation norm. One of the genres in which the dependence of the change in phonetic-prosodic means on the nature of extralinguistic parameters is clearly traced is sports commentary. The focus of the study is the degree to which articulation clarity is implemented at various stages of commenting. When conducting phonostylistic studies, it is advisable to take into consideration three degrees of articulation clarity: very high, medium-high, and reduced. At each stage of a sports competition commentators form a certain psychophysiological state*

that affects the clarity of articulation. The article provides an audit analysis at the segmental level, which helps to trace the completeness of the implementation of sounds and their variation in various phases of building a sports report. As a rule, in any sports report four phases can be distinguished that describe fragments that are not saturated with struggle, phases of active rivalry, victory and defeat. As indicators of the segmented level of speech we consider the implementation of a solid attack at the beginning of a word and syllable, the implementation of the longitude of a vowel in an stressed syllable, the implementation of aspiration of deaf sensory-explosive consonants “p”, “t”, “k”, the implementation of “r” in a closed syllable in a position after a short vowel, the implementation of a reduced vowel “e” in finite syllables, realization of the final consonant “t”. Phonostylistic changes are due to the psychophysiological reaction of the speaker to the actions of the athletes at the time they show strong-willed efforts to achieve victory or, conversely, when the course of the competition changes, when the favorites do not justify the hopes placed on them.

Key Words: *phonostylistics, sports reporting, variability, sound indicators, segment level.*

References

1. Karpov K.B., Miliukova N.A. Fonostilistika nemetskogo iazyka [Phonostylistics of the German language]. Moscow: MGPIIYa, 1982. 130 s.
2. Kachanov D.G., Shesterina A.M. Poniatie sportivnogo televizionnogo diskursa [The concept of sports television discourse] // Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika [Journal of Voronezh State University. Philology. Journalism]. 2005, №2. S. 97-99.
3. Malysheva E.G. Russkii sportivny diskurs: teoriia i metodologiya lingvokognitivnogo issledovaniia. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Russian sports discourse: theory and methodology of linguistic-cognitive research. Abstract of dissertation]. Vologda: VGPU, 2008. 18 s.
4. Snyatkov K.V. Kommunikativno-pragmaticheskie kharakteristiki televizionnogo sportivnogo diskursa. Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Communicative and pragmatic characteristics of television sports discourse. Abstract of dissertation]. Omsk: OGU, 2011. 46 s.
5. Bose I., Hirschfeld U., Neuber B., Stock E. Einführung in die Sprechwissenschaft. Tübingen: Narr, 2016. 290 S.
6. Krech E.-M. et al. Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1982. 599 S.
7. Krech E.-M. et al. Deutsches Aussprachewörterbuch. Mit Beiträgen von Walter Haas, Ingried Hove, Peter Wiesinger. Unter Mitarbeit von Ines Bose, Uwe Hollmach, Baldur Neuber. Berlin u.a.: Verlag Walter de Gruyter, 2009. 1076 S.
8. Meinhold G. Deutsche Standardaussprache: Lautschwächungen und Formstufen. Jena: Friedrich-Schiller-Universität, 1973. 147 S.
9. Ramers K.-H. Vokalquantität und -qualität im Deutschen. Tübingen: Niemeyer, 1988.
10. Rues B., Redecker B., Koch E., Wallraff U., Simpson A.P. Phonetische Transkription des Deutschen. Tübingen: Narr, 2005. 155 S.

About the authors:

Elena A. Kalashnikova – PhD, Associate Professor of the German Phonetics Department of Moscow State Linguistic University (Russia, Moscow). Research and professional interests: sociophonetics, phonostylistics, culture of oral speech. E-mail: elk99@mail.ru.

Vasily M. Glushak – PhD, Professor of the German Language Department of MGIMO (Russia, Moscow). Research and professional interests: phonostylistics, linguoculturology, discourse analysis, cognitive linguistics. E-mail: glushakvm@mail.ru.

★ ★ ★

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПУТЬ» В ИРЛАНДСКИХ СКАЗКАХ

А.А. Зарайский

Саратовская государственная юридическая академия,
410056, Россия, Саратов, ул. Вольская, 1

О.Л. Морова, В.Ю. Полякова

Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова,
410003, Россия, Саратов, ул. Радищева, 89

В статье на материале ирландских сказок рассматривается языковая репрезентация концепта «путь». Выявляется образный компонент, ключевая лексема, составляющая ядро, информационное содержание, представленное когнитивными признаками, и интерпретационное поле, составляющие периферию поля концепта. Путь в прямом и переносном смысле слова выступает в качестве образного компонента, ключевая лексема – rath, в информационном содержании выявлено семь когнитивных признаков: освоение нового пространства, цель, даль, приключения, трудности, судьба, путешествие в загробный мир; интерпретационное поле включает в себя две группы пословиц, репрезентирующие материальное представление пути и его метафорическое понимание. Моделирование фрейма концепта «путь» позволило выделить типовые слоты: субъект движения; начало движения; траектория; среда перемещения; среда и способ движения; направление движения; локус; расстояние; движущая сила, мотив. Таким образом, выявление структуры концепта «путь» в данной работе проводилось на основе лингвокогнитивного подхода. В структуре концепта «путь» был выделен чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле. Путь предстаёт как категория бытия, охватывающая различные аспекты жизни человека. Путь может рассматриваться не только как дорога, по которой идёт человек, преодолевая большое расстояние, но также как жизненный путь, связанный с неминуемыми трудностями и препятствиями, что отражает значимость роли пути в жизни человека в ирландской культуре.

Ключевые слова: концепт, фрейм, слот, структура концепта, лингвокогнитивный подход, когнитивные признаки концепта, интерпретационное поле концепта, ирландские сказки.

Интерес лингвистов к исследованию концептов вызван тем, что они как комплексные дискретные единицы сознания формируют концептосферу нации [13]. Концепты кодируются в сознании единицами универсального предметного кода [7; 6]. Самые важные концепты объективируются в языке [12]. Для вербализации концептов используется весь набор языковых единиц, обладающих значением. В настоящее время наметилось три подхода к концепту: психолингвистический [8], лингвокультурологический [10; 4] и лингвокогнитивный [12; 3; 15].

Концепт «путь» как «конструкт этнической языковой картины мира» [1] исследуется в различных лингвокультурах [11; 19; 2]. Цель данного исследования заключается в выявлении специфики языковой репрезентации концепта «путь» в ирландской лингвокультуре, а именно в сказках. Объектом данного исследования является специфика языковой репрезентации концепта «путь» в ирландской культуре. Материалом исследования послужили тексты ирландских сказок, отражающие древние мифологические представления ирландцев и свидетельствующие об их национально-культурной

самобытности. Основу данного исследования составляют ирландские сказки, собранные и художественно обработанные Дж. Стивенсом [21].

В рамках лингвокогнитивного подхода концепт имеет определённую структуру. Данный концепт организован по полювому принципу: на ядро концепта накладываются образованные концептуальными признаками когнитивные слои, дополняющие базовый слой концепта. Помимо ядра концепт имеет объёмную интерпретационную часть (периферию). Интерпретационное поле концепта слабо структурировано и содержит во многом противоречивые интерпретации концептуальных признаков, его оценки и трактовки национальным, групповым и индивидуальным сознанием [15, с. 113].

На первом этапе рассмотрим образный компонент данного концепта, выступающий как символ судьбы человека. Символический путь наделяется и пространственным и временным измерением. Его начало и конец отмечаются изменением состояния: герой приобретает что-то новое, либо восполняет утраченное. Путь героев в целом строится по модели – отправление героя в путь, его пребывание в пути, возвращение домой [5]. В целом, существуют две разновидности пути: путь, ведущий к цели постепенно, и путь, приближающий к цели внезапно.

Информационное содержание концепта является в результате анализа словарных дефиниций ключевой лексемы. Наличие большого количества номинаций концепта свидетельствует о высокой номинативной плотности данного участка языковой системы и актуальности вербализуемого концепта для сознания народа [9].

В работе проведён анализ зафиксированного в словарях лексического значения слова «путь» и его внутренней формы. Слово «путь» заимствовано из праславянского языка «*putь*», болг. «*път*», чешский «*put*», содержит элементы древнего слова «*ront*» и определяется как «преодоление»; «дорога, изобилующая опасностями» [17]. Таким образом, была установлена ключевая лексема, репрезентирующая концепт «путь» – *path* – и входящая в ядро концепта.

Анализ словарных дефиниций ключевой лексемы позволил выявить синонимичный ряд лексем-репрезентантов исследуемого концепта:

1. *Path is the space ahead of you as you move along*; 2. *A path that you take is a particular course of action or way of achieving something*; 3. *A road or way, especially a narrow trodden track*; 4. *A surfaced walk, as through a garden*; 5. *The course or direction*

in which something moves; 6. *A course of conduct*; 7. *A way of life, conduct, or thought*; 8. *The way that someone's life develops* [18].

Словарь английского языка *Macmillan English Dictionary* даёт следующие определения лексемы «*path*»: 1. *A track that is built or is made by the action of people walking*; 2. *A long area of ground which people walk along to get from one place to another*; 3. *A route specially constructed for a particular use*; 4. *A particular plan of action or way of achieving something*; 5. *The line which it moves along in a particular direction*; 6. *The space ahead of you as you move along*; 7. *The choice that a person makes during the life* [20].

Таким образом, *path* является ядерной лексемой, вербализующей концепт. Её синонимы *way*, *track*, *road* составляют ближнюю периферию. Лексемы *area*, *line*, *space*, *course*, *route*, *ground* менее частотны.

Словарные дефиниции позволили выявить два компонента значения: полоса земли, служащая для передвижения, и направление деятельности, развитие чего-либо, что позволяет определить базовые представления о языковой репрезентации концепта «путь» как описание дороги, ведущей к намеченной цели, и жизненного пути человека. Более того, «путь» обладает второстепенным значением: череда событий, приводящих к определённому результату.

Дальнейший анализ предполагает выделение когнитивных признаков рассматриваемого концепта, а именно:

1. Освоение нового пространства. Для рассматриваемого концепта крайне актуальна оппозиция «освоенный мир» – «неосвоенный мир», репрезентируемая оппозицией «дом» – «дорога». Дом – своё пространство, а дорога – это чужое, неведомое, где проявляется судьба, доля, удача человека. Несмотря на то, что путь оказывается чужим и незнакомым для героя, он находит способ добраться до конца: *They didn't know what to do. For where there had been a road with hedges on each side and fields stretching beyond them, there was now no road, no hedge, no field... At a little to their right there was a thin uncomely bridge that waggled across the torrent* [22].

2. Цель. Большая часть жизни героев ирландских сказок проходит в пути. Их цель – добыча, приключения, показ удали, помощь, поиски, наказание. Именно цель является основой всей сказки: *On one of these adventures, as they searched a flooded river to find the ford, they saw a solitary woman in a chariot driving from the west* [26].

3. Даль. В текстах ирландских сказок путь является дальним и утомительным. Дальность дороги передаётся через общее очертание времени: *The path was far as the eye could reach, and in whatever direction, there were trees* [25].

4. Приключение. Путь героя сказок предполагает различные встречи с другими героями, а также приключения: *A snarl went over the huge face of the monster and she leaped forward again, but she met Goll's point in the road; it went through her, and in another moment Goll took her head from its shoulders and swung it on high before Fionn* [24].

5. Сложности. Непредвиденные испытания, которые необходимо преодолеть герою сказок, закаляют его: *He would have known little snaky paths, narrow enough to be filled by his own small feet, or a goat's* [23].

6. Судьба. В сказках судьба предопределяется выбором пути. Такой выбор определяет развитие сюжета и судьбу героя: *From it, the centre of Ireland, four great roads went, north, south, east, and west, a crossroad it was* [23].

7. Путешествие в загробный мир. В концепте «путь» отражается оппозиция «жизнь – смерть». Как правило, в ирландских сказках идея смерти реализуется через облачение героя: *She was clad in iron plate, and she had a wicked sword by her side and a knobby club in her hand, ready to start her path* [24]. Одетый или обутый в железные одеяния герой с палицей символизировал путешествие в мир иной. Обувью, посохом или палицей снабжали умерших для странствия в мир иной [16].

Анализ когнитивных признаков концепта «путь» в ирландских сказках позволяет сделать вывод о том, что путь играет важную роль в становлении любого героя. Путь предопределяет судьбу героя и осознаётся как способ переживания чего-то нового.

Дальнейшим шагом в описании структуры концепта является анализ его интерпретационного поля, где находит своё отражение историческое представление концепта «путь» в сознании народа. Подобный анализ позволил сделать выводы о том, что основную группу составили пословицы, акцентирующие внимание на «преодолении трудностей».

Основной смысл данных пословиц состоит в том, что из любой ситуации всегда есть выход.

Ряд пословиц актуализирует признак «разрешение проблем» и представляет собой давние устои, свойственные ирландской культуре.

Смысл данных пословиц в том, что отсут-

ствует единый способ преодоления проблем.

Пословицы, актуализирующие признак «дружба», доказывают, что в ирландской культуре дружба ценится превыше всего.

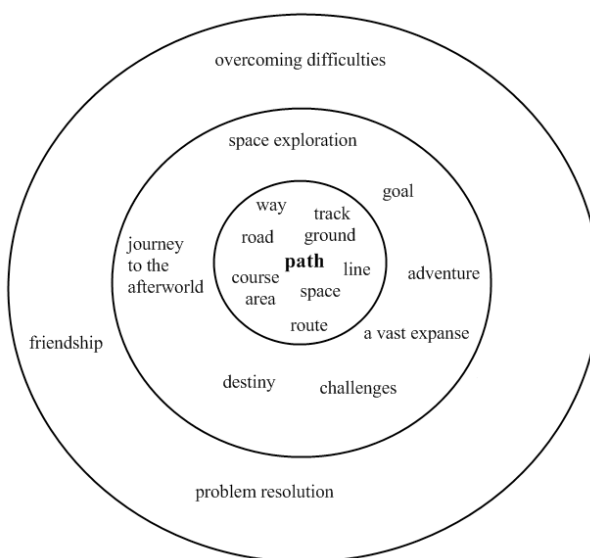
Анализ пословиц, составляющих интерпретационное поле концепта «путь», позволил разделить их на две группы. Первая группа содержит в своём семантическом значении материальное представление «пути».

Данная группа пословиц представляет «путь» как предмет, используемый в повседневной жизни человека. Употребление лексической единицы *road* в данных пословицах связано с объектами материального мира.

Вторая группа содержит метафорическое понимание концепта «путь». Реализация материальной природы пути выражена в меньшей степени. Это обусловлено семантикой лексических единиц *road* и *path* и метафорическим смыслом пословиц.

Таким образом, анализ паремий, вербализующих концепт «путь», позволил выявить признаки, входящие в интерпретационное поле данного концепта: «преодоление трудностей», «разрешение проблем», «дружба». Кроме того, были выделены две группы пословиц, репрезентирующих материальное представление пути и его метафорическое понимание.

Анализ структурных компонентов концепта «путь» позволяет представить структуру исследуемого концепта в виде диаграммы:

Хранящуюся в коллективном сознании информацию о концепте «путь» в ирландских сказках возможно структурировать в виде фрейма, слоты которого заполняются информацией о

существенных признаках объекта. Нами были выделены следующие слоты фрейма концепта «путь»: 1) субъект движения; 2) начало движения; 3) траектория; 4) среда перемещения; 5) среда и способ движения; 6) направление движе-

ния; 7) локус; 8) расстояние; 9) движущая сила.

Заполнение слотов фрейма осуществлялось на основе анализа языковых единиц, вербализующих концепт «путь» в ирландских сказках. Фрейм концепта «путь» представлен в Таб. 1.

Таб. 1. Фрейм концепта «путь»

Слот	Языковые единицы, вербализующие концепт «путь»
субъект движения	<i>The Abbott of Moville Finnian; The king Crimthann; A seer and a poet Fionn; A magician Bec-fola; A knight Fergus Fionnliath; The crown prince Bran</i> [21]
начало движения	<i>And then he started off away quite happy and easy in his own mind</i> [21].
траектория	<i>He turned from that terrible spot and fled, not knowing what might be behind. But why did he choose to swerve out of that path?</i> [21]
среда перемещения	<i>They were going in the rough grass path. James Ryan at a little distance from the rest, was going on a gravel path, skirting a shrubbery</i> [21].
характер и способ движения	<i>Fionn would run his best to get away from that prickly stinger. So he walked calmly on the sunny lawn among the cows</i> [21].
направление движения	<i>I will go to the castle and find a place for you if I can. I went into the land of the Saxons and your father chased me out of that land</i> [21].
локус	<i>broad and sunny glade; gloomy, dark, unending forest</i> [21]
расстояние	<i>He had to go as far as the eye could reach, and in whatever direction. He did not know how far he had walked, when at last one of them cried out to him</i> [21].
движущая сила, мотив	<i>He had that time given him in which to find the lost girl. We're going to ride to Dublin tonight to steal a young lady</i> [21].
внешняя сила, определяющая характер движения	<i>Leprechaun; padfoot; slua; galley-beggar; merrow; Benni; beanshee; baggeyn; spriggans; aughisky</i> [21]

1. Первый слот «субъект движения» – это герои сказок, отправляющиеся в путь. Героями в ирландских сказках могут быть представители любых социальных классов: герои, принадлежащие к высшему сословию, а также люди, обладающие глубокими знаниями в определённой сфере деятельности. Интересным является тот факт, что в ирландских сказках героями могут быть и представительницы прекрасного пола, которые наравне с мужчинами преодолевают превратности судьбы. В проанализированных нами ирландских сказках «путь» – это прерогатива принцев, волшебников и волшебниц или представителей духовного сана, но не крестьян.

2. Слот «начало движения» подразумевает начальный этап путешествия героя. Характерно, что в ирландских сказках «путь» может начаться из любой точки, в которой находится герой. Путешествие может начаться как из дома, так и в момент, когда герой меняет свои планы с целью отправиться в путь.

3. Слот «траектория» заполняют лексические единицы, отражающие направление движения героя. Данный слот характеризует героя как человека, способного самостоятельно принимать решения. Такие перемены происходят

чаще всего внезапно, но также могут быть вызваны внутренними переживаниями героя.

4. Природный ландшафт «пути» находит отражение в четвёртом слоте «среда перемещения». С одной стороны, «путь» определяется местностью, в которой находится герой. С другой стороны, чем труднее становится путь, тем вероятнее, что герою предстоит испытания.

5. Слот «характер и способ перемещения» включает в себя такие особенности как скорость и средства передвижения героя. В зависимости от ситуации в сказке герою необходимо думать и действовать быстро, а иногда можно неторопливо идти. Также необходимо принимать во внимание то, с помощью чего герой преодолевает путь. Так, герой может преодолевать расстояния без посторонней помощи или перемещаться при помощи каких-либо других существ.

6. Слот «направление движения» отражает курс, которому следует герой. Учитывая его цель и причину путешествия, направления движения могут быть самыми различными. Как правило, в сказках представлена конечная цель, к которой стремится герой. Часто герою приходится достигать промежуточные цели на пути к главной.

7. Слот «локус» содержит информацию о месте, в котором происходят различные сказоч-

ные действия и события. Так, для создания атмосферы спокойствия и безопасности герой может находиться в нейтрально-позитивной среде. Напротив, для передачи более опасной обстановки, герой оказывается в пугающем его месте.

8. Слот «расстояние» содержит информацию о дистанции, которую предстоит преодолеть герою. В ирландских сказках часто герою необходимо пересечь большое расстояние, оправдывающее цель его путешествия.

9. Слот «движущая сила, мотив» содержит информацию о цели и причине начала пути героя. В ирландских сказках преобладает мотив спасения или поиска кого-либо. Главному персонажу иногда нужно украсть что-либо или убить кого-то. Однако, данные цели являются второстепенными.

10. Слот «внешняя сила, определяющая характер движения» содержит информацию о волшебных существах. «Ирландские сказки изобилуют различными магическими существами. При этом, больше именно отрицательных персонажей» [14, с. 101]. Эти существа вынуждают героя изменять свой путь. Иногда подобные изменения могут нести положительный характер, так как эти существа помогают герою. В других случаях герой вынужден изменить направление

своего пути, так как ему мешают или угрожают существа, препятствующие его успеху. Также в ирландских сказках главный герой может изменить направление своего пути из-за персонажей, которые либо предостерегают его об опасности, либо мешают ему настолько, что он вынужден избегать их.

Выделение данных слотов позволяет структурировать содержание концепта «путь», который получает языковую репрезентацию в ирландских сказках.

Таким образом, лингвокогнитивный подход позволил выделить в структуре концепта «путь» чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле. В процессе исследования образной составляющей концепта было установлено, что путь предстаёт как категория бытия, охватывающая различные аспекты. Путь является основой жизни человека.

Путь может рассматриваться не только как дорога, по которой идёт человек, преодолевая большое расстояние, но также как жизненный путь, который связан с преодолением неминуемых трудностей и препятствий. Вместе с этим, путь всегда связан с поиском утраченного и с поиском истины, что отражает значимость роли пути в жизни человека в ирландской культуре.

Список литературы

1. Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б. Концепт «путь» как конструкт этнической языковой картины мира (на материале карачаево-балкарского нартского эпоса) // Вестник ВЭГУ. Уфа: Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия. № 5(73), 2014. С. 79-86.
2. Бабушкин А.П., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика и семасиология. Воронеж: ООО «РИТМ», 2018. 229 с.
3. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2001. 123 с.
4. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.
5. Гемуев И.Н. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1998. 227 с.
6. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 1998. 256 с.
7. Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. М.: Лабиринт, 1998. 368 с.
8. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 36-44.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
10. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 75- 80.
11. Колесов В.В., Пименова М.В. Введение в концептологию. М.: Флинта: Наука, 2016. 248 с.
12. Кубрякова Е.С. Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 90-93.
13. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология. М., 1997. С. 28-37.
14. Морозова В.А., Харитонов В.Ю. Лингвостилистические особенности и социокультурная интерпретация текста ирландской волшебной сказки // Актуальные проблемы языкознания. Спб., 2016. Т. 1. С. 99-102.
15. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
16. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки Л.: ЛГУ, 1986. 364 с. https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Propp_2/index.php
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. / гл. ред. А.Д. Некипелов. М.: Прогресс, 1987. <http://www.slovorod.ru/etym-vasmer/index.html> (дата доступа 05.07.2019)

18. Collins English Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата доступа 05.07.2019)
19. Gelman S.A., Roberts S.O. How language shapes the cultural inheritance of categories // PNAS. 2017. № 114 (30). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnas.org/content/114/30/7900> (дата доступа 05.07.2019)
20. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата доступа 05.07.2019)
21. Stephens J. Irish Fairy Tales. [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/s/stephens/james/irish-fairy-tales/complete.html> (дата доступа 05.07.2019)
22. Stephens J. Mongan's Frenzy // Stephens J. Irish Fairy Tales. [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/s/stephens/james/irish-fairy-tales/complete.html> (дата доступа 05.07.2019)
23. Stephens J. The Boyhood of Fionn // Stephens J. Irish Fairy Tales. [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/s/stephens/james/irish-fairy-tales/complete.html> (дата доступа 05.07.2019)
24. Stephens J. The Enchanted Cave of Cesh Corran // Stephens J. Irish Fairy Tales. [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/s/stephens/james/irish-fairy-tales/complete.html> (дата доступа 05.07.2019)
25. Stephens J. The Story of Tuan Mac Cairill // Stephens J. Irish Fairy Tales. [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/s/stephens/james/irish-fairy-tales/complete.html> (дата доступа 05.07.2019)
26. Stephens J. The Wooing of Becfolá // Stephens J. Irish Fairy Tales. [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/s/stephens/james/irish-fairy-tales/complete.html> (дата доступа 05.07.2019)

Сведения об авторах:

Зарайский Александр Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Саратовской государственной юридической академии (Россия, Саратов). Сфера научных интересов: лингвистическая семантика, социолингвистика, прагмалингвистика. E-mail: az61@mail.ru.

Морова Ольга Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации Саратовского социально-экономического института (филиал) РЭУ им. Н.Г. Плеханова. 410003 г. Саратов ул. Радищева, 89. Сфера научных интересов: стилистика, прагмалингвистика. E-mail: o_m2003@inbox.ru.

Полякова Виктория Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации Саратовского социально-экономического института (филиал) РЭУ им. Н.Г. Плеханова. 410003 г. Саратов ул. Радищева, 89. Сфера научных интересов: лексикология и стилистика английского языка, когнитивная лингвистика. E-mail: victoria_goldilocks@mail.ru.

LANGUAGE CONSTITUENTS OF THE CONCEPT 'WAY' IN IRISH FAIRY TALES

Alexander A. Zارايسкий

Saratov State Law Academy,
1, Vol'skaya Str., Saratov, 410056, Russia

Olga L. Morova, Victoria Yu. Polyakova

Saratov Socio-Economic Institute (Branch) of Plekhanov Russian University of Economics,
89, Radischev Str., Saratov, 410003, Russia
Saratov State Law Academy, 1, Vol'skaya Str., Saratov, 410056, Russia

Abstract: *The aim of this article is to explore linguistic representation of the concept "way" in Irish fairy tales. Image, key lexeme, which is the core of the field, information content with its cognitive attributes and interpretation field, which is the periphery of the concept are elaborated. The results obtained show that the "way" in its direct and indirect meanings is the image and the key lexeme is "path". It has been established that information content has seven cognitive attributes: exploration of new space, aim, distance, adventure, difficulties, destiny, and travel to afterlife world. Interpretation field includes two groups of proverbs with the first group presenting the "way" in its direct meaning and the second group comprising proverbs with the metaphorical usage of the "way". Modelling the frame of the concept "way"*

allowed us to define the typical slots: subject of movement; the starting point of movement; trajectory; the environment of movement and the method of movement; locus; distance; driving power; and motivation. The concept "way" was structured using linguistic and cognitive approach, which made it possible to determine the image, information content and interpretation field. The study of the image of the concept revealed that "way" encompasses different aspects. The "way" is the basis of a person's life. The "way" is considered not only as the road the person walks along covering big distances but as life in general that is associated with its ups and downs as well as with overcoming difficulties along the way. The idea emphasizes the importance of the "way" in people's lives and culture, and specifically in Irish culture.

Key Words: *concept, frame, slot, concept structure, linguocognitive approach, cognitive features of the concept, interpretative field of the concept, Irish fairy tales.*

References

1. Akhmatova M.A., Ketenchiev M.B. Kontsept «put'» kak konstrukt etnicheskoi iazykovoi kartiny mira (na materiale karachaevo-balkarskogo nartskogo eposa) [The Concept of "Road" as a Construct of the Ethnic Language Picture of the World (Based on the Material of Karachay-Balkar Nart Epos)] // Vestnik VEGU. Ufa: Vostochnaia ekonomiko-iuridicheskaja humanitarnaia akademiya. No. 5(73), 2014, pp 79-86.
2. Babushkin A.P., Sternin I.A. Kognitivnaia lingvistika i semasiologiya. [Cognitive linguistics] Voronezh: OOO "Ritm", 2018. 229 s.
3. Boldyrev N.N. Kognitivnaia semantika [Cognitive Semantics] Tambov: Izd-vo Tambov. Gos. Univ., 2001. 123 p.
4. Vorkachev S.G. 2001, Lingvokul'turologiya, iazykovaia lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoi paradigmy v iazykoznanii [Cultural Linguistics, Linguistic Personality, Concept: Formation of Anthropocentric Paradigm in Linguistics], Filologicheskie nauki [Philological Sciences]. No. 1, pp. 64-72.
5. Gemuev I.N. Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremia. Veshchny mir [Traditional World-view of the Western Siberia Turks. Space and Time. The Real World]. Novosibirsk: Nauka, 1998. 227 p.
6. Gorelov I.N., Sedov K.F. Osnovy psikholingvistiki [Basics of Psycholinguistics]. Moscow: Labirint, 1998. 256 p.
7. Zhinkin N.I. Iazyk. Rech'. Tvorchestvo [Language. Speech. Creativity]. Moscow: Labirint, 1998. 368 p.
8. Zalevskaya A.A. 2001, Psikholingvistichesky podkhod k probleme kontsepta [A Psycholinguistic Approach to the Concept Problem], Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki [Methodological Problems of Cognitive Linguistics]. Voronezh, pp. 36-44.
9. Karasik V.I. Iazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Moscow: Gnozis, 2004. 390 p.
10. Karasik V.I., Slyishkin G.G. 2001 Lingvokul'turny kontsept kak edinita issledovaniia [A Linguo-Cultural Concept as a Unit of Study], Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki [Methodological Problems of Cognitive Linguistics]. Voronezh, pp. 75- 80.
11. Kolesov V.V., Pimenova M.V. Vvedenie v kontseptologiiu [Introduction to conceptology] M.: Flinta: Nauka, 2016. 248 p.
12. Kubryakova E.S. 1996 Kontsept [Concept], Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Y.G., Luzina L.G. Kratkij slovar' kognitivnykh terminov [A Short Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, pp. 90-93.
13. Likhachev D.S. 1997 Kontseptosfera russkogo iazyka [A Conceptual Sphere of the Russian Language], Russkaia slovesnost': Antologiya [Russian Philology: an Anthology]. Moscow, pp. 28-37.
14. Morozova V.A., Kharitonova V.Y. 2016 Lingvostilisticheskie osobennosti i sotsiokul'turnaia interpretatsiia teksta irlandskoi volshebnoi skazki [Linguistic and Stylistic Features and Socio-Cultural Interpretation of the Text of the Irish Fairy Tale], Aktual'nye problemy iazykoznanii [Topical Problems of Linguistics]. Saint-Petersburg. Vol. 1, pp. 99-102.
15. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaia lingvistika [Cognitive Linguistics]. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2007. 314 p.
16. Propp V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoi skazki [Historical Origin of the Fairy Tale] Leningrad: LGU: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet, 1986. 364 p. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Propp_2/index.php (accessed 10 March 2019).
17. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: v 4 t. [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes] Vol. 3. Moscow: Progress, 1987. Available at: <http://www.slovorod.ru/etym-vasmer/index.html> (accessed March 10 2019)
18. Collins English Dictionary. Elektronnyy resurs [Electronic Resource]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> Available at: www.collinsdictionary.com (accessed 10 March 2019)
19. Gelman S.A., Roberts S.O. How language shapes the cultural inheritance of categories // PNAS. 2017. № 114 (30). Elektronnyy resurs [Electronic Resource]. URL: <https://www.pnas.org/content/114/30/7900> Available at: <https://www.pnas.org/content/114/30/7900> (accessed 6 May 2019)
20. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Elektronnyy resurs [Electronic Resource]. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> Available at: www.macmillandictionary.com (accessed 10 March 2019)
21. Stephens J. Irish Fairy Tales. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/s/stephens/james/irish-fairy-tales/complete.html> Available at: <https://ebooks.adelaide.edu.au/s/stephens/james/irish-fairy-tales/complete.html> (accessed 11 March 2019)
22. Stephens J. Mongan's Frenzy // Stephens J. Irish Fairy Tales. [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/s/stephens/james/irish-fairy-tales/complete.html> Available at: <https://ebooks.adelaide.edu.au/s/stephens/james/irish-fairy-tales/complete.html> (accessed 6 May 2019)

23. Stephens J. The Boyhood of Fionn// Stephens J. Irish Fairy Tales. [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/s/stephens/james/irish-fairy-tales/complete.html> Available at: <https://ebooks.adelaide.edu.au/s/stephens/james/irish-fairy-tales/complete.html> (accessed 6 May 2019)
24. Stephens J. The Enchanted Cave of Cesh Corran// Stephens J. Irish Fairy Tales. [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/s/stephens/james/irish-fairy-tales/complete.html> Available at: <https://ebooks.adelaide.edu.au/s/stephens/james/irish-fairy-tales/complete.html> (accessed 6 May 2019)
25. Stephens J. The Story of Tuan Mac Cairill// Stephens J. Irish Fairy Tales. [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/s/stephens/james/irish-fairy-tales/complete.html> Available at: <https://ebooks.adelaide.edu.au/s/stephens/james/irish-fairy-tales/complete.html> (accessed 6 May 2019)
26. Stephens J. The Wooing of Becfolá// Stephens J. Irish Fairy Tales. [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/s/stephens/james/irish-fairy-tales/complete.html> Available at: <https://ebooks.adelaide.edu.au/s/stephens/james/irish-fairy-tales/complete.html> (accessed 6 May 2019)

About the authors:

Alexander A. Zарайский – Doctor of Philology, Full Professor, Professor of the English Language Department, Saratov State Law Academy. Spheres of research and professional interest: semantics, sociolinguistics, pragmatics. E-mail: az61@mail.ru.

Olga L. Morova – PhD, Associate Professor of the Department of Translation Theory and Intercultural Communication, Saratov Socio-Economic Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics. Spheres of research and professional interest: stylistics, pragmatics. E-mail: o_m2003@inbox.ru.

Polyakova V.Yu. – PhD, Associate Professor of the Department of Translation Theory and Intercultural Communication, Saratov Socio-Economic Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics. Spheres of research and professional interest: English lexicology, stylistics, cognitive linguistics. E-mail: victoria_goldilocks@mail.ru.

* * *

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ДИСКУРСИВНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МАСКУЛИННОСТИ И ФЕМИННОСТИ

Е.С. Зиновьева

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
150000, Россия, Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

В данной статье освещается присутствие гендерного компонента в любом виде дискурса и его лингвистическая реализация. Целью исследования является определение дискурсивной гендерной составляющей в западных и российских гендерно ориентированных журналах последнего десятилетия с помощью сопоставительного анализа используемых английских и русских языковых средств лексико-грамматического (гендерно маркированные единицы языка) и семантико-синтаксического (оценка, модальность высказываний, синтаксис предложений) уровней. Лингво-когнитивный подход позволяет доказать, что в рассматриваемых изданиях используются два вида дискурсивной репрезентации маскулинности и феминности: по типу «отражение» и по типу «конструирование». С наличием в текстах гендерно нейтральных или гендерно маркированных единиц языка связана интенсивность дихотомии «мужское/женское», это соотношение отражает преобладание в обществе эгалитарных или традиционных гендерных представлений. Выбор авторами лексического репертуара, общая модальность высказываний и синтаксическая организация предложений соответствуют дискурсивным задачам изданий, используемые лингвистические средства на когнитивном уровне транслируют в сознание массового читателя определённые модели гендерного поведения. Анализ 4000 контекстов, отобранных методом сплошной выборки из популярных в Великобритании, США и России журналов об образе жизни за период 2012-2017 гг. (мужских – “Men’s Health” (MH), “Men’s Fitness” (MF), “GQ”, “Esquire”; женских – “Cosmopolitan” (Cosmo), “Women’s Health” (WH), “Women’s Fitness” (WF), “Glamour”, “Tatler”, “Marie Claire” (MC)), позволяет выявить общие черты и особенности дискурсивной репрезентации маскулинности и феминности в англоязычных изданиях и одноимённых русскоязычных версиях, содержащих как переводные, так и оригинальные (авторские) статьи.

Ключевые слова: дискурс, медиадискурс, дискурсивная репрезентация, гендер, маскулинность, феминность, гендерно релевантные языковые средства.

Основой данного исследования стали теория дискурса М. Фуко, гендерная теория и когнитивная революция, которые возникли и получили развитие в 70-80-х годах XX века в рамках новой антропоцентрической парадигмы, опирающейся на некоторые постмодернистские принципы. Согласно философии постмодернизма, допускающей многофункциональность языковых форм в разных социальных средах (различных дискурсах), современное языкознание рассматривает язык не только как

способ описания мира, но и как инструмент социальных практик. В современных реалиях лингвистическая интерпретация знаний позволяет воздействовать на экстралингвистические объекты (социально-идеологические институты, культурные традиции, коллективное и индивидуальное сознание). По словам А.В. Кирилиной, с признанием приоритета языка связан прагматический поворот в лингвистике и развитие дискурсивного направления в гуманитарных науках (антропологии, истории, социологии и др.) [8, с. 113].

Антропологический подход в языкознании способствовал интеграции основных прогрессивных направлений в современных лингвистических исследованиях. Лежащая в основе гендерной лингвистики концепция социального пола разграничивает понятия биологического пола (sex) и гендера (gender) как социально-культурного конструкта, включающего систему межличностных отношений и систему социальных связей, т.е. психологические и культурно-социальные аспекты маскулинности и феминности [17; 18; 19].

Когнитивно-дискурсивная парадигма, сформировавшаяся в языкознании в 1980-90-е годы, послужила основанием к возникновению когнитивной лингвистики, рассматривающей язык как инструмент речемыслительной деятельности, который обеспечивает доступ к мыслительным процессам категоризации и концептуализации действительности [10]. С точки зрения когнитивной лингвистики гендер составляет часть коллективного и индивидуального языкового сознания, а маскулинность и феминность можно рассматривать как концептуальные категории, которые по-разному проявляются в различных социальных вариантах языка.

В теории дискурса, которая нашла отражение в идеях феминизма и дальнейших гендерных исследованиях, М. Фуко утверждает, что пол предстаёт человеку через язык, то есть гендер является компонентом любого вида дискурса. Особое значение для конструирования гендера имеют коммуникативные дискурсивные практики, которые как способ говорения о чем-либо обязательно обладают оценочностью и иерархией [14, с. 118].

В соответствии с антропоцентрическими принципами современного языкознания для дискурсивных исследований представляют интерес коммуникативно-прагматические аспекты языка. По мнению Т. ван Дейка, дискурс, являясь коммуникативным актом (речевым или письменным), имеет контекстуальные, пространственные, временные параметры, учитывающие мнение и установки говорящего. При таком подходе содержание и форма дискурса как высказывания определяется его когнитивной моделью, при создании которой имеют значение «говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации» [1, с. 122].

Данный подход дал импульс междисциплинарным дискурсивным исследованиям в психо-

и социолингвистике, когнитивной и гендерной лингвистике. Различные модификации термина «дискурс», связанные с его многофункциональностью, раскрывают сущность этого понятия наиболее полно с позиций разных направлений. В целом дискурс представляется сложным коммуникативным явлением, объединяющим текст и необходимые для его понимания экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата) [7].

С позиций когнитивной лингвистики В.В. Красных подчёркивает единство лингвистических (текст) и экстралингвистических компонентов (контекст) дискурса и описывает дискурс в виде сочетания процесса (вербализованная речемыслительная деятельность) и результата (текстов, созданных в процессе коммуникации). «Дискурс имеет два плана – собственно лингвистический и лингво-когнитивный. Первый связан с языком, манифестирует себя в используемых языковых средствах и проявляется в совокупности порождённых текстов (дискурс как результат). Второй связан с языковым сознанием, обуславливает выбор языковых средств, влияет на порождение (и восприятие) текстов, проявляясь в контексте и пресуппозиции (дискурс как процесс)» [9, с. 200-201].

В.И. Карасик выделяет два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный). Институциональным дискурсом считается «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [6, с. 194]. Общение в рамках институционального дискурса происходит в соответствии со статусно-ролевыми отношениями, его обязательные параметры – цели и участники коммуникации. Такие общественные виды дискурса, как педагогический, политический, рекламный, административный, научный, массово-информационный (медиадискурс), военный, спортивный, религиозный, медицинский, юридический и другие демонстрируют признаки институциональности.

В наше время средства массовой информации (далее – СМИ) приобретают значение социально-культурной практики, активно формирующей современную языковую картину мира. Обращение к медиадискурсу как к тексту, создающемуся в реальных условиях коммуникации и адресованному конкретной аудитории, даёт воз-

возможность определить взаимосвязь лингвистических приёмов и экстралингвистических факторов (культурных, социальных, психологических и т.д.). Использование в данном исследовании *метода дискурсивного анализа* позволяет анализировать отдельные высказывания (подвижную единицу письменной речи, состоящую из одного или нескольких предложений) в контексте коммуникации для установления связи между используемыми функциями языка и актуальными задачами данного дискурса [11, с. 229]. При помощи *метода сопоставительного лингвистического анализа* законченных высказываний как части текста на грамматическом, лексическом, синтаксическом уровнях английского и русского языков выявляется, какие языковые средства используются в англо- и русскоязычном аналогичном дискурсе.

Современными учёными медиадискурс характеризуется как «передача когнитивного содержания, вкладываемого адресантом адресату через посредство текста в его лингвистическом воплощении и заложенных в нём определённых стратегий подачи информации» [12, с. 102]. Посредством *метода когнитивного анализа* возможно определить, как явления эмпирической реальности трансформируются в СМИ, как соотносится действительность и её медийная интерпретация. Прослеживая связь между применением языковых средств и механизмами восприятия и обработки информации, сторонники данного метода воспринимают язык как когнитивный инструмент «репрезентации и кодирования действительности, а медиатексты как в связи с общими проблемами категоризации и концептуализации, так и в связи с вопросами языковой картины мира» [3, с. 183]. Помимо этого, метод когнитивного анализа помогает определить особенности лингвистической репрезентации в медиатекстах различных концептов, относящихся к общечеловеческим понятиям (в том числе концептов маскулинности и феминности), и выявить их национальную и социокультурную специфику в лимитированном пространстве того или иного медиадискурса.

В медиадискурсе при объективном мониторинге событий дискурсивная репрезентация действительности производится по типу «отражение», то есть адекватно замещает собой объекты и ситуации действительности. При создании дискурсивной медиаверсии реальных событий, когда представленные объекты и явления преобразованы с учётом авторской пози-

ции, происходит дискурсивная репрезентация действительности по типу «конструирование», при которой особенно актуальным становится использование лингвистических приёмов стереотипизации, манипуляции и мифологизации [13, с. 156].

С точки зрения теории «конструирования гендера» (*doing gender*) [20] гендер как социальный пол имеет постоянные признаки: институционализованность, ритуализованность [16] и перформативность. Согласно перформативной теории гендерной идентичности (*performative theory of gender*) Дж. Батлер, которая позаимствовала концепцию «перформативности» из теории речевых актов Дж. Остина, гендерные отношения отличаются перформативными свойствами и процессуальным характером, то есть создаются (конструируются) в процессе коммуникативной интеракции [15]. Следовательно, маскулинность и феминность не являются фиксированными категориями, а моделируются в определённых социально-исторических условиях в процессе коммуникации.

Сказанное выше позволяет утверждать, что гендер подвержен регулированию и интерпретации в институциональном дискурсе СМИ. Имеющие динамичную содержательно-смысловую структуру современные представления о феминности и маскулинности становятся предметом дискурсивного конструирования в журналах об образе жизни, представляющих универсальный вид медиадискурса, который является информационно-развлекательным, имиджево-рекламным, гендерно ориентированным образованием, адресованным широкому кругу читателей и освещающим различные сферы жизни (работа, спорт, отношения, здоровье, мода, увлечения, питание).

Гендерно ориентированный дискурс отечественных глянцевого журналов (далее – ГЖ) «посредством калькирования западных изданий о стиле жизни (*lifestyle*) создаёт образовательное социокультурное пространство, интегрируя и обобщая традиционные и современные культурные, социальные и лингвистические стандарты в духе глобализации» [4, с. 82]. Однако поскольку рубрики ГЖ (письмо редактора, комментарии, интервью, сообщения на форуме, вопросы эксперту, рассказы из личного опыта) носят характер личностно-ориентированного и институционального общения, создатели дискурса не только воздействуют на реципиентов, но и подвергаются их влиянию. Таким образом,

авторы и читатели «участвуют в процессе социокультурного взаимодействия» [1, с. 123], которое определённым образом отражает свойственное каждой культуре сочетание двух ценностных систем: либеральной (эгалитарной, феминистской) и традиционной (андроцентричной, иерархичной).

Несмотря на совпадающее дискурсивно-тематическое содержание одноимённых западных и российских ГЖ, русскоязычные версии не являются калькой зарубежных образцов. В них, наряду с переводными материалами (консультациями в области психологии, образования, фитнеса и здоровья, карьеры), публикуются оригинальные статьи отечественных авторов, раскрывающие жизненные ценности мужчин и женщин в России, а также национальные особенности гендерных отношений. Значительное преобладание в оригинальных российских статьях гендерно релевантных контекстов подтверждается методом статистического подсчёта (контент-анализом), который позволяет определить соотношение высказываний с гендерной составляющей в различных тематических зонах англо- и русскоязычного дискурсов. Подробная статистика будет приведена ниже.

В связи с трансформацией гендерных взаимоотношений в дискурсе ГЖ образцы маскулинности и феминности получают новое содержание, соответствующее современным социокультурным установкам, то есть гендерные представления подвергаются имплицитной регламентации, которая на когнитивном уровне воздействует на сознание читателей. Дискурсивная реализация принципа релевантности, по которому всякое высказывание должно выражать мнение, в той или иной мере разделяемое читательской аудиторией [2, с. 284], связана с использованием коммуникативных функций языка: волюнтаривной, или призывно-побудительной; персуазивной, определяющей статусно-ролевые позиции реципиентов; фатической, устанавливающей контакт между участниками дискурса; репрезентационной, вербально представляющей идеи, мнения, взгляды, образы; эмотивной, или эмоционально-оценочной; риторической; композиционной, организующей синтаксис смысловых единиц текста [4, с. 89].

Для коммуникативного взаимодействия с читателями авторы англо- и русскоязычных журналов используют общие лингвистические приёмы: гендерную маркированность наименований лица и адъективной лексики, гендерную реле-

вантность местоимений, семантические категории модальности, эмотивности и оценки, прагматический характер выбора глагольных форм и синтаксиса предложений, имитацию мужской и женской речи на лексическом и синтаксическом уровнях.

Гендерной адресованностью зарубежных и отечественных ГЖ объясняется преимущественное использование гендерно маркированных единиц для номинации мужчин и женщин с преобладанием формальных антропометрических номинаций (*парень, мужчина, девушка, женщина, boy, man, girl, woman* и т.д.). К наиболее популярным терминам родства можно отнести *wife, husband, муж, жена*, а также другие номинации (*мёща, зять, невестка, свекровь, father, mother, son, daughter, brother, sister, uncle, aunt* и т.д.). Наличие в русском языке категории рода, когда распространено суффиксальное гендерное маркирование (*собеседник – собеседница, красавец – красавица, активный – активная*), обеспечивает большее разнообразие гендерных маркеров.

В англоязычных ГЖ для обозначения мужчин или женщин часто используются нейтральные лексические единицы, относящиеся к человеку в целом, без конкретного указания половой принадлежности (*person, everyone, someone, you, anybody* и т.д.), что свидетельствует о намеренном ослаблении гендерной дихотомии в соответствии с распространёнными на Западе требованиями политкорректности. В дискурсе отечественных ГЖ нейтрально маркированная лексема *человек* чаще соотносится с мужчиной.

Англоязычные номинации людей по профессиональному и социальному признаку (*priest, doctor, philosopher, maid, nurse*) или имеющие значение «непрофессиональная деятельность» (*strategist, burglar, mourner, objector, gossiper*) являются гендерно нейтральными, пол референта определяется контекстом высказывания или гендерной адресованностью журнала. В русскоязычных версиях названия профессий мужского рода (*редактор, спортсмен*), относящиеся к женщинам, имплицитно маркируются адъективной лексикой, гендерно релевантными местоимениями или имеющими категорию рода глаголами прошедшего времени.

Гендерными маркерами являются номинации лица, имеющие семантический показатель, которые отражают функцию, состояние, признак, роль, качество мужчины (*жених, любовник, друг, парень, бойфренд, приятель, поклонник, люби-*

мый, *fellow, son of a gun, buddy*) или женщины (экс-подруга, возлюбленная, избранница, любовница, знакомая, барышня, невеста, *beauty, best girl, ladylove*). В отечественных журналах подобные номинации более распространены и зачастую несут оценочное значение (нимфа, королева, вишна, мачо, хлюпик, размазня, стерва).

Относительные прилагательные мужской/женский, *male/female* являются маркерами гендерной отнесенности, используемыми для характеристики поведения, характера, внешности, атрибутов: *Каких только басен не существует о пресловутом «мужском характере»* (Esquire, сентябрь 2013). Количественные прилагательные многие/*many* в паре с номинацией мужчин и женщин (*многие парни, многие девушки, many men, many women*) выполняют функцию обобщающего маркера гендерной группы. Частое использование качественных прилагательных в сравнительной и превосходной степени демонстрирует склонность современных мужчин и женщин стремиться к идеальному образу (*more stylish, more caring, красивее, стройнее*). Если англоязычная адекативная лексика сохраняет нейтральный характер (*fair-haired, professional*), то в русскоязычных гендерных характеристиках при описании внешних данных, возраста и интеллектуальных способностей мужчин и женщин преобладает оценочная коннотация (*подтянутый, остроумный, надёжный, стройная, ухоженная, болтливая, наивная*) [4, с. 154].

При обозначении гендерных категорий функциональное значение в дискурсе зарубежных и российских ГЖ имеет различные виды гендерно релевантных местоимений. Для презентации не конкретных личностей, а мужчин и женщин как представителей гендерных групп часто применяются гендерно соотносённые местоимения третьего лица (он/она – *he/she*): *He can tell you what he likes but you know the truth, don't you?* (GQ, February 2016); *Завязавшееся общение даст тебе проявить себя с лучшей стороны и мало-помалу перерастёт в дружбу – а там уже она, глядишь, осознает, насколько ей комфортно с тобой и плохо без тебя* (МН, июль 2015).

Личные и притяжательные местоимения первого и второго лица множественного числа (*мы, вы, наш, ваш, we, you, our, your*) в комбинации с формальными гендерными номинациями (мужчины, женщины, парни, девушки, *man, woman, boy, girl*) иногда выполняют функцию обобщённых маркеров противоположных гендерных групп, создавая эффект солидаризации авто-

ров ГЖ с женской или мужской читательской аудиторией: *As women we all go through our own journey in life. I love mistakes and learning – that's the only way I discover my weaknesses and how to improve myself* (Glamour, December 2014); *Обычно при упоминании брутальных мужчин мы мечтательно закатываем глаза к потолку и начинаем мямлить что-то про волевые подбородки, сильные руки, маскулинную энергетику* (Cosmo, март 2013).

К приёмам опосредования можно отнести частое использование определительных местоимений (каждый, любой, всякий, весь, самый, другой, *each, everyone, any, every*), которые сопровождают высказывания, отражающие стереотипные мужские и женские представления с опорой на аналогичные случаи.

Личные местоимения первого лица единственного числа (*я, мой, I, my*) находят применение в автореферентных высказываниях мужчин и женщин, которые отражают их личное понимание гендерной идентичности: *Who I am is more important than whether I have a nice figure* (WF, August 2017); *Для меня в мужчинах на первом месте всегда стоит ум и чувство юмора – два основополагающих качества, без которых интерес к мужчине просто не возникнет. И, безусловно, мужчина должен быть настоящим* (МН, июнь 2013).

Местоимения второго лица единственного числа *ты, твой, you, your* могут выполнять апеллятивную функцию в побудительных высказываниях и активно используются авторами ГЖ в советах и рекомендациях для обращения к предполагаемому адресату мужского и женского пола: *You have to chill out a little bit about ageing. You'll either age or you'll die!* (MC, March 2014); *Тебе необходимо понять, чего ты хочешь в этой жизни, и неуклонно стремиться к своей цели* (Esquire, май 2013).

В западных и отечественных ГЖ в процессе конструирования маскулинности и феминности применяются общие коммуникативные функции языка (волеизъявительная, персуазивная, эмоциональная), связанные с выбором повелительных и модальных форм глаголов со значением необходимости, возможности, долженствования, желательности: *Along with being the bread winner – standard-issue man stuff – we must be compassionate yet resilient, soft in the centre yet hard in charge of an emergency* (Tatler, September 2014); *If you're the best version of yourself, things will work out. You might have to be more patient, but hard work will*

be rewarded (Glamour, December 2012); *Как научить свою девушку постоять за себя. Для начала объясни ей главное: большинство критических ситуаций можно предупредить* (МН, январь 2016); *Подари ему абонемент в тренажёрный зал – он должен быть в хорошей форме! Да и ты тоже* (Cosmo, октябрь 2017).

Применение в англо- и русскоязычных изданиях схожих синтаксических приёмов (антитеза, риторических вопросов, парцелированных и вставных конструкций и т.д.) способствует налаживанию и поддержанию контакта авторов с читателями, создаёт у последних ощущение гендерной солидаризации и вовлечённости в освещаемые события и проблемы. При этом часто синтаксическая организация высказываний в оригинальных статьях российских авторов, построенная на противопоставлении мужчин и женщин, использование фразеологических оборотов, сравнений, метафор и гипербола также способствуют усилению гендерной асимметрии всего текста: *То, что ты считаешь ужасным свиноматкой, для него – немного разбросанная одежда и бумажки* (Cosmo, май 2017); *Даже во время замечательного (мурашки по коже, бабочки в животе, шум в ушах) свидания может наступить то самое неловкое молчание, которого боятся и неопытные соблазнительницы, и их жертвы* (WF, апрель 2015).

В зарубежном медиадискурсе прослеживается общая для Западной Европы и США тенденция к намеренному ослаблению гендерного противопоставления под влиянием феминистской критики языка. С этим связано значительно меньшее число гендерно релевантных контекстов в зарубежных журналах, чем в российских глянцевых изданиях. С помощью контент-анализа было установлено соотношение определённых языковых средств в разноязычных глянцевах дискурсах (гендерно нейтральная и гендерно маркированная лексика, гендерно релевантные местоимения и т.д.).

В дискурсе англоязычных ГЖ в равном количестве гендерно ориентированных контекстов (по 500 в мужских и женских журналах) выявлено близкое соотношение используемых гендерно нейтральных и гендерно маркированных единиц языка: в мужских журналах нейтральных – 63%, маркированных – 37%; в женских журналах нейтральных – 52%, маркированных – 48%. В некоторых статьях только адресованность журнала указывает на гендерную принадлежность референта.

В российских версиях гендерно ориентированных ГЖ ослабление гендерного компонента характерно для переводных статей и научно-популярных консультаций по вопросам карьеры, психологии, здорового образа жизни. В материалах на различные темы, отражающих национальную специфику, активно используются гендерно маркированные лексические средства, большая часть описаний мужчин и женщин имеет оценочную коннотацию. В заявленном количестве гендерно ориентированных контекстов в мужских журналах приходится 42% на гендерно нейтральные и 58% на гендерно маркированные единицы. В таких же контекстах в русскоязычных женских журналах объём гендерно маркированных единиц возрастает до 64%, на гендерно нейтральные единицы остаётся 36%.

На основании лингво-когнитивного подхода к исследованию дискурса ГЖ можно сделать вывод о преобладании в современном западном обществе эгалитарных гендерных отношений. Мужчины и женщины в зарубежных журналах увлечены карьерным ростом: *And what I want for women is for them to focus on how they feel. I want every woman to wake up feeling good about themselves, feeling beautiful, empowered and feeling unstoppable* (Cosmo, April 2016); *We're gutsy, ambitious and willing to take risks* (МН, February 2016).

Много внимания герои западных ГЖ уделяют равноправным партнёрским отношениям: *Couples who are on more equal financial footing are usually happier* (MC, June 2015); *The more you both put into your relationships, the stronger they are* (МН, December 2016).

Как и западный мужчина, референт-женщина стремится к достижению внутренней гармонии и физическому самосовершенствованию, ценит самостоятельность и финансовую независимость, брак и рождение детей для неё являются частью самореализации: *You have to earn what you have* (Cosmo, July 2015); *85% of millennial women would rather get a 50 per cent raise than get engaged* (Glamour, February 2014).

Распространению эгалитарных (либеральных) гендерных отношений в западном обществе соответствует количественное распределение контекстов, конструирующих мужественность и женственность в англоязычном дискурсе мужских и женских ГЖ (по 1000 контекстов), по устойчивым тематическим зонам. Наиболее популярны следующие темы: карьера, финансы (мужские журналы – 27%, женские – 24%); внеш-

ность, стиль, одежда (мужские журналы – 12%, женские – 16%); эмоции, характер, поведение (мужские журналы – 16%, женские – 14%). По количеству гендерно релевантных контекстов остальные темы можно расположить в порядке убывания значимости для референтов: образ жизни (здоровье, спорт, хобби, вредные привычки); отношение к противоположному полу, к браку; современные атрибуты жизни (машина, дом, гаджеты); отношение к детям, к родственникам; дружба. Такое распределение приоритетов соответствует личностному позиционированию западных мужчин и женщин, основанному на индивидуализме и прагматическом отношении к жизни.

В отечественных мужских ГЖ в 1000 гендерно ориентированных контекстов приоритетными являются следующие темы: карьера, финансы – 22%; эмоции, характер, поведение – 17 %; образ жизни (здоровье, спорт, хобби, вредные привычки) – 15 %; отношение к противоположному полу, к браку – 13%. Следует отметить значительное число высказываний, в которых российские мужчины придают значение собственной внешности и одежде – 10%; современным атрибутам жизни (машина, дом, гаджеты) – 9%; мужской дружбе – 8%; отношениям с детьми, родственниками – 6%. В женских журналах основное внимание уделяется отношениям с противоположным полом и браку – 25%; эмоциям, характеру, поведению – 18%; внешности, стилю, одежде – 17%; карьере, финансам – 13%; отношениям с детьми и родственниками – 11%; образу жизни – 7%; женской дружбе – 5%; современным атрибутам жизни – 4%.

Выявленное процентное соотношение можно объяснить тем, что в российском обществе, несмотря на общую либерализацию взглядов, традиционная (патриархальная) модель гендерного поведения сохраняет достаточно прочное положение, влияющее на самовосприятие мужчин и женщин, на их отношение к семье и браку. Этим противоречием объясняются резкие колебания между проявлениями гегемонной и естественной маскулинности [5, с. 94] в поведении журнального референта- мужчины, для которого важно ощущать себя частью мужского братства.

Женский интерес вызывают уверенные в себе, самодостаточные и материально обеспеченные мужчины: *Когда в помещение заходит настоящий мужчина, ты сразу это чувствуешь во всём: взгляде, походке, жестах* (WF, март 2014). Кроме того, ценятся такие качества, как надёжность,

внимательность, способность к диалогу: *Умение идти на компромисс, слушать и договариваться – безусловно, самые привлекательные качества потенциального партнёра* (Glamour, октябрь 2015). Превосходство и успешность женщины в социальных проявлениях способно задеть мужское самолюбие: *Если какой-то мужчина сильнее и успешнее тебя, то с этим ещё как-то можно смириться, но если это женщина – ну уж нет!* (MF, ноябрь 2016).

Героиня отечественных журналов, несмотря на желание быть самодостаточной, получить образование и сделать карьеру, ориентируется на мнение подруг, родственников, коллег: *Часто, чтобы понять, всё ли у нас в жизни вовремя, мы начинаем равняться на других – коллег, подруг, одноклассок. И, не дай бог, обнаруживаем, что отстали...* (Cosmo, май 2013).

Основным подтверждением женской состоятельности является наличие бойфренда, а настоящей жизненной удачей женщина-референт российских ГЖ считает встречу с надёжным мужчиной, который возьмёт на себя ответственность за будущую семью и детей: *Какой бы сильной ты ни была, когда появляется «Он», ты сразу же готова опереться на его плечо и позабыть о своей независимости* (Tatler, январь 2014).

Сравнительный лингвистический анализ дискурса англо- и русскоязычных ГЖ показал, что, руководствуясь желанием привлечь широкую мужскую и женскую читательскую аудиторию, российские авторы в оригинальных статьях пользуются языковыми средствами, усиливающими гендерную дихотомию (гендерно релевантной лексикой, синтаксисом предложений, построенном на противопоставлении мужчин и женщин, устойчивыми фразеологическими оборотами, оценочными эпитетами, гиперболами, метафорами и сравнениями в мужских и женских характеристиках).

Для дальнейших исследований представляется перспективным использование приёмов дискурсивного, когнитивного и лингвистического анализа для определения интенсивности гендерного компонента в любых видах институционального дискурса. Применение методов сопоставительного анализа и контент-анализа используемых языковых единиц позволяет определить конкретные языковые механизмы лингвистической реализации и выработать общие критерии дискурсивной репрезентации базовых общечеловеческих понятий маскулинности и феминности в различных языках и культурах.

Список литературы

1. Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
2. Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 276-302.
3. Добросклонская Т.Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки». 2014, № 13 (184). Выпуск 22. С. 181-187.
4. Зиновьева Е.С. Языковые механизмы конструирования маскулинности и феминности в дискурсе глянцевого журналов (на материале английского и русского языков). Дисс. канд. филол. наук. Ярославль, 2018. 235 с.
5. Ильиных С.А. Феномен «нового мужчины» или снова о гендере // Вестник Бурятского государственного университета. 2012, № 14. С. 93-97.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
7. Кибрик А.А., Паршин П.Б. Дискурс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/node/34030> (Дата доступа 11 мая 2019 г.).
8. Кирилина А.В. Лингвистические гендерные исследования как проявление смены эпистемы в гуманитарном знании // Вестник Военного университета. 2010, № 4 (24). С. 110-114.
9. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. Курс лекций. М: ИТДГК «Гнозис», 2001. 270 с.
10. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца XX века. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 144-238.
11. Лурья А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Московского университета, 1998. 336 с.
12. Менджерицкая Е.О. Дискурс VS функциональный стиль: что есть язык СМИ? // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. «Филология. Искусствоведение». 2011, № 13 (228). Вып. 54. С. 99-102.
13. Федосеева Е.В. Когнитивные механизмы дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе (на материале статей о России в современных англоязычных средствах массовой информации). Дисс. канд. филол. наук. Иркутск, 2016. 190 с.
14. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Сборник. М.: Магистериум; Касталь, 1996. 446 с.
15. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N.Y., L.: Routledge, 1990. 172 p.
16. Goffman E. Interaktion und Geschlecht. Frankfurt am Main: Campus, 1994 (engl. 1977). 194 p.
17. Lakoff R. Language and Woman's Place. N.Y.: Harper and Row, 1975. 328 p.
18. Scott J.W. Gender: a Useful Category of Historical Analysis // American Historical Review. 1986, № 5. V. 91. P. 1053-1075.
19. Unger R.K. Toward a redefinition of sex and gender // American Psychologist. 1979, № 34. P. 1085-1094.
20. Zimmerman D., West C. Sex roles, interruptions and silences in conversation // Language and sex: Difference and Dominance / B. Thorne, N. Henley. Powley, Massachusetts: Newbury House, 1975. P. 105-129.

Сведения об авторе:

Зиновьева Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка ЯГПУ им. К.Д. Ушинского (150000, Россия, Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1). Сфера научных и профессиональных интересов: гендерная лингвистика, дискурс, лингвокультурология, грамматика английского языка, теоретическая и практическая фонетика английского языка. E-mail: zinyel@yandex.ru.

LINGUISTIC MEANS OF DISCURSIVE REPRESENTATION OF MASCULINITY AND FEMININITY

Elena S. Zinovieva

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky,
108/1, Respublikanskaya Street, Yaroslavl, 150000, Russia

Abstract: *this article highlights the presence of the gender component in any type of discourse and its linguistic implementation. The aim of the study is to determine the gender component in the discourse of Western and Russian gender-oriented lifestyle magazines using a comparative analysis of the used English and Russian language means of lexical-grammatical (gender-marked language units) and semantic-syntactic (assessment, modality of sentences, syntax sentences) levels. The cognitive-linguistic approach allows us to prove that in the publications in question two types of discursive representation of masculinity and*

femininity are used: the type of "reflection" and the type of "construction". The presence of gender neutral or gender-marked units of language in texts is associated with the intensity of the male / female dichotomy, this ratio reflects the predominance of egalitarian or traditional gender representations in society. The authors' choice of the lexical repertoire, the general modality of statements and the syntactic organization of sentences correspond to the discursive tasks of publications, the linguistic tools used at the cognitive level translate certain models of gender behavior into the minds of the general readers. Analysis of 4000 contexts taken by continuous sampling from popular men's and women's magazines in the UK, USA and Russia for the period of 2012-2017 ("GQ", "Men's Health" (MH), "Men's Fitness" (MF), "Esquire", "Tatler", "Cosmopolitan" (Cosmo), "Glamour", "Women's Health" (WH), "Women's Fitness" (WF), "Marie Claire" (MC)) allows us to identify common features and peculiarities of the discursive representation of masculinity and femininity in English editions and Russian-language versions of the same name, containing both translated and original (author) articles.

Key Words: *discourse, media discourse, discursive representation, gender, masculinity, femininity, gender-relevant language means.*

References

1. van Deik T. Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia [Language. Cognition. Communication]. M.: Progress, 1989. 312 p.
2. Gordon D., Lakoff Dzh. Postulaty rechevogo obshcheniia [Verbal communication postulates]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 16. Lingvisticheskaiia pragmatika [Linguistic pragmatics]. M.: Progress, 1985, pp. 276-302.
3. Dobrosklonskaya T.G. Massmediinyi diskurs kak ob'ekt nauchnogo opisaniia [Mass-mediated discourse as an object of scientific description]. *Nauchnye vedomosti. Seriiia «Gumanitarnye nauki»* [Scientific statements. Series "Humanitarian sciences"]. 2014, no. 13 (184), vol. 22, pp. 181-187.
4. Zinov'eva E.S. Iazykovye mekhanizmy konstruirovaniia maskulinnosti i feminnosti v diskurse gliantsevykh zhurnalov (na materiale angliiskogo i russkogo iazykov). Diss. kand. filol. nauk [Linguistic mechanisms of masculinity and femininity construction in the discourse of lifestyle magazines (on the basis of English and Russian). Cand. philol. sci. diss.]. Yaroslavl', 2018. 235 p.
5. Il'inykh S.A. Fenomen «novogo muzhchiny» ili snova o genere [“New man” phenomenon or once again about gender]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Journal of Buryatia State University]. 2012, no. 14, pp. 93-97.
6. Karasik V.I. Iazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.
7. Kibrik A.A., Parshin P.B. Diskurs [Discourse]. – Available at: <http://www.krugosvet.ru/node/34030> (accessed 11 May 2019).
8. Kirilina A.V. Lingvisticheskie gendernye issledovaniia kak proiavlenie smeny epistemy v gumanitarnom znanii [Linguistic gender research as a display of the change of episteme in humanitarian sciences]. *Vestnik Voennoogo universiteta* [Journal of Military University]. 2010, no. 4 (24), pp. 110-114.
9. Krasnykh V.V. Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii. Kurs lektsii [Basics of psycholinguistics and communication theory. Course of lectures]. M: ITDGK «Gnozis», 2001. 270 p.
10. Kubryakova E.S. Evoliutsiia lingvisticheskikh idei vo vtoroi polovine XX veka [Evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century]. *Iazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and science of the end of the 20th century]. M.: Iazyki russkoi kul'tury, 1995, pp. 144-238.
11. Luriya A.R. Iazyk i soznanie [Language and consciousness]. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1998. 336 p.
12. Mendzheritskaya E.O. Diskurs VS funktsional'nyi stil': chto est' iazyk SMI? [Discourse VS functional style: what is the language of mass-media?]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Filologiya. Iskuststvovedenie»* [Journal of Chelyabinsk State University. Ser. "Philology. Art history"]. 2011, no. 13 (228), vol. 54, pp. 99-102.
13. Fedoseeva E.V. Kognitivnye mekhanizmy diskursivnogo konstruirovaniia deistvitel'nosti v mediadiskurse (na materiale statei o Rossii v sovremennykh angloiazychnykh sredstvakh massovoi informatsii). Diss. kand. filol. nauk [Cognitive mechanisms of discursive construction of reality in media-discourse (on the basis of the articles about Russia in contemporary English-language mass-media). Cand. philol. sci. diss.]. Irkutsk, 2016. 190 p.
14. Fuko M. Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti. Sbornik [Will for verity: behind knowledge, power and sexuality. Digest]. M.: Magisterium; Kastal', 1996. 446 p.
15. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N.Y., L.: Routledge, 1990. 172 p.
16. Goffman E. Interaktion und Geschlecht. Frankfurt am Main: Campus, 1994 (engl. 1977). 194 p.
17. Lakoff R. Language and Woman's Place. N.Y.: Harper and Row, 1975. 328 p.
18. Scott J.W. Gender: a Useful Category of Historical Analysis // *American Historical Review*. 1986, № 5. V. 91. P. 1053-1075.
19. Unger R.K. Toward a redefinition of sex and gender // *American Psychologist*. 1979, № 34. P. 1085-1094.
20. Zimmerman D., West C. Sex roles, interruptions and silences in conversation // *Language and sex: Difference and Dominance* / B. Thorne, N. Henley. Powley, Massachusetts: Newbury House, 1975. P. 105-129.

About the author:

Elena S. Zinovieva – PhD, Senior Lecturer of Department of the English Language, YSPU named after K.D. Ushinsky (108/1, Respublikanskaya Street, Yaroslavl, 150000, Russia). Spheres of research and professional interest: gender linguistics, discourse, cultural linguistics, English grammar and English theoretical and practical phonetics.
E-mail: zinyel@yandex.ru.

★ ★ ★

ГЕНДЕРНАЯ ДЕРИВАЦИЯ: ЖЕНСКИЕ ВАРИАНТЫ НАЗВАНИЙ ПРОФЕССИЙ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ МГИМО (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Е.М. Игнатова

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России,
119454, Москва, проспект Вернадского, 76

В статье представлены результаты экспериментального исследования, проведённого осенью 2018 года на базе МГИМО МИД России (г. Москва), в котором приняли участие 107 студентов бакалавриата и магистратуры, изучающие немецкий язык в качестве основного иностранного.

Задача исследования состояла в выявлении консервативных и новаторских тенденций в образовании феминативов. Дополнительной целью исследования была проверка гипотезы о возможности переноса морфологических норм изучаемого (немецкого) языка и норм иноязычной культуры речи на речь обучающегося – носителя русского языка.

В качестве метода исследования был выбран метод двухэтапного анкетирования с дальнейшей обработкой полученных результатов с использованием статистического пакета IBM SPSS. На первом этапе респондентам предлагалось образовать феминативную форму от 60 номинаций по профессии или должности, имеющих форму мужского рода; на втором этапе нужно было оценить список полученных вариантов с точки зрения языковой нормы.

Полученные результаты показали статистическое доминирование форм, являющихся нормативными с точки зрения грамматики русского языка. Гипотеза об обратной интерференции норм изучаемого (немецкого) языка на культуру речи носителей русского языка нашла лишь частичное подтверждение. Приводимые в анкетах креативные окказиональные формы отражают баланс между консервативными и новаторскими тенденциями в языке.

Ключевые слова: гендерная деривация, названия профессий, феминативные словообразовательные модели, языковые и общекультурные компетенции, окказионализмы, языковая норма.

В связи с актуализацией в конце XX-начале XXI вв. гендерного аспекта социальной жизни общества в фокусе внимания исследователей оказались лингвистические проблемы гендера [5]. К одной из частных лингвистических проблем относится гендерная деривация – образование производных наименований женского рода по виду профессиональной деятельности. При этом если раньше родовая принадлежность наименования профессионального деятеля входила в сферу интересов лингвистов, занимающихся морфологией, то в настоящее время дискуссии о «феминативах» вышли за пределы лингвистики, захватив

широкое информационное пространство Интернета [2]. Термин «феминитив», уже хорошо всем известный, возник в языке журналистов. Не являясь, однако, строго лингвистическим, он постепенно проникает и в научную речь. В славянском языкознании (в западнославянских языках) для этих целей существует термин «феминатив» [11], которым мы предпочтём пользоваться в настоящей статье для обозначения женского варианта названий профессий.

Изучение словообразования (деривации) как способа репрезентации гендера [1] сформировалось к настоящему времени в виде нескольких направлений. Прежде всего, это сбор

и интерпретация нового материала, ср. [8], [9], [7]. Кроме того, изучаются способы и модели номинативной феминизации в разноструктурных языках [3]. Привлекаются для изучения также экспериментальные исследования, например, работа М.А. Черных, которая посвящена профессиональным номинациям лиц в рамках ассоциативного эксперимента с носителями русского языка [10].

Предлагаемое исследование также носит экспериментальный характер, однако имеет отличную от ассоциативного эксперимента направленность, а именно: оно нацелено на исследование наличия/отсутствия в языковом сознании молодых носителей языка моделей, отвечающих пока ещё принятым языковым нормам. Поставив такую цель, мы учитываем стихийную креативность интернет-пространства в данной тематической сфере, которая, бесспорно, оказывает влияние на принимаемое респондентами решение. Тем интереснее выявить консервативные и новаторские тенденции в моделируемой гендерной деривации, что могло бы послужить свидетельством сохранения/модернизации нормы литературного языка.

Выбор студентов МГИМО для проведения анкетирования вызван прежде всего их внимательным отношением к речи на родном и иностранном языке. Это связано с основной направленностью вуза на подготовку специалистов-международников высокой квалификации. Большую роль играет присутствие в учебных планах аспекта «перевод», в рамках которого студенты обучаются разным видам устного и письменного перевода с иностранного языка на русский и с русского языка на иностранный. Очевидно, что для развития «успешной профессиональной иноязычной коммуникации необходимо знакомить студентов не только с особенностями лексико-грамматического строя языка, но и с социокультурными особенностями, которые отражаются в языковой картине мира, свойственной тому или иному социуму» [6, с. 118]. При этом респонденты-магистры в полной мере осознают, что «переводчик – это межъязыковой и культурный посредник, а собственно перевод – это отпечаток культуры» [4, с. 292]. Ответственный подход к культуре речи связан с высоким уровнем сформированности общекультурных компетенций будущих специалистов-международников, одной из профессиональных задач которых является обеспечение коммуникации на различных уровнях.

Гипотеза и методология исследования

Кроме основной цели, а именно: исследования языковой нормы и консервативных/новаторских тенденций в гендерной деривации, нами была выдвинута гипотеза о том, что при углубленном изучении иностранного языка может возникнуть обратная интерференция, в данном случае – перенос морфологических норм изучаемого языка и норм иноязычной культуры речи на речь обучающегося, носителя русского языка.

Одним из ярких примеров европейских языков, где в именах деятеля (*nomina agentis*), в том числе в профессиональных номинациях, закреплено различие по гендеру, является немецкий язык. Это связано с наличием в словообразовательной системе немецкого языка высокопродуктивной модели с суффиксом *-in*, позволяющей образовывать от субстантивов мужского рода параллельные номинации женского рода, ср. *der Politiker* ‘политик’ – *die Politikerin* ‘женщина-политик’, *der Kanzler* ‘канцлер’ – *die Kanzlerin* ‘женщина-канцлер’, *der Minister* ‘министр’ – *die Ministerin* ‘женщина-министр’, *der Dozent* ‘доцент’ – *die Dozentin* ‘женщина-доцент’, *der Betreuer* ‘куратор’ – *die Betreuerin* ‘женщина-куратор’, *der Rechtsanwalt* ‘адвокат’ – *die Rechtsanwältin* ‘женщина-адвокат’, *der Arzt* ‘врач’ – *die Ärztin* ‘женщина-врач’ и т.п. При этом использование феминативных форм при обозначении профессиональной деятельности женщин является облигаторным, в противном случае происходит нарушение как языковой, так и культурной нормы. Также важно отметить, что в немецком языке феминативный суффикс *-in* аксиологически нейтрален, то есть не несёт в себе никакой эмоциональной оценки, в отличие от аналогичных суффиксов в русском языке, ср. *врач* – *врачиха*. Исходя из того, что в процессе интенсивного обучения иностранному языку происходит активное усвоение грамматических и прагматических норм изучаемого языка, а также культурных традиций страны, при формировании группы респондентов с целью проведения анкетирования мы обратились к студентам бакалавриата и магистратуры МГИМО, изучающим немецкий язык.

Мы предположили, что влияние изучаемого языка может привести к воспроизводству суффиксальных феминативов в родном языке как норме. Помимо этого была выдвинута дополнительная гипотеза о наличии взаимосвязи между полом респондента и формой феминативов, указанных при анкетировании.

Исследование проводилось в 2018 году. В качестве метода исследования был выбран метод анкетирования с дальнейшей обработкой полученных результатов с использованием статистического пакета IBM SPSS. Также на одном из этапов исследования были использованы методы корреляционного анализа, а также контент-анализ комментариев, которые респонденты оставляли в анкетах в процессе их заполнения. Метод анкетирования был выбран в связи с его эффективностью в условиях, когда опрос каждого члена исследуемой социальной общности (в данном случае – студентов МГИМО, изучающих немецкий язык, около 1200 человек) невозможен или не эффективен с точки зрения трудозатрат. Помимо этого анкетирование позволяет построить точную (с учётом статистической погрешности) модель исследуемой группы, на основе которой можно делать выводы относительно всей группы.

Описание эксперимента (анкетирования)

В анкетировании приняли участие студенты МГИМО 1-4 курса бакалавриата различных факультетов, обучающиеся по направлениям подготовки «Международные отношения», «Зарубежное регионоведение», «Экономика», «Менеджмент», «Журналистика», «Связи с общественностью», «Юриспруденция» и учащиеся 1 и 2 курса магистратуры, обучающиеся по направлению подготовки «Международные отношения».

Общим для всех респондентов является то, что их родной язык – русский, а в качестве основного иностранного они изучают немецкий язык. Немецкий язык все респонденты начали изучать с нуля на 1 курсе бакалавриата МГИМО, их уровень владения языком от A1 до C1 в соответствии с классификацией Общеевропейских компетенций владения иностранным языком.

Включение в группу респондентов по признаку изучаемого языка соответствует гипотезе об обратной интерференции изучаемого языка (в данном случае немецкого) на родной язык. При этом степень интерференции может различаться в зависимости от продолжительности изучения иностранного языка и уровня владения.

Следует заметить, что в соответствии с Образовательными стандартами высшего образования МГИМО МИД России выпускники, освоившие программу бакалавриата, должны среди прочего уметь «правильно пользоваться речевым этикетом». Кроме того, в процессе обучения у студентов должна быть развита «способность

к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранных языках для решения задач личностного и межкультурного взаимодействия», что подразумевает владение нормами родного и изучаемого иностранного языка. Эти требования распространяются на всех обучающихся вне зависимости от направления подготовки. Таким образом, мы сочли возможным привлечь к участию в анкетировании студентов различных факультетов МГИМО. В свою очередь предполагается, что учащиеся магистратуры данными общекультурными компетенциями уже обладают.

Проведённое анкетирование состояло из двух этапов. На первом этапе (в первом анкетировании) приняли участие 107 студентов.

Респондентам было предложено обозначить для женщины по профессии, должности или роду занятий от приведённых наименований для лиц мужского пола. Мы не исключали, что респондент не посчитает возможным указать вариант слова-обозначения для женщины по профессии, должности или роду занятий. Для данного случая был предусмотрен вариант ответа «нет».

В список были включены 60 единиц, которые возможно разделить на 4 тематические группы:

- слова, обозначающие профессии, которые приобретают студенты, обучающиеся в МГИМО, или должности, которые относятся к сфере профессиональной деятельности выпускников;
- слова, которые обозначают должности и род занятий и относятся непосредственно к сфере повседневного общения в академической среде;
- слова, обозначающие должности и род занятий в области политики. Данный выбор был обусловлен спецификой образовательного учреждения;
- слова, обозначающие профессии, должности и род занятий, которые относятся к бытовой сфере или сфере развлечений.

Таким образом, были отобраны номинации, имеющие высокую частотность употребления в среде респондентов. В анкете слова из четырёх тематических групп специально давались в смешанном порядке.

На заполнение анкеты отводилось не более 20 минут. Ограничение во времени обосновано тем, что было необходимо зафиксировать первый вариант, который называли респонденты, исключив возможность обдумывания ответа. То

есть тот вариант, который спонтанно возникает в речи.

Результаты исследования

Результаты показали, что в 24 случаях из 60 респонденты дали одинаковые ответы, соответствующие нормам русского языка:

1. студент – студентка
2. политик – нет
3. чиновник – чиновница
4. бакалавр – нет
5. помощник – помощница
6. министр – нет
7. журналист – журналистка
8. врач – нет
9. представитель – представительница
10. канцлер – нет
11. первокурсник – первокурсница
12. социолог – нет
13. уполномоченный – уполномоченная
14. госслужащий – госслужащая
15. омбудсмен – нет
16. посол – нет
17. менеджер – нет
18. шеф – нет
19. аналитик – нет
20. политолог – нет
21. фотограф – нет
22. декан – нет
23. актер – актриса
24. лаборант – лаборантка

В 36 случаях в ответах присутствовала вариативность в связи с использованием феминативов. Однако, использование номинаций, пока чуждых нормам языка и не представленных в Национальном корпусе русского языка, таких как «лекторка», «ректорка», «профессорка», «президентка», «губернаторка» и т.п. не носит постоянного характера и не обладает высокой частотой (до 5% случаев). Объяснить их использование можно, скорее всего, не интерференцией немецкого языка, а личной позицией отдельных респондентов. К данному заключению подталкивают и комментарии, сделанные на полях анкет: «А так, если моё мнение интересно, то я считаю, что феминитивы очень важный вопрос в современном обществе, и напрямую связан с репрезентацией женщин во многих профессиях. Так как многие феминитивы уже интегрированы в язык, легче привести все профессии под одну норму». (Орфография и пунктуация сохранены.)

Большую частотность в использовании показали номинации «юристка», «международница»,

«экономистка» (от 15% до 30% случаев соответственно). Впрочем, эти слова уже представлены в Национальном корпусе русского языка.

Высокую частотность показали «бухгалтерша» (11%) и «библиотекарша» (28%), разговорные формы, имеющие высокую степень распространённости. При этом абсолютный рекорд принадлежит слову «блогерша» (30% случаев), это слово обозначает новый вид деятельности, соответственно, появилось в языке недавно и характерно для дискурса СМИ.

При этом было бы неверным полагать, что респонденты не распознают регистры коммуникации и не владеют культурой речи. Свидетельством тому служат комментарии на полях анкет. Так, в одной анкете после слова «врач» стоит «нет», а далее в скобках («нет, если врач хороший; врачаха (пренебр.)»). (Орфография и пунктуация сохранены.)

Также заслуживают внимания комментарии, свидетельствующие о высокой культуре речи респондентов-магистров. Например, после слова «канцлер»: «По мнению Евгения Григорьева из «Независимой газеты», канцлерин, но это ахинея», или после слова «дипломат» стоит «нет» и далее в скобках комментарий: («даже не дипломатесса»).

Во втором анкетировании приняли участие 104 студента, ранее участвовавшие в первом этапе.

Респондентам был предложен список вариантов обозначений женщин по профессии, должности, роду занятий, составленный на основе первого анкетирования. В данный список были включены 36 случаев, в которых наблюдалась вариативность в ответах.

Респонденту было необходимо выбрать из представленных тот вариант обозначения для женщины по определённой профессии, должности или роду занятий, который казался респонденту наиболее правильным или при отсутствии такового дать свой вариант ответа.

Результаты анкетирования представлены в сводной таблице ниже.

При сопоставлении результатов двух этапов анкетирования обнаружилось следующее. Некоторые респонденты изменяли свой первоначальный ответ, то есть выбирали другую форму. Таким образом, менялась частота выбора тех или иных номинаций по сравнению с результатами первого анкетирования. Наиболее яркими примерами такого смещения являются варианты обозначений женщин от исходных слов

клинер, магистр, программист, экономист, руководитель, портной, обозреватель, управленец, адвокат. В этих случаях разница в процентном соотношении ответов при первом и втором анкетировании составляет более 10%. При этом смещение выбора может происходить как в сторону феминативных форм (например, для таких слов как «программист», «обозреватель», «адвокат»), так и в сторону маскулинных номинаций (для таких слов как «экономист», «руководи-

тель»). В некоторых случаях происходило перераспределение частоты выбора среди указанных феминативов (например, от слова «портной»). Также имеют место случаи увеличения частоты выбора слов с семантическим искажением (к слову «управленец» – «управляющая», «магистр» – «магистрантка»). Помимо этого предпочтение при возможном выборе отдано русскому эквиваленту от заимствований («клинер» – «уборщица»).

Таблица 1. Сводная таблица по двум анкетированиям

		Анкетирование 1 (107 респондентов)		Анкетирование 2 (104 респондента)	
		частота	процент	частота	процент
1. учитель	учитель	13	12,15	20	19,2
	учительница	94	87,85	83	79,8
	иное			1	1
2. международник	международник	88	82,24	85	81,7
	международница	19	17,76	17	16,3
	иное			2	1,9
3. водитель	водитель	94	87,85	92	88,5
	водительница	13	12,15	10	9,6
	иное			2	1,9
4. дипломат	дипломат	102	95,33	98	94,2
	дипломатка	5	4,67	3	2,9
	иное			3	2,9
5. абитуриент	абитуриент	22	20,56	21	20,2
	абитуриентка	85	79,44	83	79,8
6. юрист	юрист	90	84,11	93	89,4
	юристка	17	15,79	11	10,6
7. президент	президент	103	96,26	99	95,2
	президентша	3	2,80	1	1
	президентка	1	0,93	3	2,9
	иное			1	1
8. клинер	клинер	92	85,98	18	17,3
	клинерша	8	7,48	6	5,8
	клинерка	1	0,93	1	1
	уборщица	6	5,61	77	74
	иное			2	1,9
9. магистр	магистр	93	86,92	35	33,7
	магистрантка	8	7,48	69	66,3
	магистрка	6	5,61	0	0
10. депутат	депутат	103	96,26	100	96,2
	депутатка	2	1,87	4	3,8
	депутатша	2	1,87	0	0
11. преподаватель	преподаватель	34	31,78	37	35,6
	преподавательница	73	68,22	67	64,4
12. бухгалтер	бухгалтер	95	88,79	94	90,4
	бухгалтерша	12	11,21	10	9,6

		Анкетирование 1 (107 респон-дентов)		Анкетирование 2 (104 респон-дента)	
		частота	процент	частота	процент
13. лектор	лектор	92	85,98	93	89,4
	лекторша	12	11,21	8	7,7
	лекторка	3	2,80	2	1,9
	иное			1	1
14. продавец	продавец	27	25,23	27	26
	продавщица	79	73,83	77	74
	продавчиха	1	0,93	0	0
15. официант	официант	7	6,54	11	10,6
	официантка	100	93,46	93	89,4
16. профессор	профессор	103	96,26	98	94,2
	профессорша	2	1,87	4	3,8
	профессорка	2	1,87	2	1,9
17. дистрибьютер	дистрибьютер	101	94,39	86	82,7
	дистрибьютерша	4	3,74	15	14,4
	дистрибьютерка	2	1,87	2	1,9
	иное			1	1
18. охранник	охранник	76	71,03	70	67,3
	охранница	31	28,97	33	31,7
	иное			1	1
19. ректор	ректор	104	97,20	97	93,3
	ректорша	1	0,93	4	3,9
	ректорка	2	1,87	2	1,9
	иное			1	1
20. губернатор	губернатор	101	94,39	92	88,5
	губернаторша	3	2,80	8	7,7
	губернаторка	3	2,80	3	2,9
	иное			1	1
21. программист	программист	64	59,81	51	49
	программистка	43	40,19	53	51
22. пиарщик	пиарщик	46	42,99	47	45,2
	пиарщица	61	57,01	53	51
	иное			4	3,8
23. доцент	доцент	97	90,65	88	84,6
	доцентка	10	9,35	16	15,4
24. PR-специалист	PR-специалист	80	74,77	83	79,8
	PR-специалистка	27	25,23	21	20,2
25. выпускник	выпускник	2	1,87	7	6,7
	выпускница	105	98,13	97	93,3
26. экономист	экономист	75	70,09	87	83,7
	экономистка	32	29,91	17	16,3
27. куратор	куратор	93	86,92	88	84,6
	кураторша	13	12,15	13	12,5
	кураторка	1	0,93	3	2,9
28. руководитель	руководитель	27	25,23	39	37,5
	руководительница	80	74,77	65	62,5
29. экзаменатор	экзаменатор	99	92,52	93	89,4
	экзаменаторша	8	7,48	10	9,6
	иное			1	1

		Анкетирование 1 (107 респон-дентов)		Анкетирование 2 (104 респон-дента)	
		частота	процент	частота	процент
30. портной	портной	23	21,50	8	7,7
	портниха	59	55,14	39	37,5
	портная	24	22,43	15	14,4
	швея	1	0,93	42	40,4
31. обозреватель	обозреватель	66	61,68	79	76
	обозревательница	41	38,32	25	24
32. управленец	управленец	100	93,46	33	31,7
	управленщица	3	2,80	3	2,9
	управленица	1	0,93	1	1
	управленка	1	0,93	0	0
	управляющая	2	1,87	66	63,5
	иное			1	1
33. редактор	редактор	102	95,33	95	91,3
	редакторша	3	2,80	7	6,7
	редакторка	2	1,87	2	1,9
34. адвокат	адвокат	100	93,46	88	84,6
	адвокатесса	4	3,74	15	14,4
	адвокатша	1	0,93	1	1
	адвокатка	2	1,87	0	0
35. блогер	блогер	64	59,81	66	63,5
	блогерша	42	39,25	34	32,7
	блогерка	1	0,93	3	2,9
	иное			1	1
36. библиотекарь	библиотекарь	77	71,96	83	79,8
	библиотекарша	30	28,04	20	19,2
	иное			1	1

Следует заметить, что при заполнении второй анкеты респонденты указывали варианты, ранее не представленные. В сводной таблице подобные случаи обозначены как «иное».

Таблица 2. Список ранее не представленных вариантов («иное»)

	Варианты по результатам анкетирования 1	Новый вариант по результатам анкетирования 2, частота
1. учитель	учитель учительница	преподавательница, 1
2. международник	международник международница	женщина-международник, 1 специалист-международник, 1
3. водитель	водитель водительница	водитель-женщина, 1 женщина-водитель, 1
4. дипломат	дипломат дипломатка	дипломатша, 1 дипломатический работник, 1 госпожа женщина-дипломат, 1
5. президент	президент президентша президентка	госпожа президент, 1
6. клинер	клинер клинерша клинерка уборщица	работница сферы клининговых услуг, 1 специалист по клинингу, 1
7. лектор	лектор лекторша лекторка	госпожа лектор

	Варианты по результатам анкетирования 1	Новый вариант по результатам анкетирования 2, частота
8. дистрибьютер	дистрибьютер дистрибьютерша дистрибьютерка	ответственный за распространение, 1
9. охранник	охранник охранница	сотрудник охраны, 1
10. ректор	ректор ректорша ректорка	госпожа ректор, 1
11. губернатор	губернатор губернаторша губернаторка	госпожа губернатор, 1
12. пиарщик	пиарщик пиарщица	пиар-специалист, 1 пиар-менеджер, 1 представитель PR агентства, 1 PR – менеджер, 1
13. экзаменатор	экзаменатор экзаменаторша	экзаменаторка, 1
14. управленец	управленец управленщица управленица управленка управляющая	менеджер, 1
15. блогер	блогер блогерша блогерка	женщина - блогер, 1
16. библиотекарь	библиотекарь библиотекарша	библиотекарка, 1

При аналитической обработке данных двух анкетных опросов была выдвинута гипотеза о наличии взаимосвязи между количеством феминативов, указанных респондентом, и его полом. Для проверки этой гипотезы было рассчитано значение коэффициента корреляции Пирсона для переменной «пол» и переменной, значение которой рассчитывалась как суммарное количество указанных феминативов в ответе респондента. При расчете корреляции по результатам первого анкетирования данная связь не была выявлена (значение коэффициента Пирсона $r=0,160$), однако при расчёте корреляции по результатам второго тестирования была выявлена незначительная связь (значение коэффициента Пирсона $r=0,222$). Таким образом, можно прийти к выводу, что гипотетически данная связь может существовать, но на достаточно низком уровне. Исходя из того, что значение коэффициента Пирсона имеет положительное значение, можно предположить, что девушки-респонденты чаще указывали в анкетах феминативы.

Заключение

Таким образом, данное экспериментальное исследование, проведённое с использованием лингвосоциологического анализа результатов, позволило сделать следующие выводы. Моделирование гендерной деривации в студенческой

среде выбранного университета в целом продемонстрировало баланс между нормативностью и словообразовательной креативностью – в вариантах студентов автор нашёл 28 вариантов названий профессий, которые можно отнести к неологизмам из более чем 100 вариантов ответов всего. Наблюдались даже консервативные тенденции в выборе наименования для профессии, которая в настоящее время обозначается принятым английским заимствованием (клинер – уборщица).

Рабочая гипотеза об обратной интерференции изучаемого немецкого языка и родного русского языка при образовании профессиональных номинаций женщин получила лишь частичное подтверждение. Лишь в единичных случаях респонденты переносили словообразовательные модели и культурные нормативы из изучаемого немецкого языка в русский язык и культуру родной речи. При этом респонденты, которые проявили себя сторонниками феминативов, рассматривали неологизмы как естественную тенденцию, приближающуюся к норме. Большинство респондентов продемонстрировало достаточно высокий уровень владения языковыми нормами родного языка, особенно в рамках политической номинации и при обозначении приобретаемых профессий. Такие

результаты можно обосновать нацеленным развитием у респондентов коммуникативных компетенций в профессиональной сфере в процессе обучения в вузе.

Интересно было также отметить наметившуюся взаимосвязь между полом респондентов и выбором номинаций. Выявление корреляции между полом респондента и использованием феминативов не было целью этого исследования, однако наблюдается более частое использование феминативов именно девушками. Можно предположить, что таким образом находят

свое выражение феминистические настроения в молодёжной академической среде. Эта гипотеза требует своего подтверждения уже в рамках другого социолингвистического исследования.

Поскольку язык является гибкой структурой, находящейся в постоянном развитии, важно продолжить наблюдение за узואльным употреблением феминативов и за их оценкой говорящими с точки зрения языковой нормы. Такие исследования могут быть полезными как свидетельства сохранения либо модернизации нормы литературного языка.

Список литературы

1. Аксученко М.А., Власова К.А. Словообразование как способ репрезентации гендера (на материале английского и русского языков) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 239-244.
2. Баданина И.В. Функционирование феминативов в языке интернета // Русский язык в интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей I Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 8–9 февраля 2017 г. / под общ. ред. А.В. Должиковой, В.В. Барабаша. М.: РУДН М, 2017. С. 89-94.
3. Вахина, Е.Г. Способы образования наименований лиц женского пола по профессии и роду занятий в русском, английском и французском языках // Культура. Духовность. Общество. Новосибирск, 2013. №5. С. 140-143.
4. Евтеев С.В. Феномены культуры в аспекте меъязыковой коммуникации // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 292–296.
5. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 7–32.
6. Кириллов В.Б., Воевода Е.В. Профессиональная языковая подготовка студентов-международников // Высшее образование в России. 2016. № 4. С. 116-122.
7. Миретина, М.С. Феминизация названий профессий, должностей, титулов и званий во французском языке во Франции, Бельгии, Швейцарии и Квебеке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 20 с.
8. Николаева И.Ю. Наименования лиц женского пола по профессии, должности в гендерном аспекте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 3. С. 94-98.
9. Прохорова, А.С. Наименования лиц женского пола по профессиональной принадлежности на рубеже XX-XXI веков // Преподаватель XXI век. Москва, 2012. № 3. С. 292- 295.
10. Черных М.А. Номинации лиц по профессии в сознании носителей русского языка XXI века (итоги лингвоассоциативного эксперимента) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 85-91.
11. Ćuto E. Род имен существительных в названиях профессий // Croatica et Slavica Iadertina. 2005. Vol. 1. № 1. S. 135-151.

Сведения об авторе:

Игнатова Евгения Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка МГИМО(У) МИД России. E-Mail: evguenia_i2002@mail.ru.

GENDER-BASED WORD DERIVATION: FEMININE VARIATIONS OF OCCUPATION TITLES AS SEEN BY MGIMO STUDENTS (EXPERIMENTAL STUDY)

Evgeniya M. Ignatova

Moscow State Institute for International Relations (University),
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article represents the results of an experimental study conducted in the autumn of 2018 in Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), which embraced 107 undergraduate and master degree students, studying German as the main foreign language.*

The study was aimed to bring out conservative and inventive trends in forming feminine gender markings ("feminatives"). An additional aim was to prove the anticipation that the morphological norms of the studied language (German) and foreign language cultural norms can transfer themselves onto the language of a student who is a Russian native speaker. For the study the method of a two-stage survey was chosen, the results of which were further processed utilizing IBM SPSS statistical software package. In the first stage the surveyed students were asked to build a feminine form for 60 denominations of professions or occupations given in a masculine form; in the second stage the surveyed were offered the list of variants to appraise through the prism of the language norm. The results obtained show that the forms belonging to the grammatical norm of the Russian language were statistically dominant. The anticipation that the norms of a studied language (German) can interfere with the speech culture of Russian native speakers was proven only partially. Occasional creative forms found in the survey replies reflect the balance existing between conservative and inventive linguistic trends.

Key Words: *Gender-based Word Derivation, Occupation Titles, feminine word-building patterns, linguistic and cultural competences, occasional words, language norm.*

References

1. Aksiuchenko M.A., Vlasova K.A. Slovoobrazovanie kak sposob reprezentatsii gendera (na materiale angliiskogo i russkogo iazykov) [Word derivation as a gender representation manner (as exemplified in Russian and English languages)]. In: Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2015. Vol. 1, pp. 239-244.
2. Badanina I.V. Funktsionirovanie feminativov v iazyke interneta [How gender markings function in internet language] In: Russkii iazyk v internete: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiia, kul'tura: sbornik statei i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moskva, RUDN, 8-9 fevralia 2017 g. (eds. Dolzhikova A.V., Barabash V.V.), Moscow, 2017. pp. 89-94.
3. Vakhina E.G. Sposoby obrazovaniia naimenovaniia lits zhenskogo pola po professii i rodu zaniatii v russkom, angliiskom i frantsuzskom iazykakh [Ways to derive markings for female representatives of professions and occupations in Russian, English and French languages] In: Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo, Novosibirsk, 2013. Vol. 5, pp. 140-143.
4. Evteev S.V. Fenomeny kul'tury v aspekte mezh'iazykovoii kommunikatsii [Cultural phenomena through the aspect of interlingual communication] In: Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015. Vol. 2, pp. 292-296.
5. Kirillina A.V. Gendernye issledovaniia v lingvisticheskikh distsiplinakh [Gender studies in linguistics] In: Gender i iazyk [Gender and Language], Moscow, 2005. pp. 7-32.
6. Kirillov V.B., Voevoda E.V. Professional'naia iazykovaia podgotovka studentov-mezhdunarodnikov [Professional linguistic training of students in international affairs] In: Vysshee obrazovanie v Rossii, 2006. Vol. 4, pp. 116-122.
7. Miretina M.S. Feminizatsiia nazvanii professii, dolzhnostei, titulov i zvanii vo frantsuzskom iazyke vo Frantsii, Bel'gii, Shveitsarii i Kvebeke [Feminine derivations for professions, job titles, titles and grades in France, Belgium, Switzerland and Quebec]. Saint-Petersburg, 2011.
8. Nikolaeva I.Iu. Naimenovaniia lits zhenskogo pola po professii, dolzhnosti v gendernom aspekte [Denomination of female persons according to their profession and occupation under gender-based angle] In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaia filologiya. 2010. Vol. 3, pp. 94-98.
9. Prokhorova A.S. Naimenovaniia lits zhenskogo pola po professional'noi prinalozhnosti na rubezhe XX-XXI vekov [Denomination of female persons according to their occupation in the end of 20th and beginning of 21st century] In: Prepodavatel' XXI vek. 2012. Vol. 3, pp. 292-295.
10. Cherhykh M.A. Nominatsii lits po professii v soznanii nositelei russkogo iazyka XXI veka (itogi lingvoassotsiativnogo eksperimenta) [Denomination of professional persons as defined by native Russian speakers in 21st century: linguistic and associational experiment] In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaia filologiya. 2016. Vol. 4, pp. 85-91.
11. Čuto E. Rod imen sushchestvitel'nykh v nazvaniakh professii [Gender of the names of professions] In: Croatica et Slavica Iadertina. 2005. Vol. 1. issue 1. pp. 135-151.

About the author:

Ignatova Evgeniya Mikhaylovna holds a degree of Candidate of Philology (PhD) and works as an Associate Professor with the German Language Department at MGIMO University (Moscow, Russia). E-Mail: evguenia_i2002@mail.ru.

★ ★ ★

АНТРОПОНИМ – ЧАСТОТНЫЙ ДЕРИВАЦИОННЫЙ КОМПОНЕНТ ШВЕДСКИХ ТОПОНИМОВ

У.П. Природина

Частное образовательное учреждение дополнительного образования
по изучению иностранных языков «Скандинавская школа»,
129090, Россия, Москва, ул. Большая Спасская, 12.

В шведском языке антропонимы часто выступают в качестве частотного деривационного компонента, включаемого в состав различных топонимов. Значение деривационного компонента может быть различным и структурно диффузным. Предметом исследования являются семантические, словообразовательные характеристики топонимов с антропонимическими основами. Материалом для исследования послужили 105 языковых единиц из шведских и отечественных источников, отобранные методом сплошной выборки. В статье указываются основные лексические значения антропонимов как производящих основ; выявляются основные типы деривационных моделей; определяются возможные семантические связи.

Статья рассчитана на лингвистов, географов, этнографов и на всех интересующихся географическими названиями.

Ключевые слова: топонимы, антропонимы, мемориальные топонимы, шведская культура, семантический признак, словообразовательная модель, топонимическая метонимия, антропонимическая формула.

Введение

В результате анализа различных источников по проблеме топонимов с антропонимическими основами нам представляется актуальным исследование словообразовательных характеристик топонимических единиц в шведском языке.

В шведском языке антропонимы часто выступают в качестве частотного деривационного компонента, включаемого в состав различных топонимов, например, в названия учреждений, архитектурных сооружений, парков, водных ресурсов, островов, мысов, населённых пунктов, площадей, улиц, переулков, дорог и др. При этом значение деривационного компонента может быть не только различным, но и структурно диффузным.

Поэтому представляется необходимым, во-первых, установить основные лексические значения антропонимов как производящих основ,

выявляя основные типы деривационных моделей; во-вторых, по возможности проследить характер исторического развития этих значений, их возможные семантические связи и, в-третьих, определить роль исследуемых деривационных компонентов в топонимической системе вообще.

Материалом для исследования послужили 105 топонимов, отобранных методом сплошной выборки из путеводителей по Швеции *Uppllev Sverige. En guide till upplevelser i hela landet* [4], «Швеция. Города и страны – как на ладони» [3], «Швеция. Исторический путеводитель» [1]. В ходе подбора методического инструментария для исследования поставленной проблемы, мы также руководствовались такими методами, как описательный и классификационный методы.

Исследование

Попытаемся установить, существуют ли какие-либо закономерности реализации опреде-

лённых семантических признаков антропонимов в различных словообразовательных моделях.

I. Частотным в исследуемой группе антропонимов является признак **‘принадлежность конкретным людям** (усадеб, домов, мастерских, жилых помещений)’. Представленные объекты могут становиться местными достопримечательностями.

Чаще всего перечисленные и подобные им объекты находились в собственности писателей, художников, скульпторов, композиторов и других известных людей. Принадлежность выражается с помощью следующих компонентов: *-en atelje* ‘ателье, мастерская’ [2, с. 25], *-en gård* ‘двор, хутор, усадьба, дом’ [2, с. 259], *-ett hus* ‘дом, здание, строение’ [2, с. 286], *-en hälsingegård* ‘ферма с сохранением культурной и исторической ценности’ (вариант перевода автора), *en stuga* ‘небольшой дом, домик, дача, избушка’ [2, с. 717]. Отмеченный семантический признак реализуется в ряде **продуктивных** деривационных моделей:

1. Личное имя + фамилия + существительное *-en stuga*, *-en gård*, *-ett hus* в определённой форме, которое орфографически отделяется от антропонима (фамилии) дефисом: *Andreas Lundbergagården* (Усадьба Андреаса Лундберга), *Artur Lundkvist-gården* (Усадьба Артура Лундквиста), *Eyvind Johnson-stugan* (Домик Эйвинда Юнсона), *Olle Olsson-huset* (Дом Олле Ульссона).

2. Фамилия + существительное *-en stuga*, *-en gård* в определённой форме, образующие сложное существительное: *Alfvengården* (Усадьба Альвена), *Almqviststugan* (Домик Альмквиста), *Karlgården* (Усадьба Карла), *Karlfeldtgården* (Усадьба Карлфельдта);

3. Личное имя + фамилия + существительное *-en gård* в определённой форме, когда семантическое единство производной основы подчёркивается слитным написанием: *Hjalmar Lundbohmsgården* (Усадьба Яльмара Лундбома).

Существительное / сложное существительное с компонентом *en atelje*, *-ett hus*, *-en gård* может входить в состав словосочетаний: *Albert Engströms atelje* (Мастерская Альберта Энгстрёма), *Bruno Liljefors atelje* (Мастерская Бруно Лильефорса), *Olle Nymans ateljeer* (Мастерские Олле Ньюмана), *Ebbas hus* (Дом Эббы), *Gathenhielska Huset* (Дом Гатенхильма), *Ernst Rolfs födelsegård* (родимая Усадьба Эрнста Рольфа), *Ebba Brahes lusthus* (Беседка Эббы Брахе).

При этом типы образования антропонимов чрезвычайно вариативны и выявить их устойчивые закономерности сложно.

Так, возможны различные модификации словообразовательного типа: (1) отсечение одного из компонентов антропонимической формулы: *Olle Olsson Hagalund* — *Olle Olsson-huset*, *Erik Axel Karlfeldt* — *Karlfeldtgården*, *Ebba Olsson* — *Ebbas hus*, *Hugo Alfven* — *Alfvengården*, *Carl Jonas Leve Almqvist* — *Almqviststugan*; (2) сокращение имён собственных в топонимах с компонентом *hälsingegård* (*Ersk-Jons hälsingegård* (Ферма Эрск-Йонс), *Ol-Anders hälsingegård* (Ферма Ол-Андерс), *Ol-Nils hälsingegård i Hårga* (Ферма Ол-Нильс в Хорге), *Erik-Anders hälsingegård* (Ферма Эрик-Андерс), *Ersk-Mats hälsingegård* (Ферма Эрск-Матс): *Ersk-Mats* – сокращение от *Erik Mattson* (Эрик Маттсон, основатель фермы конца XVIII века). Примечательно, что такие топонимы локальны: они распространены в провинции *Hälsingland* (Хельсингланд). Способы сокращения составляющих антропонимической формулы в данной подгруппе многообразны и требуют отдельного детального изучения.

II. Вторым частотным признаком представляется **‘увековечение памяти конкретных людей**’, который выражается в мемориальных названиях, подразделяющиеся на

– **названия улицы** (*en gata*), **переулка** (*en gränd*): *Peter Apolla gränd* (Петер Аполла грэнд), *Mårten Trotzigs gränd* (Мортен Тротцигс грэнд), *Gjörwellsgatan* (Ёрвелльсгатан);

– **учреждения** (зд. *ett observatorium*): *Tycho Brahe-observatoriet* (Обсерватория Тихо Браге);

– **музея** (*ett museum*): *Arnolds kannibalmuseum* (Музей каннибалов Арнольда), *Göran Karlssons motormuseum* (Автомобильный музей Йорана Карлссона), *Irma Dahn-Anderssons nävermuseum* (Музей бересты Ирмы Дан-Андерссон); *Bellmansmuseum* (Музей Бельмана), *Charlotte Berlins museum* (Музей Шарлотты Берлин), *Dan Andersson-museet* (Музей Дана Андерссона), *Strindbergsmuseet Blå tornet* (Музей Стриндберга «Синяя башня»), *Gustavianum Museum* (Музей Густавианум), *Viktor Rydbergmuseet* (Музей Виктора Рюдберга), *Tycho Brahe-museum* (Музей Тихо Браге);

– **крепости** (*en fästning*), **замка** (*ett slott*): *Carlstens fästning* (Карлстенская крепость), *Christinehofs slott* (замок Кристинехоф), *Ericssbergs slott* (замок Эриксберг), *Karlbergs slott* (замок Карлберг).

Имя коронованной особы или члена королевской семьи обнаруживается в названии

– **города** (в большинстве примеров *en stad*): *Filipstad* (Филипстад, в честь принца Кар-

ла Филиппа), *Karlskoga* (Карлскупа, в честь короля Карла IX), *Karlskrona* (Карлскруна, в честь короля Карла XI), *Kristianstad* (Кристианстад, в честь короля Кристиана IV), *Karlstad* (Карлстад, в честь короля Карла IX), *Karlshamn* (Карлсхамн, в честь короля Карла X Густава), *Mariestad* (Мариестада, в честь жены Карла IX Анны Марии Пфальцской);

– **моста** (*en bro*): *Karl XII:s bro* (мост Карла XII);

– **площади** (*ett torg*): *Gustav Adolfs torg* (Густав Адольфс торг);

– **дороги** (*en led*): *Karl XII:s led* (дорога Карла XII);

– **церкви** (*en kyrka*): *Carl Gustafs kyrka* (церковь Карла Густава), *Gustaf Vasa kyrka* (церковь Густава Васа), *Sofia Magdalena kyrka* (церковь Софии Магдалены).

Особую группу составляют топонимы, включающие имена святых, агиотопонимы. Представлены следующие словообразовательные модели в номинации церквей:

1. Прилагательное *Sankt* «святой/ая» в форме *S:t* + личное имя в родительном падеже + существительное «церковь»: *S:t Jakobs kyrka* (церковь Святого Якоба), *S:t Lukas kyrka* (церковь Святого Луки);

2. Прилагательное *Sankt* «святой/ая» в форме *S:t* + личное имя в именительном падеже + существительное «церковь»: *S:t Petri kyrka* (церковь Святого Петра), *S:t Nicolai kyrka* (церковь Святого Николая), *S:ta Maria kyrka* (церковь Святой Марии);

3. Сложное существительное, состоящее из личного имени в именительном падеже + существительное «церковь»: *Birgittakyrkan* (церковь Биргитты), *Mariakyrkan* (церковь Марии), *Tomaskyrkan* (церковь Тумаса);

4. Личное имя в именительном падеже + существительное «церковь»: *Christinae kyrka* (церковь Кристины), *Kristine kyrka* (церковь Кристины), *Katarina kyrka* (церковь Катаринины);

5. Прилагательное *Sankt* «святой/ая» в форме *S:t* + личное имя в родительном падеже + существительное «церковные руины»: *S:t Klemens kyrkoruin* (руины церкви Святого Климента), *S:t Olofs kyrkoruin* (руины церкви Святого Улофа), *S:t Pers kyrkoruin* (руины церкви Святого Перса), *S:ta Gertruds kyrkoruin* (руины церкви Святой Гертруды), *S:ta Katarinas kyrkoruin* (руины церкви Святой Катаринины);

6. Прилагательное *Sankt* «святой/ая» в форме *S:t* + личное имя в родительном падеже + при-

лагательное «старый» + существительное «церковь»: *S:t Ibbs gamla kyrka* (старая церковь Святого Ибба);

7. Прилагательное *Sankt* «святой/ая» в форме *S:t* + личное имя в именительном падеже + существительное «церковные руины»: *S:t Nicolai kyrkoruin* (руины церкви Святого Николая), *S:t Hans kyrkoruin* (руины церкви Святого Ханса), *S:t Lars kyrkoruin* (руины церкви Святого Ларса).

Имена святых увековечены в названии

– **музея** (*ett museum*): *S:t Ragnhilds stadshistoriska museum* (Городской исторический музей Святого Рагнхильда);

– **парка** (*en park*): *Eskilsparken* (парк Эскиля);

– **капеллы** (*ett kapell*): *S:t Olofs kapell* (капелла Святого Улофа), *S:ta Annas kapellruin* (руины капеллы Святой Анны);

– **архипелага** (*en skärgård*): *S:t Annas skärgård* (архипелаг Святой Анны);

– **острова** (*en holme*): *S:t Olofsholm* (остров Святого Улофа);

– **мыса** (*en udde*): *Birgittas udde* (мыс Биргитты);

– **святого источника** (*en källa*): *S:t Olofs källa* (источник Святого Улофа);

– **улицы** (*en gata*): *S:t Gertrudsgatan* (улица Святой Гертруды), *S:t Göransgatan* (улица Святого Ёрана), *S:t Paulsgatan* (улица Святого Павла).

Ряд географических названий, выполняющих мемориально-номинативную функцию, включает семантически прозрачные топоосновы:

Birger Jarlsgatan (Биргер Ярлсгата), *Birger Jarls torg* (Биргер Ярлс торг). Биргер Ярл – правитель Швеции из рода Фолькунгов, основатель Стокгольма;

Ingrid Bergmans torg (Ингрид Бергманс торг). Ингрид Бергман – шведская актриса театра и кино;

Raoul Wallenberg torg (Рауль Валленберг торг). В годы Второй мировой войны Рауль Валленберг сумел с помощью шведских «нейтральных» папоротов и безопасных домов помочь большому количеству венгерских евреев избежать отправки в немецкие лагеря;

Sergels torg (Сергельс торг). Юхан Тобиас Сергель – шведский скульптор и художник, профессор Академии Искусств, один из признанных мастеров европейского классицизма;

Jussi Bjorling Museum (Музей Юсси Бьерлинга). Юсси Бьерлинг – шведский тенор, один из крупнейших оперных певцов XX века;

Bellmansgatan (Бельмансгатан). Карл Микаэль Бельман – шведский поэт и композитор.

В ходе анализа материала встретилось название *Astrid Lindgrens värld* (букв. мир Астрид Линдгрэн) – тематический парк сказок, расположенный в *Vimmerby* (Виммербю), недалеко от Стокгольма, названный в честь шведской писательницы Астрид Линдгрэн, автора ряда всемирно известных книг для детей. Компонент *värld* ‘мир; земля’ [2, с. 890] позволяет интерпретировать метафорическое содержание топонима как «совокупность (систему) сказочных образов, созданных писательницей».

В современных шведских топонимах могут быть представлены и имена известных личностей не шведского происхождения:

Ekilstuna (Эскильстуна) – город, названный в честь Святого Эскиля, англичанина, ставшего первым христианским епископом региона *Svealand* (Свеаланда);

Mårten Trotzigs gränd (Мортен Тротцигс грэнд) – самая узкая улица Старого города, которая в XVI веке названа именем немецкого купца Мортена Тротцигса, державшего в том месте лавку, считавшегося самым зажиточным горожанином;

Kirsten Munks hus (Дом Кирстены Мунки). Кирстен Мунка – вторая, морганатическая супруга датского короля Кристиана IV;

Wollmar Yxkullsgatan (Вольмар Икскюльсгатан). Вольмар Икскюль (выходец из Лифляндии) – придворный маршал Карла XII;

Tycho Brahe-observatoriet (Обсерватория Тихо Браге). Тихо Браге – выдающийся датский астроном, астролог и алхимик эпохи Возрождения. Первый в Европе начал проводить систематические и высокоточные астрономические наблюдения, на основании которых Иоганн Кеплер вывел законы движения планет.

Особую трудность для интерпретации содержательного и деривационного аспектов представляют топонимы, одним из компонентов которых является только личное имя. Однозначный ответ на вопрос, что представляет географический объект, названный таким именем, возможен в случае, если этот объект является достопримечательностью и можно сопоставить номинацию с его специфическими особенностями. Например, *Katarinahissen* (Катаринахиссен) – подъёмник, открытый в 1883 году, со смотровой площадкой в стокгольмском районе *Södermalm* (Сёдермальм), достопримечательность Стокгольма. С обзорной площадки, расположенной

на высоте более 35 метров над станцией Стокгольмского метрополитена *Slussen* (Слюссен), открывается панорама исторического центра Стокгольма *Gamla stan* (Гамластан, Старый город) и прилегающей акватории. В то же время топоним *Mariahissen* (Мариахиссен) – дом, являющийся памятником архитектуры XIX века, в котором находится 28-метровый лифт, поднимающий посетителей с набережной прямо в здание.

Возможно, что дом в целом назван метонимически *лифтом* (*-en hiss* ‘лифт; подъёмник’ [2, с. 278]), поскольку именно этот лифт является одной из главных его достопримечательностей. Мы хотим подчеркнуть, что в этом случае едва ли можно говорить о расширении семантики компонента *-en hiss* ‘лифт; подъёмник’ – скорее, в процессах номинации действует именно метонимический перенос значения.

Без углубленного культурологического анализа сложно определить, имена и фамилии каких конкретных людей отражены в таких топонимах, как *Jakobsgatan* (Якобсгатан), *Johannesgatan* (Юханнесгатан), *Katarina Bangata* (Катарина Бангата), *Maria Bangata* (Мария Бангата), *Maria Trappgränd* (Мария Траппгрэнд), *Maria Högbergsgata* (Мария Хёгбергсгата), *Olofsgatan* (Улофсгатан), *Fredmansgatan* (Фредмансгатан) и другие. Возможно, в части названий увековечены имена известных личностей, в части – титулованные особы и святые. Например, *Gustavianum* или *Gustavianum Museum* (Густавианум или Музей Густавианум) – старейшее здание Упсальского университета, которое носит имя Густава II Адольфа. При этом на первый взгляд, личное имя, представленное в основе топонима, может свидетельствовать и о других королях, например, Густаве I Васе, Густаве III, Густаве IV Адольфе, Густаве V, Густаве VI. Однако именно Густав II Адольф передал в 1620 году учебному заведению ряд средневековых построек, вошедших в состав этого строения. В музее хранятся мумии, античные монеты, артефакты времён викингов и оборудование Карл Линнея, Улофа Рудбека и Андерса Цельсия. В этом же здании находится декорированная кунсткамера и анатомический театр. Это амфитеатр с залом, рассчитанным на двести стоящих зрителей – студентов и посторонних лиц, приходивших на занятия за плату, которые присутствовали при вскрытии тел казнённых преступников.

Существуют такие наименования, как *Brahehus* (замок Брахехус, построенный для

Пера Брахе в 1640 году), *Brahegatan* (Брахегатан), *Tycho Brahe-observatoriet* (Обсерватория Тихо Браге), имеющие совпадающий по написанию компонент-антропоним (*Brahe*). Не исключено, что в этих топонимах увековечены фамилии разных людей.

В названиях географических объектов могут содержаться вторые топоосновы, значение которых по словарным статьям не совпадает с обозначаемым объектом, например, *Katarina Östra kyrkogårdsgränd* (Катарина Эстра чюркогордсгрэнд), *Katarina kyrkbacke* (Катарина чюркобакке), *Carlavägen* (Карлавэген). В трёх случаях речь идёт об улицах, однако в первом топониме находим компонент *gränd* 'переулок' [2, с. 252], во втором – *backe* 'холм, горка, пригорок, склон; земля' [2, с. 39], в третьем – *väg* 'дорога, путь, маршрут' [2, с. 881]. Приведённые примеры позволяют констатировать, что в шведском языке используются универсальные для индоевропейских языков топономические модели для номинации улиц (1) по названию старых дорог, проходивших на их месте (сравнить: *Ордынская дорога* – *Ордынка*, *Шаболовская дорога* – *Шаболовка* и подобное), а также (2) о сохранении старого названия при изменении статуса географического объекта, например, при модификации переулка в улицу.

Выводы

1. В шведской культуре широко представлены мемориальные топонимы.

2. Компоненты антропонимических формул полностью или частично вошли в состав географических названий на правах топонимических основ.

3. В шведской культуре встречается топонимическая метонимия (*Birger Jarlsgatan* – *Birger Jarls torg*; *Karl XII:s led* – *Karl XII:s bro*, *Bellmansgatan* – *Bellmansmuseum* и другие).

4. В отличие от католических стран, в которых существует огромное количество топонимов с приставками «сан-, сант-, санта-, сент-», что значит *святой*, в протестантской Швеции в проанализированных топонимах с компонентом *Sankt* в форме *S:t* встретились только названия церквей или руин церквей, улиц.

5. Представленные частично антропонимические формулы в топонимических названиях затрудняют не только понимание значения топонима (*Katarinahissen*), но и распознавание личных имён и фамилий известных личностей в основе топонимов (*Ebbas hus*, *Karlsgården*, *Fredmansgatan*). По этой причине возникают трудности с распределением топонимов на патронимические и мемориальные. С целью восстановления исходного значения многие топонимы требуют этимологических изысканий.

7. Топонимы могут быть образованы путём многоступенчатой номинации (*Carl* – *Carlsten* – *Carlstens fästning*, *Eric* – *Ericsborg* – *Ericsborgs slott*), что представляется отдельной темой для изучения.

Список литературы

1. Антонова Ю.В. Швеция. Исторический путеводитель. М.: Вече, 2009. 400 с.
2. Берглунд Б.М. Новый большой шведско-русский словарь: Ок. 175 000 словарных статей, словосочетаний и значений слов. М.: Живой язык, 2007. 928 с.
3. Штрейфферт Б. Швеция. Города и страны – как на ладони. Дорлинг Киндерсли. М.: ООО «Издательство Астрель», 2011. 360 с.
4. Ottosson M., Ottisson Å. Upplev Sverige. En guide till upplevelser i hela landet. Stockholm: Bonnier Fakta, 2010. 528 s.

Сведения об авторе:

Природина Ульяна Петровна – кандидат филологических наук, преподаватель Частного образовательного учреждения дополнительного образования по изучению иностранных языков «Скандинавская школа». Сфера научных и профессиональных интересов: лексикология шведского языка, лингвокультурология, лингвострановедение. E-mail: brasikaika@rambler.ru.

ANTHROPONYM AS A FREQUENCY DERIVATION COMPONENT OF SWEDISH TOPONYMS

Uljana P. Prirodina

Private educational institution of additional education for the study of foreign languages "Nordic School",
12, Bolshaya Spasskaya, Moscow, 129090, Russia.

Abstract: *Anthroponyms often act as a frequency derivation component included in various toponyms in the Swedish language. The value of the derivational component may be different and structurally diffuse. The subject of the research is the semantic, derivational characteristics of toponyms with anthroponymic foundations. The material for the study was 105 language units from the Swedish and the Russian sources, selected by the continuous sampling method. The article specifies the main lexical meanings of anthroponyms as the producing bases, identifies the main types of derivational models; possible semantic links are determined. The article is intended for linguists, geographers, ethnographers and for all those who are interested in geographic names.*

Key Words: *toponyms, anthrotoponyms, memorial toponyms, the Swedish culture, semantic feature, word-formation model, toponymic metonymy, anthroponymic formula.*

References

1. Antonova Iu.V. Shvetsiia. Istoricheskii putevoditel [Sweden. Historical guide], Moscow, Veche. 2009, 400 p.
2. Berglund B.M. Novyi bolshoi shvedsko-russkii slovar: Ok. 175 000 slovarnykh statei, slovosochetanii i znachenii slov [New large Swedish-Russian dictionary: About 175,000 entries, phrases and word meanings], Moscow, Zhivoi iazik. 2007, 928 p.
3. Shtrejffert B. Eyewitness Travel Guides Sweden. London, Doring Kinderley Limited, 2011. 360 p. (Russ. Ed.: Sukhareva O.V., Bochkova I.A. Shvetsiia. Goroda i strany – kak na ladoni. Moscow, OOO Izdatelstvo Astrel. 2011, 360 p.).
4. Ottosson M., Ottisson Å. Upplev Sverige. En guide till upplevelser i hela landet. Stockholm, Bonnier Fakta. 2010, 528 p.

About the author:

Uljana P. Prirodina – PhD, Lecturer of "Nordic School", private educational institution of additional education for the study of foreign languages (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: Swedish lexicology, cultural linguistics, country study. E-mail: brasikaikea@rambler.ru.

★ ★ ★

ВИДЫ ДИАЛОГИЗМА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

М.В. Тарасова, М.К. Огородов, М.Л. Петрова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Статья посвящена вопросу о видах диалогизма во французском газетном дискурсе. В ней установлены факторы, которые вызывают появление в нём диалогизма, а также лингвопрагматические средства реализации его видов. К таким факторам отнесены коммуникативная ситуация и интертекстуальность. Коммуникативная ситуация лежит в основе двух видов диалогизма: интеракционного, то есть речевого взаимодействия между автором текста и его читателем, и интерлокутивного, трактуемого как взаимодействие субъектов речи в жанре интервью. Интертекстуальность в форме цитат в медиа тексте и/или в заголовке текста создаёт транстекстуальный вид диалогизма, представленный двумя формами: интертекстуальной (речевое взаимодействие автора текста и автора цитаты) и паратекстуальной (авторизация цитаты, включённой в текстовый заголовок, автором текста). Первые два вида диалогизма, а также его интертекстуальная форма свойственны разным типам дискурса, а его паратекстуальная форма представляет собой характерную особенность именно газетного дискурса. Материалом для дискурсивного анализа послужили тексты разных жанров, взятые из печатной и электронной версий французских национальных и региональных газет: Le Monde, Le Figaro, Libération, Le Parisien и Nice-Matin.

Ключевые слова: диалогизм, ситуация коммуникации, интертекстуальность, интеракционный диалогизм, интерлокутивный диалогизм, интертекстуальный диалогизм, паратекстуальный диалогизм.

Введение

Газета как одна из старейших форм печати по-прежнему остаётся важным источником информации. С появлением в 90 годы XX-го века электронной версии она стала ещё более оперативно откликаться на происходящие в мире изменения. При этом индивидуальный характер каждого издания национальной или региональной прессы проявляется как в подаче информации и предпочтении тех или иных жанров статей, так и в их названиях, выделяющих их среди других изданий. Имена собственные названий французских газет, например, *Le Monde*, *Le Figaro*, *Libération*, *Le Parisien*, определяют каждое издание как самостоятельного участника социальной коммуникации.

Газетный дискурс, один из подтипов массмедийного, наделён своими социальными функ-

циями и особыми языковыми характеристиками. Цель статьи состоит в том, чтобы установить виды диалогизма, которые в нём встречаются. Для этого необходимо решить ряд задач: уточнить понятие «диалогизм»; установить факторы, вызывающие его появление, а также выявить основные лингвопрагматические особенности его видов.

Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения особенностей диалогизма во французском газетном дискурсе. Новизна исследования состоит в постановке и решении ещё не получившего в дискурс-анализе должного освещения вопроса о факторах, которые способствуют реализации его видов.

Материалом для анализа послужили тексты из печатной и электронной версий французской национальной и региональной прессы: из газет *Le Monde*, *Le Figaro*, *Libération*, *Le Parisien* и *Nice-Matin*.

О диалогизме в дискурс-анализе

Понятие «диалогизм», введённое в литературоведение М. М. Бахтиным [1] в конце 20-х годов прошлого века, означает взаимодействие между речью главного рассказчика и речью других персонажей или между двумя проявлениями внутренней речи главного персонажа в романе. Из этого следует, что в основе диалогизма лежат монологические по форме высказывания.

В конце XX-го века понятие «диалогизм» было заимствовано дискурс-анализом, в котором оно трактуется как взаимодействие «голосов» разных субъектов речи. Дискурс-анализ, основанный на междисциплинарном подходе, исследует связь текста с ситуацией коммуникации, которая включает в себя некоторое множество компонентов, чей состав варьирует в зависимости от объекта исследования. Вслед за французским лингвистом Д. Менгено, мы относим к таким компонентам следующие: коммуникативная цель общения, место и время, адресант и адресат (их социальные характеристики, энциклопедические знания о мире, представления друг о друге), канал связи, речевой жанр и тема [2, с. 85].

Если в роли участников письменной коммуникации выступают адресант, автор текста, и адресат, его читатель, то в результате их действий по продуцированию текста и его декодированию, в ходе которого текст подвергается оценочному суждению последнего, возникает *интеракционный диалогизм*.

Этот вид диалогизма встречается во всех типах дискурса. В газетном дискурсе его языковыми маркерами служат притяжательные детерминативы 2 л. ед. и мн. ч. (*votre, vos*), отсылающие к читателю в заголовке текста, а в самом тексте – вопросы потенциального читателя, которые предвосхищает его автор:

(1) ***Vos collègues présentent une menace pour vos données personnelles***

[...] Un tiers des employés français (33%) reconnaissent avoir eux-mêmes partagé des informations précieuses à leurs collègues : identifiant et mot de passe de leurs appareils professionnels notamment. Alors, idée judicieuse ou grave erreur ? « Le manque de contrôle et d'organisation des fichiers numériques notamment des fichiers hébergés sur le cloud, peut mener à des fuites de données et des incidents graves de sécurité », commente Tanguy de Coatpont, directeur général de Kaspersky. [Léa Lucas. *Le Figaro* 08.08.2019]

Примечательно, что в редакционной политике французских газет существует разное отноше-

ние к указанию имени автора. Кроме того, на его наличие или отсутствие накладывает своё ограничение другой компонент коммуникативной ситуации – жанр статьи. Так, среди информационных жанров не принято подписывать краткие информационные заметки, расширенную заметку, отчёт, происшествия, в то время как более объёмные статьи – репортаж, журналистское расследование, портрет и интервью – публикуются, как правило, за подписью их авторов. В статьях же аналитического жанра присутствие имени автора зависит от традиций печатного издания. Так, в конце текста редакционной статьи, автором которой может быть специализирующийся в этой области журналист, главный или выпускающий редактор, подпись каждого обязательна в газетах *Le Figaro* и *Libération*, в газете же *Le Monde* ставить её не принято. Однако, кем бы ни была написана редакционная статья, подписана она или нет, ответственность за неё разделяет вся редакционная коллегия. Ведь цель этого жанра состоит в том, чтобы, выражая точку зрения по какому-либо актуальному вопросу, подчеркнуть не личное мнение журналиста, а коллективную позицию всего издания.

Появление другого вида диалогизма связано с определённым медиа жанром: жанром интервью, текст которого создаётся самим журналистом на базе составленных им вопросов, а также ответов на них одного интервьюируемого или более. Приведём в качестве примера интервью с одним интервьюируемым:

(2) ***Anne-Sophie Lapix, présentatrice du 20 Heures de France 2***

Laure Boyer : *À quel moment avez-vous voulu devenir journaliste?*

Anne-Sophie Lapix : Vers l'âge de 9 ans. Je ne voulais pas forcément travailler à la télévision. Je m'imaginai plutôt en train de parcourir le monde avec un crayon et un bloc-notes pour faire de grands reportages.

Laure Boyer : *Quel est la meilleure facette du métier de journaliste et ce qui est le plus dur?*

Anne-Sophie Lapix : Le meilleur aspect, c'est que l'on partage. On décrit et on décrypte le monde pour un public large. La difficulté aujourd'hui, c'est que les gens perdent confiance dans les médias traditionnels. De plus en plus de jeunes croient davantage les réseaux sociaux qui véhiculent pourtant beaucoup de fausses informations... [*Le Monde* 18.03.2019]

Речевое взаимодействие между участниками коммуникации в интервью лежит в основе *интерлокутивного диалогизма*. Необходимо, од-

нако, отметить, что вопросно-ответная форма речи присуща не только газетному дискурсу, но и другим его типам, например, литературному (жанрам романа и пьесы) и юридическому (жанру протокола допроса свидетеля в судопроизводстве).

Таким образом, ситуация коммуникации, то есть речевой контакт между реальными (или вымышленными) участниками коммуникации, вызывает появление двух видов диалогизма: *интеракционного* и *интертекстуального*.

Другой фактор появления диалогизма – интертекстуальность. Этот термин введён Ю. Кристевой в теорию литературы в 1967 году [3, с. 97]. Между тем к концу XX-го века причастность интертекстуальности к процессам понимания и интерпретации текста сделала её значимой для дискурс-анализа и входящей в него лингвистики текста.

Важную роль в дискурс-анализе играет предложенная французским нарратологом Ж. Женеттом типология транстекстуальных отношений, в которые среди прочих входят интертекстуальность и паратекстуальность. Первая определена как «соприсутствие» в одном тексте двух или более текстов, которые взаимодействуют между собой с помощью разных форм: цитаты, аллюзии, парафразы, ссылки и плагиата [4, с. 9]. Но как бы ни различались между собой эти включения в текст, их всех объединяет одна общая черта: смена субъекта речи [5, с. 35]. Важно, между тем, подчеркнуть, что если в литературоведении зависимость диалогизма от интертекстуальности не рассматривается [см., например, 6, с. 30], то в дискурс-анализе связь между ними не подвергается сомнению [7, с. 176].

Во французском газетном дискурсе широкое распространение получили интертекстуальные включения в форме цитат двух видов:

- единичная цитата, которая представлена в тексте или в заголовке текста;
- повторная цитата, присутствующая как в тексте, так и в его заголовке.

Особенности функционирования таких цитат, насколько нам известно, ещё не исследовались. Между тем включение в медиа текст, например, единичной цитаты (или цитат) вызывает *интертекстуальный* диалогизм. Дело в том, что в информационных жанрах автор текста может использовать по отношению к автору цитаты коммуникативную стратегию «нейтралитета», представляя содержащуюся в ней информацию как достоверную (с помощью таких языковых

средств, как 3-е лицо и времена изъявительного наклонения *Passé composé*, *Présent* и *Futur simple*). Или же стратегию «дистанцирования», употребляя условное наклонение (*Conditionnel journalistique*), если он не вполне уверен в достоверности полученной им информации. Что же касается текстов аналитических жанров, то автор может применять в них стратегии кооперации и конфронтации, языковыми маркерами которых служат коннекторы, например, с противительным и причинно-следственным значением, как в (3), а также разнообразные средства положительной или отрицательной оценки:

(3) *Des mécènes financent la désobéissance civile sur le climat*

«Le plus grand feu de l'histoire de la Californie du Sud a atteint ma ville en novembre, raconte Trevor Neilson. Cette expérience, ma famille fuyant un feu provoqué par le changement climatique, m'a convaincu : nous n'avons pas le temps d'être diplomates.» Voilà pourquoi l'investisseur américain a lancé, au début du mois de juillet, le Climate Emergency Fund (CEF), un fonds consacré au financement de la désobéissance civile pour le climat.

L'initiative peut surprendre. Mais, depuis la publication du rapport du Groupe intergouvernemental d'experts sur l'évolution du climat (GIEC) sur les conséquences d'un réchauffement de 1,5 °C, en octobre 2018, les demandes d'actions rapides contre le changement climatique se multiplient. [Nathan Mann. *Le Monde* 16.08.2019]

Кроме текста, цитата может присутствовать, как уже отмечалось, и в заголовке.

О видах заголовков и цитатах в них

Между газетным текстом и его заголовком (или заголовочным комплексом, включающим кроме заголовка надзаголовок, подзаголовок и «шапку»), существует ещё один вид транстекстуальных отношений: *паратекстуальные* [8]. Выбор автором вида заголовка в определённой степени зависит от жанра текста. Если статья относится к информационному жанру, то автор отдаёт предпочтение информационному заголовку, из которого читатель получает информацию о содержании текста «в объективированной форме» [см. примеры (1) и (2)]. У статьи аналитического жанра заголовок может быть информационным (4) или игровым [см. (5) и (6)]. Последний вид заголовка представляет информацию «в субъективированной форме» [9, с. 13-18], вовлекая читателя в текст через его эмоциональную реакцию:

(4) **Attaques de pétroliers en mer d'Oman : une dangereuse escalade** (*Le Monde* 15.06.2019)

(5) **C'est passé si près...** (*Nice-Matin* 28.04.2019)

(6) **Battues, pas abattues...** (*Nice-Matin* 28.04.2019)

Очевидно, что информационные заголовки (3) и (4) в смысловом отношении самодостаточны. Так, заголовок редакционной статьи (4), сообщая читателю о нападении на танкеры в Оманском заливе, одновременно предупреждает об опасности эскалации конфликта. Игровые заголовки (5) и (6) принадлежат статьям, в которых комментируются спортивные результаты. В примере (5) выражается чувство сожаления по поводу некоего не реализовавшегося действия, о котором читатель сможет узнать, лишь обратившись к тексту. Заголовок (6) содержит антитезу, противопоставляющую два разных состояния спортивной команды. Причем оба заголовка интригуют читателя своей недосказанностью, подчёркнутой к тому же пунктуационно: многоточием.

Выбор заголовка с цитатой или без нее зависит от жанра и от традиций издания. Если заголовки аналитического жанра, например, «мнение приглашённого эксперта», обходятся в газете *Le Figaro* без цитаты, то практически все заголовки статей того же жанра в газетах *Le Monde* и *Libération* её содержат.

По своей структуре газетные заголовки с цитатой могут либо целиком состоять из цитаты (7) и (8), либо содержать её сегмент (9) и (10):

(7) **«Ce n'est pas parce qu'on est pauvre qu'on doit mal manger»** (*Libération* 18.06.2019)

(8) **«La confiance est recherchée partout mais n'apparaît nulle part»** (*Le Monde* 29.06.2019)

(9) **Pour 2020, Jean-Claude Gaudin met en garde son camp contre «une guerre des ego»** (*Nice-Matin* 27.04.2019)

(10) **Jean Durand : «Y croire jusqu'au bout»** (*Nice-Matin* 03.05.2019)

В обоих случаях заголовки с цитатой могут ещё содержать уточнение, включающее имя её автора, а иногда сведения о его профессии и/или социальном статусе. Так, из такого уточнения в (12) читатель узнаёт, что автор цитаты – лауреат международного конкурса имени П. И. Чайковского, тогда как о профессии, например, спортсмена в (10) или фотографа в (11), он получает информацию только из самих текстов:

(11) **Yann Arthus-Bertrand : «Ce sont les lions qui ont été mes professeurs de photographie»** (*Le Figaro* 28.06.2019)

(12) **Alexandre Kantorow, lauréat du concours Tchaïkovski : «C'était une expérience folle»** (*Le Figaro* 28.06.2019)

Заголовок с цитатой может также содержать оценочный комментарий автора текста к цитате, как в (13):

(13) **«Pas d'ingérence dans les élections, président!» Le message ironique de Trump à Poutine au G20** (*Le Monde avec AFP* 28.06.2019)

Цитата в заголовке обычно дублирует цитату из текста или реже выступает как единичная. Рассмотрим оба случая.

1. Повторная цитата.

Источником заголовочной цитаты (а) служит цитата-донор (b) из текста. Чтобы установить соотношение между ними, сравним их между собой:

(14a) **Charles Pépin : «Qui n'a jamais connu l'échec a raté sa vie!»**

(14b) Les échecs nous font réfléchir et progresser dans notre humanité. C'est pour cela que si vous n'avez jamais connu le sentiment d'échec, vous avez raté votre vie. (Quentin Pérenin. *Le Figaro* 22.09.2016)

(15a) **Suicides dans la police : « Ce boulot nous affaiblit »**

(15b) «Aujourd'hui, quand tu es dans la police, tu ne crois plus en ce que tu fais, tu subis la pression, et en rentrant à la maison, tu n'as pas plus de confort. » Le risque de suicide ? «Tu te dis que ça peut arriver à quelqu'un avec qui tu travailles. Car ce boulot t'affaiblit moralement. » (*Nice-Matin* 29.04.2019)

Сравнение двойных цитат в (14) и (15), взятых из текстов интервью, показывает, что заголовочные цитаты, сохранив кавычки, подверглись модификациям несмотря на то, что согласно своему определению цитата должна точно воспроизводить слова субъекта речи. Остановимся более подробно на анализе примера (15), так как он в большей степени отклонился от цитаты-донора. Эти отклонения затрагивают: 1) объём заголовочной цитаты: в ней сохранено только ключевое высказывание; 2) её синтаксическую структуру: опущен сочинительный коннектор со значением пояснения *car*; вместо личного местоимения с дистрибутивным значением *tu* (=chaque policier) употреблено местоимение того же разряда со значением обобщения *nous* (=tous les policiers); элиминировано наречие *moralement*.

Между тем при количественном преобладании модифицированных автором текста цитат в заголовке встречаются и такие, которые тождественны текстовым цитатам-донорам. Например:

(16a) **Jean-Michel Delacomptée** : «**Sauve qui peut le roman !**»

(16b) Dans le même temps, le roman de qualité est assiégé par la télévision, Internet, les réseaux sociaux. J'ai envie de crier : «Sauve qui peut le roman!» Et je ne considère pas mon livre comme un pamphlet, mais plutôt comme un manifeste. Le constat est triste : la littérature et le roman ont divorcé, ils ne coïncident plus, et personne ne semble s'en être avisé. (*Le Figaro* 04.11.2016)

(17a) **Samuel Étienne** (*Questions pour un champion*) : «**On ne se repose pas sur nos lauriers**»

(17b) **Thierry Clermont**. – Prévoyez-vous des changements pour *Questions pour un champion* ?

S.É. – Ce jeu est un chantier permanent. Nous réfléchissons constamment aux manières de l'améliorer encore. On ne se repose pas sur nos lauriers. Nous aimerions, par exemple, refaire une émission patrimoniale, comme l'an dernier au Louvre. On recherche un nouveau lieu pour surprendre les gens. (*Le Figaro* 27.06.2019)

Из анализа примеров следует, что заголовочные цитаты (16a) и (17a), хотя и сокращены авторами текстов интервью до ключевых высказываний, в остальном оставлены без каких-либо изменений по отношению к цитате-донору. Заметим, однако, что авторы цитат адаптировали используемые в них фразеологизмы к описываемой ситуации. В заголовке (16a), текст которого посвящён проблеме вытеснения литературного романа телевидением, Интернетом и социальными сетями, изменена структура и значение фразеологизма «*Sauve qui peut (sa vie)!*»: вместо имплицитного объекта *sa vie* введён эксплицитный: *le roman*. В то же время ассоциативная отсылка к прежнему объекту придаёт ему экспрессивность. Заголовок (17a) содержит другой фразеологизм *se reposer sur ses lauriers*. Приспосабливая её синтаксически к описанию личной ситуации, автор цитаты использует неопределённо-личное местоимение *on* в значении личного местоимения *nous* (на это указывает притяжательный детерминатив *nos lauriers*), а также заменяя утверждение на отрицание: «*On ne se repose pas sur nos lauriers*».

Однако для изучения диалогизма существенна «позиция» по отношению к цитате автора текста. Вводя уточнение к цитате в (16a) или комментарий к ней *Questions pour un champion* в (17a), он прибегает к её авторизации.

Таким образом, заголовочная цитата отличается от текстовой цитаты-донора своим объемом и/или синтаксической структурой, а также

тем, что она может сопровождаться уточнением и/или комментарием автора текста.

2. Единичная цитата в заголовке.

У такой цитаты есть свои особенности. Одна из них – способность нести в себе аллюзию, то есть ассоциативную отсылку к фактам и явлениям, закреплённым в виде пословиц, поговорок, афоризмов и крылатых слов. Заметим, что аллюзию принято рассматривать как самостоятельную форму интертекстуальности. Носитель цитаты-аллюзии в медиа тексте – заголовок-клише, относимый во французской журналистике к разновидности игрового:

(18) Les millennials et l'entreprise : «Je t'aime, moi non plus...» (*Le Figaro* 23.06.2019)

В заголовке текста, принадлежащего жанру «расследование», присутствует цитата из названия песни известного французского автора и исполнителя Сержа Генсбура. И хотя первая часть заголовка (18) называет субъектов экономических отношений, читатель, тем не менее, ассоциирует их со сложными чувствами любви/нелюби из песни.

Другая особенность единичной цитаты в заголовке заключается в том, что ей может быть свойственна полифония (многоголосие). Так, в цитате заголовка (19a) «звучат голоса» одновременно пяти медицинских экспертов, которые единодушно высказались за децентрализацию системы французского здравоохранения. При этом цитата из текста содержит контраргумент, принадлежащий лишь одному из некоторого множества оппонентов (19b):

(19a) «**Il faut régionaliser notre système de santé**»

(19b) Plusieurs idées reçues s'opposent à la régionalisation. En voici une.

«Régionaliser la santé créerait des inégalités territoriales»

(*Le Parisien* 05.05.2019)

Этот пример говорит о том, что автор текста может использовать кавычки в единичной цитате (как и в повторной) не в качестве показателя точности цитирования, а в их вторичной функции. В (19) эта функция заключается в акцентировании единства в позиции участников коммуникации.

Итак, цитаты в газетных заголовках могут частично (несмотря на кавычки) или полностью воспроизводить цитату-донора, взятую из текста. Но при этом они подвергаются, хотя и в разной степени, **авторизации** со стороны автора текста. К её текстовым маркерам мы относим:

1) сокращение текстовой цитаты до ключевого высказывания; 2) внесение в заголовок уточнений и оценочных комментариев к цитате; 3) её синтаксические модификации. Поскольку газетный заголовок выполняет в печатной прессе, во-первых, «рекламную» функцию (привлекая внимание, он провоцирует читателя на чтение статьи), и, во-вторых, информационную (даёт представление о её содержании), то, естественно, что предваряющая текст цитата приобретает обе эти функции. В результате этого возникает *паратекстуальная* форма *транстекстуального* диалогизма. Её отличие от первой состоит в более высокой степени авторизации цитаты.

Заключение

Диалогизм – это категория дискурса. Факторами его появления в газетном дискурсе могут

быть ситуация коммуникации и интертекстуальность. Первый фактор вызывает появление двух видов диалогизма: *интеракционального* (взаимодействие между автором и читателем) и *интерлокутивного* (взаимодействие между реальными участниками коммуникации в жанре интервью). Вторым фактором влечёт за собой появление *транстекстуального* диалогизма в двух его формах: *интертекстуальной* (взаимодействие между автором текста и автором текстовой цитаты) и *паратекстуальной* (взаимодействие между автором текста и автором цитаты в заголовке). Первые два вида диалогизма, так же, как и его интертекстуальная форма, свойственны разным типам дискурса, в то время как его паратекстуальная форма – характерная особенность газетного дискурса.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Интертекстуальность – поэтика чужого слова // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. ст. / науч. ред. П. Е. Бухаркин. СПб, 1999. 444 с.
2. Барт Р. Избранные труды: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр./ М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 7-300, 466-505.
4. Крестева Ю. Бахтин: слово, диалог и роман. // Избранные труды: Разрушение поэтики / Пер. с фр. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 656 с.
5. Adam J.-M. Unités rédactionnelles et genres discursifs : cadre général pour une approche de la presse écrite // Pratiques, n° 94, Genres de la presse écrite, 1997. P. 3-18.
6. Genette G. Introduction à l'architexte. Paris : Le Seuil, 1979. 96 p.
7. Genette G. Palimpsestes : la littérature au second degré. Paris : Le Seuil, 1982. 486 p.
8. Maingueneau, D. Analyser les textes de communication. Paris: Nathan/ VUEF, 2002. 211p.
9. Samoyault T. L'intertextualité. Mémoire de la littérature. Paris: Armand Colin, 2005. 127 p.

Сведения об авторах:

Тарасова Мария Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка МГИМО МИД России. E-mail: maria.tarassova@gmail.com.

Огородов Михаил Константинович – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой французского языка МГИМО МИД России. E-mail: mkogo@mgimo.ru.

Петрова Мария Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка МГИМО МИД России. E-mail: souratem@hotmail.com.

TYPES OF DIALOGISM IN FRENCH NEWSPAPER DISCOURSE

M.V. Tarasova, M.K. Ogorodov, M.L. Petrova
Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The article examines types of dialogism in French newspaper discourse and determines factors that cause dialogism in discourse and lingua-pragmatic forms of realization of its types. These factors are communicative situation and intertextuality. A communicative situation underlies two types of dialogism: the interactional dialogism, which is a speech interaction between a text author and its reader, and the interlocutive dialogism, which is the interaction of speech actors within the interview genre. Intertextuality in the form of quotations in media texts and/or text headlines creates transtextual dialogism, represented by its two forms: intertextual dialogism (speech interaction between a text author and a quotation author) and paratextual dialogism (authorization of a quotation included into the text headline by a text author). The first two types of dialogism and intertextual dialogism are characteristic of various discourse types, whereas paratextual dialogism is a distinctive feature of newspaper discourse. For discourse analysis there were selected texts of various genres from printed and electronic versions of French national and regional newspapers such as Le Monde, Le Figaro, Libération, Le Parisien and Nice-Matin.*

Key Words: *dialogism, communicative situation, intertextuality, interactional dialogism, interlocutive dialogism, intertextual dialogism, paratextual dialogism.*

References

1. Arnold I.V. Intertekstualnost – poetika chuzhogo slova [Intertextuality as The Poetics of Someone Else's Word] // Semantika. Stilistika. Intertekstualnost: Сб. cr. / nauch. red P.E. Bukharkin. SPb, 1999. 444 s.
2. Barthes R. Izbrannye trudy: Semiotika, Poetika [Selected Works: Semiotics, Poetics] / Per. s fr. M.: Progress, 1989. 616 s.
3. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoyevsky's Poetics] // Bakhtin M.M. Sobr. soch. v 7 t. M.: Russkie slovari: Iazyki slavianskoi kultury, 2002. T. 6. s. 7-300, 466-505.
4. Kristeva Yu. Bakhtin: slovo, dialog, roman [Bakhtin: Word, Dialogue, Novel] // Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki / Per. s fr. M.: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopedia (ROSSPEN), 2004. 656 s.
5. Adam J.-M. Unités rédactionnelles et genres discursifs : cadre général pour une approche de la presse écrite // Pratiques, n° 94, Genres de la presse écrite, 1997. P. 3-18.
6. Genette G. Introduction à l'architexte. Paris: Le Seuil, 1979. 96 p.
7. Genette G. Palimpsestes : la littérature au second degré. Paris: Le Seuil, 1982. 486 p.
8. Maingueneau, D. Analyser les textes de communication. Paris: Nathan/ VUEF, 2002. 211 p.
9. Samoyault, T. L'intertextualité. Mémoire de la littérature. Paris: Armand Colin, 2005. 127 p.

About the authors:

Maria V. Tarasova – PhD in Philology, Associate Professor, French Department, MGIMO-University.
E-mail: maria.tarassova@gmail.com.

Mikhail K. Ogorodov – PhD in Philology, Head of the French Department, MGIMO-University.
E-mail: mkogo@mgimo.ru.

Maria L. Petrova – PhD in Philology, Associate Professor, French Department, MGIMO-University.
E-mail: souratem@hotmail.com.

★ ★ ★

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТОВ CONFLICT И CRISIS С ПОЗИЦИИ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

О.А. Тремаскина

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
430005, Россия, Саранск, ул. Большевикская, 68/1

В статье предпринимается попытка выявить взаимодействие между событийными концептами “conflict” и “crisis” в процессе когнитивного моделирования. Разработанная процедура когнитивного моделирования исходит из рассмотрения вербальных проявлений конфликта и кризиса в лексикографических источниках и фрагментах медиатекста англоязычного периодического издания “The Financial Times” 2018 года. Схема когнитивного моделирования конфликта и кризиса, в соответствии с основной тенденцией его изучения отечественными и зарубежными исследователями, базируется на концептуальном анализе. Когнитивные модели конфликта и кризиса конкретизируются через структуру концептов “conflict” и “crisis”, когнитивные признаки которых локализованы в ядре, ближней и дальней периферии. Концепты “conflict” и “crisis”, зафиксированные в определённых вербальных репрезентациях, отражают референциальные свойства в зависимости от освещаемой в медиатексте темы. По итогам исследования медиатекстов экономической направленности выявлено, что эксплицитными идентификаторами концептов “conflict” и “crisis” служат лексические единицы с негативной коннотацией. Установлено, что взаимодействие концептов “conflict” и “crisis” характеризуется целым спектром параметров. Содержание концепта “conflict” сводится к торговым войнам, концепта “crisis” – к общеупотребительному значению лексемы crisis. Статья адресована лингвистам, интересующимся проблемами когнитивного исследования языка.

Ключевые слова: когнитивное моделирование, экономический медиадискурс, взаимодействие, событийный концепт, конфликт, кризис, вербализация.

Современное развитие когнитивной лингвистики характеризуется вниманием не только к процессам концептуализации явлений окружающей действительности, в результате которой выделяются соответствующие концепты, но также и к установлению их взаимодействия. Число работ, рассматривающих концепты в их взаимовлиянии, неуклонно увеличивается, что свидетельствует о новой перспективной области когнитивных исследований, позволяющих более глубоко и всесторонне осмысливать явления действительности, скрытые

от непосредственного наблюдения. В этой связи можно указать на работу А. А. Лагутиной, исследовавшей проблему взаимодействия концептов в сфере экологии [6]. Взаимодействие концептов в аспекте их варьирования, а именно изменчивости их содержания, происходящей под воздействием различных факторов (социального, этнокультурного, возрастного, гендерного и др.), рассматривает Н. В. Крючкова [5, с. 21].

Одним из самых эффективных способов установления взаимодействия концептов является моделирование, в частности, когнитивное

моделирование, на основе которого в наши дни оформилась модельная лингвистика. Обращение к модельному исследованию языка обуславливается тем, что в лингвистике объект недоступен прямому и непосредственному наблюдению. Поскольку увидеть происходящее невозможно, единственный путь к познанию объекта – смоделировать на основе сопоставления исходных и конечных данных образ объекта [7, с. 133].

Интерес к данной области лингвистики нашёл своё отражение в работах А. В. Гусляковой [2], Т. И. Уткиной [10], В. Н. Кинякина, Н. В. Задохиной [3]. В своих концепциях многие отечественные авторы выражают идею о концептуальном анализе как основе когнитивного моделирования. Так, Н. Ю. Шнякина описывает этапы моделирования концепта, ведущие к созданию когнитивной модели как концептуального содержания, объективируемого в определённой коммуникативной ситуации с помощью разноплановых языковых средств [11, с. 434]. Автор считает, что модель представляет собой некую идеально сконструированную сущность, формируемую на базе доступных наблюдению данных, представляющих собой форму её вербализации [11]. Другой исследователь, Е. С. Суралева, выделяет два способа когнитивного моделирования концепта: первый – построение полевой модели для наглядного представления концепта, а второй – фреймовый анализ для описания его структуры [9, с. 69]. Таким образом, можно заключить, что концептуальный анализ вполне эффективен как инструмент когнитивного моделирования. Внимание зарубежных лингвистов, в частности, Г. К. Pullum [19], W. Rotgé [20], привлекают различные аспекты моделирования ментальных репрезентаций, отражённых в языковой форме. Исследователи сходятся во мнении о том, что благодаря своей гибкости и выразительной силе моделирование является эффективным методом лингвистического исследования.

При когнитивном моделировании следует исходить из того, что любые изменения, происходящие в общественной жизни, находят своё отражение в языке. Безусловно, примером такой сферы является экономика, а одними из наиболее обсуждаемых тем в финансово-экономических изданиях становятся конфликты и мировой кризис, представляющие угрозу для всего человечества. Когнитивное моделирование позволяет раскрыть, каким образом реальные ситуации превращаются в вербальный факт, обнаруживая тем самым то, как люди оперируют языком при

обсуждении сложных проблем экономического конфликта и кризиса.

К числу базовых концептов дискурса экономической прессы отнесём событийные концепты *conflict* и *crisis*. Под событийным концептом понимается ментальное представление события (ситуации, процесса), характеризующее субъектно-предикатными, причинно-следственными, пространственно-временными связями между элементами концепта. Добавим также, что важной чертой событийного концепта является его временной аспект [11]. Концепт в языке может быть вербализован отдельными словами и словосочетаниями, фразеологическими единицами, предложениями и целыми текстами [1, с. 28].

С позиции когнитивного моделирования построение когнитивных моделей концептов *conflict* и *crisis* должно также осуществляться с учётом референтных свойств объектов, которые отражаются в вербальной форме в экономическом медиадискурсе. В качестве отправной точки выступают зафиксированные в англоязычных лексикографических источниках значения лексем *conflict* и *crisis*. В процессе актуализации конфликта и кризиса в субъективных оценках значение сужается до экономической сферы. В итоге, формируются некоторые когнитивные модели концептов *conflict* и *crisis*, а также их взаимодействие.

Прежде чем сосредоточиться на взаимодействии концептов *conflict* и *crisis* в контекстах медиатекстов, необходимо выявить, в каком соотношении с объективной действительностью находятся данные концепты. В этой связи целесообразным представляется обращение к экономическому обоснованию данных явлений. С одной стороны, понятие «конфликт» может рассматриваться как синоним понятия «кризис», и международный конфликт отождествляют с международным кризисом [4]. С другой стороны, существует мнение, что кризис порождает конфликтную ситуацию. Чем глубже кризис, тем меньше усилий требуется для его трансформации в конфликт [12]. В то же время, данные феномены могут представлять собой соотношение части и целого, где кризис функционирует как закономерное следствие развития конфликта. Наступление кризиса означает в таком случае, что конфликт дошёл в своем развитии до грани, отделяющей его от вооружённого столкновения [8]. Из вышесказанного следует, что в экономике между конфликтом и кризисом могут быть установлены следующие отношения: конфликт тож-

дествен кризису; кризис генерирует конфликт; кризис как фаза конфликта.

С точки зрения лингвистики представляется интересным изучить когнитивное моделирование конфликта и кризиса в их контекстуальном окружении на вербальном уровне и как оно сигнализирует о взаимодействии данных концептов. Учитывая мобильность экономической ситуации, подчеркнём, что в работе освещается только часть моделей конфликта и кризиса, зафиксированная в англоязычном издании *The Financial Times* 2018 года.

Вышеуказанные факты положены в основу развиваемой в данной статье схемы когнитивного моделирования. На первом этапе исследуется содержание концептов *conflict* и *crisis* на материале англоязычных лексикографических источников [13; 14; 17; 18]. Лексическая единица *conflict* комментируется в них посредством *disagreement*, *fighting*. Что касается лексемы *crisis*, её содержание сводится к *dangerous*, *difficult situation*; *a situation in which there are a lot of problems*. Распределение лексических единиц, вербализующих рассматриваемые событийные концепты, наглядно свидетельствует об их высокой идентичности. Лексемы *disagreement*, *difficult situation* встречаются в определении как конфликта, так и кризиса. Однако отличительной чертой дефиниции конфликта является обращение к лексемам *fighting*, *battle*. Таким образом, конфликт и кризис в наше время воспринимаются как проявление социальных отношений между людьми и странами, как несогласие, возникающее при столкновении несовместимых взглядов, позиций и интересов.

На следующих этапах когнитивного моделирования взаимодействия концептов данные полной выборки проверяются с помощью репрезентативной выборки, а также интерпретируются выделенные в медиатекстах лексические единицы. В качестве примера рассмотрим медиатекст *“IMF warns global economic growth will slow by 2020”* [15], в котором обсуждаются проблемы кризиса и конфликта, вербализующиеся соответственно при помощи лексем *conflict* и *crisis*, что позволяет выявить отражаемое в медиатексте взаимодействие двух соответствующих концептов. Примечательно, что особенностью экономических медиатекстов, в которых эксплицируется конфликт, является редкое употребление ключевой лексемы *conflict*. В частности, в исследуемом медиатексте зафиксировано только два примера с данной лексической единицей:

conflict over trade и *conflict could intensify*. Если считать лексему *conflict* ядром концепта, то по причине её редкого употребления основу когнитивного моделирования концепта *conflict* составят другие лексемы, формирующие ближнюю периферию. В медиатексте в результате сравнения лексических значений, лежащих в основе фокуса высказывания, определяется аналогия между конфликтом и войной. Подтвердим вышесказанное примерами.

В первом выделенном участке медиатекста повествуется о том, что по прогнозам Международного валютного фонда замедление экономического развития будет сопровождаться торговыми войнами: *“Good times in the global economy will not last, the IMF warned on Tuesday as it predicted that a slowdown was likely to be accompanied by trade wars”* [15]. Во втором фрагменте медиатекста привлекает внимание словосочетание *“jarring contradiction”*. Согласно прогнозу о мировом экономическом развитии, в экономике обнаруживается резкое противоречие между такими несовместимыми явлениями, как широкомасштабный рост экономики и такой же крупный по своему масштабу конфликт в сфере торговли: *In a sombre World Economic Outlook, its twice-yearly economic forecast, the fund highlighted the “jarring” contradiction between broad-based growth momentum and a similarly broad based conflict over trade* [15]. Интересно, что и в третьем выделенном фрагменте вербальная основа ближней периферии концепта *conflict* также формируется с помощью лексических единиц, указывающих на назревающую торговую войну: *Maurice Obstfeld, the IMF’s chief economist, said global growth would slow by 2020 and warned that “major economies are flirting with trade war”, which would distract from the agenda “rather than advancing it”* [15]. В данном предложении в объективации образа конфликта участвует метафора *are flirting with trade war* со значением «играют в игры, которые могут привести к торговой войне». Проиллюстрируем ещё один фрагмент: *Mr Obstfeld said the upswing that started in 2016 was becoming “broader and stronger” although he cautioned that trade risks might already be taking a toll* [15]. По мнению Мориса Обстфельда, с 2016 года в экономике наблюдался подъём. Однако развитие мысли о том, что торговые риски могли уже нанести тяжёлый удар, ещё раз подчёркивает возможность возникновения торговой войны. В следующем предложении и подтверждается вышесказанное: *“The first shots in a potential trade war have now been fired”, he said* [15].

В анализируемом фрагменте посредством лексем *the first shots* (первые выстрелы) торговая война метафорично сравнивается с вооружёнными действиями. Можно, таким образом, сделать вывод о том, что в рассмотренном медиатексте концепт *conflict* сужается до торговых войн.

При интерпретации результатов моделирования конфликта важно также принимать в расчёт вербальное окружение, на фоне которого он разворачивается. Так, в медиатексте была установлена взаимосвязь между конфликтом и кризисом. Подчеркнём, что когнитивное моделирование концепта *crisis* осуществляется как посредством ключевой лексемы *crisis*, встречающейся на страницах финансово-экономического издания три раза, так и посредством лексем, которые обнаруживают его присутствие на подтекстовом уровне. Рассмотрим следующий фрагмент: *But it estimated that by the end of 2018, advanced economies would run out of slack to maintain high growth rates without rising inflation* [15]. В данном предложении привлекает внимание лексема *rising inflation* (рост инфляции), указывающая на кризис. Вместе с тем, мнение о том, что к концу 2018 года страны с развитой экономикой не смогут поддерживать высокие темпы роста без роста инфляции, подчёркивает неизбежность возникновения кризиса. Аналогичная связь с концептом *crisis* наблюдается в другом предложении: *After that, growth rates would drop back below pre-crisis levels despite the recent better productivity performance* [15]. В примере с лексемой *pre-crisis* высказывается мнение о том, что после увеличения инфляции показатели роста экономики будут меньше, чем в докризисный период. Интересен также и ещё один участок медиатекста с лексемой *pre-crisis*: *will make it hard to return to the pre-crisis pace* [15]. В приведённом примере высказывается противоположная предыдущей точка зрения: в странах с развитой экономикой демографическое старение и снижение совокупной факторной производительности затруднит возврат к докризисным темпам роста доходов населения. В следующем фрагменте устанавливаемая связь концептов *conflict* и *crisis* актуализирована более очевидно: *The fund urged countries to work domestically on policies to improve growth rates to sustain their society as population ageing takes hold in the next decade and work together to minimise risks that local problems spill over into a global crisis* [15]. Отметим тот факт, что хотя в приведённом примере отсутствует ключевая лексема *conflict*, а также лексемы дальней

и ближней периферии концепта, вербализация конфликта осуществляется на уровне подтекста. Из вышесказанного следует, что если не устранить проблемы внутри страны (в том числе, и проблемы, связанные с конфликтом), то они могут перерасти в мировой кризис.

Примечательной чертой второго медиатекста *“Is the next financial crisis already brewing?”* [16] является тревожная атмосфера, которая нагнетается, начиная уже с заголовка медиатекста. Негативная коннотация в медиатексте продуцируется метафорическим использованием глагола *brew* в форме длительного настоящего времени со значением «назреть» – *if an unpleasant situation, you feel that it is about to happen* [13]. Поскольку в данном медиатексте не отмечено ни одного случая употребления ключевой лексемы *conflict*, при моделировании концепта целесообразно опираться на его ближнюю периферию, представленную такими единицами, как *a full-scale trade war, a trade war, trade frictions, frictions, deeper rivalry, the risk of “flash crashes”*. Интересно заметить, что выделенные сочетания могут быть приравнены к определению конфликта в толковых словарях, в частности, *a trade war, trade frictions* соотносится с *fighting, a deeper rivalry* – с *disagreement*. За счёт частотного использования военной лексики конфликт в данном медиатексте ассоциируется с войной.

Помимо этого негативная коннотация приносится и метафорическим использованием лексической единицы *storm*: *this perfect storm – an extremely bad situation in which many bad things happen at the same time* [13]. Важно также отметить, что освещение конфликта происходит в условиях нестабильности в экономике, атмосферы неуверенности в завтрашнем дне. Приведём пример, в котором автор использует аллюзию *as clouds gather*, указывая на известное выражение – *as clouds gather before a storm* со значением *“trouble that is going to happen soon”* [13]: *But the correction, including in commodities and fixed, will continue as clouds gather* [16].

Что касается вербальной основы кризиса, то следует отметить, что она представлена ключевой лексемой *the financial crisis*. Употребление определённого артикля указывает на то, что речь идёт об уже известном кризисе. В подтверждение вышесказанному приведём пример: *As we mark the tenth anniversary of the global financial crisis ...* [16]. В данном предложении автор ссылается на мировой финансовый кризис, начавшийся в 2008 году. В медиатексте кризис

концептуализируется как инфляция, чрезмерная долговая нагрузка: *higher inflation, increase inflation, over-capacity and excessive leverage*. В ближней периферии концепта *crisis* отмечается словарная группа «препятствие»: *bottleneck, fiscal drag*. К его дальней периферии относятся метафорические единицы, объективирующие концепт. Например, в медиатексте выход из кризиса сравнивается с выздоровлением: *Europe remains on a recovery path* [16]. В другом фрагменте автор использует лексему *postmortems* (посмертные фотографии), указывая таким образом на то, что кризис прекратил своё существование, и сейчас возможно лишь извлечь определённые уроки, понять причины кризиса и его последствия: *there have been plenty of postmortems examining its causes, its consequences and whether the necessary lessons have been learnt* [16].

При построении моделей событийных концептов *conflict* и *crisis*, а также установлении их взаимодействия в медиатекстах следует принять во внимание значительное преобладание лексики, отражающей замедление роста и упадок в экономической сфере: *a slowdown, deficit, slack, global weakness* [15]; *weaker commodity prices, to slow growth, increase inflation, will stymie the adoption of investments, to deal with over-capacity and excessive leverage, returning to unconventional monetary policies may be thwarted, curbs on foreign direct investments* [16].

С учётом динамичности экономической ситуации в статье было осуществлено построение некоторой части модели концепта *conflict*, взаимодействующей с моделью концепта *crisis* (рис.1).

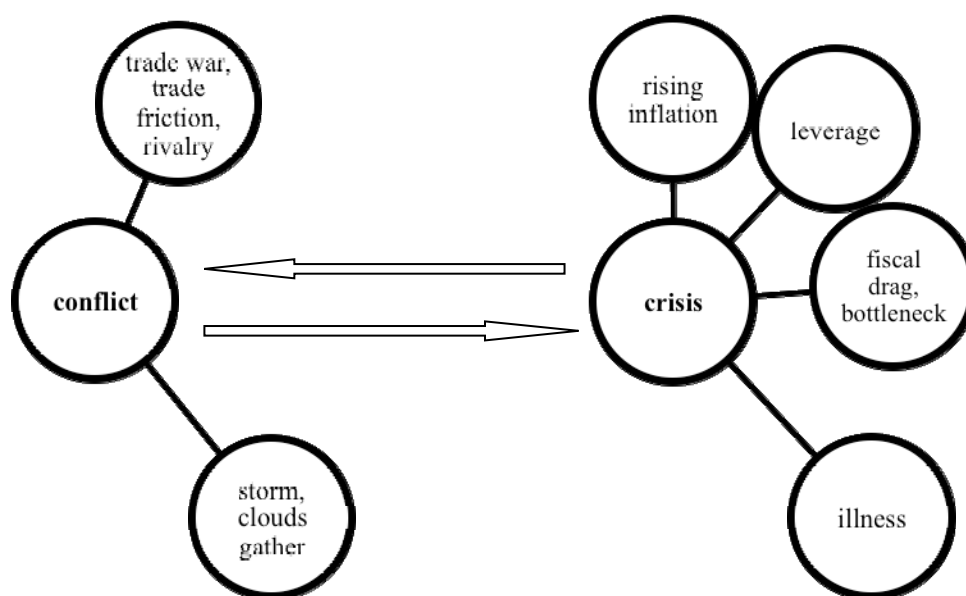

Рисунок 1 – Взаимодействие моделей концептов *conflict* и *crisis*.

Из вышесказанного следует, что в сознании носителей английского языка модели изучаемых концептов формируются сложным объёмом знаний и конкретизируются через когнитивные структуры концептов. Последние выступают в качестве языка описания процесса когнитивного моделирования. Таким образом, в исследуемых экономических медиатекстах модель концепта *conflict* представлена двумя семантическими блоками (конфликт – торговая война, конфликт – шторм) и связана с ядром концепта, представленного лексемой *conflict*. Ближняя периферия концепта *conflict* имеет вербальную репрезентацию в виде лексем и их сочетаний *trade war, trade friction, rivalry*, а дальняя периферия актуализи-

руется как *storm, as clouds gather*. В свою очередь, в когнитивной модели концепта *crisis* выделяются четыре семантических блока (кризис – инфляция, кризис – выплата долговой нагрузки, кризис – финансовый тормоз, кризис – ухудшение здоровья), которые также связаны с ядром концепта, формирующим его единую структуру. В составе ближней периферии концепта *crisis* актуализируются следующие контекстуальные оттенки исследуемого концепта: *rising inflation, leverage, bottleneck, fiscal drag*, а дальняя периферия включает в себя лексемы, репрезентирующие болезнь.

По результатам исследования взаимодействия концептов *conflict* и *crisis* были выявле-

ны следующие моменты. Как показал анализ, взаимодействие проявляется, прежде всего, в их взаимораскрытии, при котором вербальная основа одного концепта указывает на наличие другого. Установлено, что в экономических медиатекстах модели концептов *conflict* и *crisis* могут соотноситься следующим образом: с одной стороны, развитие конфликта может привести к возникновению кризиса, а с другой стороны, конфликт, по сути, является результирующим процессом кризиса. Словарные дефиниции также подтверждают идею о том, что, несмотря на синонимическую связь лексем *conflict* и *crisis*, при вербализации соответствующих концептов они не могут рассматриваться как тождественные. Исследование экономического конфликта и кризиса сквозь призму концептов позволило выявить, что общее содержание модели конфликта

сводится к торговым войнам, а комментирование кризиса практически полностью совпадает с зафиксированным в толковом словаре общеупотребительным значением лексемы *crisis*. В двух медиатекстах вербальная основа кризиса представлена лексемой *inflation*. Заслуживает быть отмеченным тот факт, что актуализация концептов происходит на уровне как прямых, так и переносных номинаций, о чём свидетельствует разнообразие языковых средств, формирующих ближнюю периферию, а также использование метафор, организующих дальнюю периферию концептов. Когнитивное моделирование позволило также раскрыть то, как при обсуждении сложных проблем экономического конфликта и кризиса происходит наполнение медиатекста негативно окрашенной лексикой, формирующей разные слои исследуемых концептов.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. Изд. 2-е, стер. 123 с.
2. Гуслякова А.В. Теоретические основы моделирования медиадискурса: монография. М.: Изд-во РУДН, 2014. 182 с.
3. Кинякин В.Н., Задохина Н.В. Моделирование как метод научных исследований // Вестник Московского университета МВД России, 2015. № 8. С. 275–277.
4. Конфликты и кризисы. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://textbooks.studio/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/konfliktyi-krizisyi.html> (Дата доступа 29 января 2019 г.)
5. Крючкова Н.В. Взаимодействие концептов как основа их варьирования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 10 (34). С. 21–25.
6. Лагутина А.А. Экологические концепты в аспекте их взаимодействия с концептами Drama и Katastrophe в немецкой языковой картине мира // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2016. № 5 (107). С. 49–51.
7. Поветкина Ю.В. Моделирование как метод лингвистического исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2012. № 6. С. 132–136.
8. Противоречие, кризис, конфликт в МО. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://textbooks.studio/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/protivorechie-krizis-konflikt.html> (Дата доступа 29 января 2019 г.)
9. Суралева Е.Н. Использование методов когнитивного моделирования в исследовании этнокультурных концептов (на примере концепта 'mobilitat') // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2013. № 2. С. 65–71.
10. Уткина Т.И. Метафорическое моделирование концепта «Наличные деньги» в экономическом дискурсе // Филология и культура, 2015. №4 (42). С. 157–163.
11. Шнякина Н.Ю. Этапы моделирования событийного концепта (на примере вербализованной ситуации познания запаха) // Современные проблемы науки и образования, 2015. № 2. С. 434.
12. Экономическая конфликтология. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://econconf.blogspot.com/2014/01/8.html> (Дата доступа 29 января 2019 г.)
13. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (Дата доступа 13 января 2019 г.)
14. Collins English Dictionary [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/submission/search/2/83> (Дата доступа 13 января 2019 г.)
15. IMF warns global economic growth will slow by 2020. The Financial Times, April 17, 2018. Available at: <https://www.ft.com/content/c5718efa-4218-11e8-93cf-67ac3a6482fd> (Дата доступа 14 января 2019 г.)
16. Is the next financial crisis already brewing? // The Financial Times, September 11, 2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/58d1ce9c-b5a2-11e8-bbc3-ccd7de085ffe> (Дата доступа 14 января 2019 г.)
17. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ldoceonline.com/> (Дата доступа 13 января 2019 г.)
18. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.macmillandictionary.com/> (Дата доступа 13 января 2019 г.)

19. Pullum Geoffrey K. The evolution of model-theoretic frameworks in linguistics // In James Rogers & Stephen Kepser (eds.), Model-Theoretic Syntax at 10. Proceedings of the MTS@10 workshop, August 13–17, organized as part of ESSLI 2007, the European Summer School on Logic, Language and Information, Dublin, Ireland : Trinity College Dublin, 2007. pp. 1–10.
20. Rotgé W. Model/Models in linguistics, 2002. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://journals.openedition.org/asp/1574> (Дата доступа 14 января 2019 г.)

Сведения об авторе:

Трemasкина Олеся Александровна – аспирант кафедры английской филологии, факультет иностранных языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Россия, Саранск). Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, медиалингвистика. E-mail: trollking@mail.ru.

COGNITIVE MODELLING OF CONCEPTS “CONFLICT” AND “CRISIS” FROM THE VIEWPOINT OF THEIR INTERACTION IN ENGLISH ECONOMIC MEDIA DISCOURSE

Olesya A. Tremaskina

Ogarev Mordovia State University,
68/1 Bolshevistskaya, Saransk 430005, Russia

Abstract: *The article deals with the interaction between the “conflict” and “crisis” event concepts in the cognitive modelling process. The developed modelling procedure is focused on the analysis of “conflict” and “crisis” lexical units represented in the lexicographic sources and economic media texts’ fragments of “The Financial Times” dated 2018. According to the main trend expounded by Russian and foreign researchers, the cognitive modelling scheme is based on a conceptual analysis. The “conflict” and “crisis” concepts’ verbal representations reflect their referential properties in the economic media text in accordance with its covered topic. The “conflict” and “crisis” cognitive models are specified through the structure of the concepts by means of cognitive criterion located in its core, close and far periphery. The study of economic media texts suggests that lexical units with negative connotations are the explicit identifiers of the “conflict” and “crisis” concepts. It is stated that the “conflict” and “crisis” concepts’ interaction is characterised by the whole range of parameters. In media texts the content of the concept “conflict” narrows to the trade wars. The concept “crisis” acquires the common meaning of the lexical unit “crisis”. The article is addressed to linguists interested in the cognitive language research.*

Key Words: *cognitive modelling, economic media discourse, interaction, event concept, conflict, crisis, verbalisation.*

References

1. Boldirev N.N. Kognitivnaya semantika: Kurs lektsiy po angliiskoy filologii [Cognitive semantics: A course of lectures on English philology]. Tambov: Tambov University, 2001. 2nd ed, ster. 123 p.
2. Guslyakova A.V. Teoreticheskie osnovy modelirovaniya mediadiskursa: monografiya [Theoretical Foundations of Media Discourse Modeling: monograph]. M. : RUDN Publ., 2014. 182 p.
3. Kinyakin V.N., Zadohina N.V. Modelirovanie kak metod nauchnykh issledovaniy [Modelling as a research method]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015. no 8. pp. 275–277.
4. Conflicts and crises. Available at: <https://textbooks.studio/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/konfliktyi-krizisyi.html> (accessed 29 January 2019).

5. Kryuchkova N.V. Vzaimodeistvie kontseptov kak osnova ikh var'irovaniia [Interaction of concepts as the basis for their variation]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University], 2008. no 10 (34). pp. 21–25.
6. Lagutina A.A. Ekologicheskie kontsepty v aspekte ikh vzaimodeistviia s kontseptami Drama i Katastropha v nemetskoj iazykovo kartine mira [Environmental concepts in the aspect of their interaction with the concepts Drama and Katastrophe in the German linguistic picture of the world]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia* [Almanac of modern science and education]. Tambov: Gramota, 2016. no 5 (107). pp. 49–51.
7. Povetkina YU.V. Modelirovanie kak metod lingvisticheskogo issledovaniia [Modelling as method of linguistic research]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Topics of theory and practice.], 2012. no 6. pp. 132–136.
8. Contradiction, crisis, conflict in International Relations. Available at: <https://textbooks.studio/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/protivorechie-krisis-konflikt.html> (accessed 29 January 2019).
9. Suraleva E.N. Ispol'zovanie metodov kognitivnogo modelirovaniia v issledovanii etnokul'turnykh kontseptov (na primere kontsepta 'mobilitat') [Methods of cognitive modelling in ethnocultural concepts research: case study of the concept 'mobilitat']. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2013. no 2, pp. 65–71.
10. Utkina T.I. Metaforicheskoe modelirovanie kontsepta «Nalichnye den'gi» v ekonomicheskom diskurse [Metaphorical modelling of the concept "Cash" in the economic discourse] *Filologiya i kul'tura* [Philology and culture], 2015. no 4 (42). pp. 157–163.
11. Shnyakina N.YU. Etapy modelirovaniia sobytiynogo kontsepta (na primere verbalizovannoy situatsii poznaniia zapakha) [Modeling stages of event-concept (case study of verbalized smell cognition situation)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia* [Modern issues of science and education], 2015. no 2. pp. 434.
12. Economic Conflictology. Available at: <http://econconf.blogspot.com/2014/01/8.html> (accessed 29 January 2019).
13. Cambridge dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (accessed 13 January 2019).
14. Collins English dictionary. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/submission/search/2/83> (accessed 13 January 2019).
15. IMF warns global economic growth will slow by 2020. *The Financial Times*, April 17, 2018. Available at: <https://www.ft.com/content/c5718efa-4218-11e8-93cf-67ac3a6482fd> (accessed 14 January 2019).
16. Is the next financial crisis already brewing? *The Financial Times*, September 11, 2018. Available at: <https://www.ft.com/content/58d1ce9c-b5a2-11e8-bbc3-ccd7de085ffe> (accessed 14 January 2019).
17. Longman Dictionary of Contemporary English. Available at: <https://www.ldoceonline.com/> (accessed 13 January 2019).
18. Macmillan Dictionary. Available at: <https://www.macmillandictionary.com/> (accessed 13 January 2019).
19. Pullum Geoffrey K. The evolution of model-theoretic frameworks in linguistics. In James Rogers & Stephen Kepser (eds.), *Model-Theoretic Syntax at 10. Proceedings of the MTS@10 workshop, August 13–17, organized as part of ESSLLI 2007, the European Summer School on Logic, Language and Information, Dublin, Ireland: Trinity College Dublin, 2007*. pp. 1–10.
20. Rotgé W. Model/Models in linguistics, 2002. Available at: <https://journals.openedition.org/asp/1574> (accessed 14 January 2019).

About the author:

Olesya A. Tremaskina – Postgraduate Student of the English Philology Chair, Foreign Languages Department, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Spheres of research and professional interests: cognitive linguistics, media linguistics. E-mail: trollking@mail.ru.

* * *

LOCUCIONES ESTABLES CON NUMERALES CARDINALES EN EL LENGUAJE DE LA PRENSA

N. Mijeeva

La Universidad de relaciones internacionales de Moscú (la Universidad de MGIMO),
119454, Rusia, Moscú, av/ Vernadskogo, 76

En el español actual funciona una serie de locuciones estables que contienen un cuantificador numeral y se emplean frecuentemente en el lenguaje periodístico. Estas locuciones forman parte de los medios lingüísticos expresivos y sirven para alcanzar los objetivos derivados de las funciones de los medios de comunicación. El objetivo del presente artículo es analizar locuciones con numerales cardinales, clasificarlas según varios criterios, determinar las esferas periodísticas en que se usan. Las locuciones con numerales cardinales son más numerosas en comparación con las con numerales ordinales, las locuciones con múltiplos, partitivos o fraccionarios e incluyen las locuciones estables tanto con los números bajos de la escala numérica del cero al ocho, como los números altos el cien(to), mil, millón.

Para los fines del artículo las locuciones con numerales cardinales se dividen en dos grupos: las locuciones invariables, cuyo numeral cardinal es fijo, y las locuciones variables, el numeral cardinal de las cuales cambia, tiene algunas variaciones numéricas.

En el artículo se aducen las clasificaciones de las locuciones con numerales cardinales desde el punto de vista gramatical, según el aspecto semántico, su composición, se analiza su empleo en los campos característicos para el lenguaje periodístico. Las locuciones con numerales cardinales forman parte del caudal fraseológico de la lengua española en general y del lenguaje de la prensa en particular.

Palabras clave: *locuciones con numerales cardinales, locuciones invariables / variables, número, lenguaje periodístico, medios de comunicación, valor cultural, unidades fraseológicas, discurso político.*

El periódico sigue siendo uno de los principales medios de comunicación que son el principal canal de difusión de información. El periódico sirve para reflejar la actualidad en que vive la sociedad moderna y enfocar los problemas a que se enfrenta. Los medios de comunicación representan “el cuarto poder” porque se dedican a formar la opinión pública, interpretando la información que difunden, valores morales y materiales, a influir en la política, economía, cultura y otras esferas de la vida humana, cumpliendo de este modo su función de persuasión y de propaganda. Los medios de comunicación, considerándose fuentes de información objetivas e imparciales, manipulan la conciencia humana para alcanzar sus objetivos distintos en cada caso [3].

En los textos periodísticos se puede tratar de conversaciones y acuerdos políticos, de problemas económicos y medioambientales, de temas jurídicos, de deportes y eventos culturales o sea en ellos se combinan diferentes lenguajes que reflejan las peculiaridades de la realidad de una u otra sociedad y conforman de esta manera el carácter híbrido del lenguaje de la prensa [16]. Es decir, en los textos periodísticos se utiliza el lenguaje que caracteriza distintas esferas especializadas de la vida social (política, economía, cultura, ciencia, etc.).

Las características del lenguaje periodístico son concisión, claridad, especial disposición del contenido para llamar la atención del lector, objetividad (aunque se sabe que la objetividad pura no puede existir en los medios de comunicación), corrección de los usos del lenguaje de la prensa [16].

Para realizar la función de persuasión o de propaganda en el lenguaje periodístico, además de muchos otros recursos, se utilizan los medios lingüísticos expresivos a los cuales se refieren los medios fraseológicos que tienen el carácter metafórico y emotivo y hacen la exposición del contenido más expresiva y elocuente, contribuyen a que el habla sea más concisa, breve, enérgica lo que le permite al au-

tor expresar más exactamente sus ideas y convencer al público.

“El término fraseología recubre no solo las locuciones en sentido propio, sino todas las combinaciones de palabras que, en su práctica del idioma, no son formadas libremente por el hablante, sino que se le dan ya prefabricadas, como “paquetes” que tienen en la lengua un valor propio establecido por el uso tradicional” [18, p. XIII], por eso locuciones estables a menudo disponen de una estructura complicada puesto que contienen algunos componentes que tienen el significado único y sirven para caracterizar objetos, indicios o acciones desde el punto de vista emotivo y metafórico. Los medios fraseológicos reflejan la vida de la sociedad, su cultura, valores, sabiduría popular, encierran la información sobre el mundo, de un país concreto, su historia, geografía, la vida de sus habitantes.

Los medios lingüísticos abarcan muchas unidades fraseológicas cuya definición y clasificación provoca numerosas discusiones hasta hoy día, entre las cuales figuran locuciones que representan “agrupaciones más o menos fijas de palabras; conjuntos que tienen su función gramatical (nombre, pronombre, adjetivo, verbo, adverbio, preposición, etc.) como la tienen las palabras individuales; y también, como si fuesen palabras individuales, tienen un valor estable propio. Este valor no es la suma de sus componentes” [18, p. XII]. En el presente estudio nos limitamos al análisis de unas locuciones españolas compuestas con un numeral cardinal que se emplean a menudo en el lenguaje periodístico. El objetivo de este artículo consiste en reunir locuciones con numerales cardinales, clasificarlas de acuerdo con distintos criterios, determinar los campos periodísticos en que se emplean. Para cumplir estas tareas nos valíamos de los datos del Diccionario fraseológico documentado del español actual y las fuentes de la prensa en español. El trabajo se realiza en el marco de la investigación del lenguaje de la prensa y sus peculiaridades por ser un fenómeno actual e importante en la vida moderna de la sociedad. Los materiales y los resultados del estudio realizado pueden utilizarse en tales disciplinas, como lingüística cultural, comunicación intercultural, estilística, teoría y práctica de la traducción y otras más. Algunas conclusiones pueden aplicarse en las clases prácticas del español y en las investigaciones posteriores del lenguaje de la prensa en español.

El número es uno de los componentes más importantes de la imagen lingüística. Los lingüistas consideran el número como “una denominación abstracta, privada de un contenido especial, de al-

gún miembro de una serie en la que algún otro miembro sigue o precede a este miembro; un indicio abstracto individual, que distingue un conjunto numérico de otro de la misma especie” [4, p. 62]. En la lengua la cantidad de los objetos y el orden de su sucesión se designan por los numerales. El número puede utilizarse no solo en su sentido directo sino también tener el sentido mágico o fuerza sagrada lo que permite atribuir algunas características cualitativas a las cosas. El número desempeñaba un papel muy importante en ceremonias rituales y del culto, en los textos folclóricos y de la literatura antigua. El número también se emplea con mucha frecuencia en las unidades fraseológicas españolas en las que además de designar alguna cantidad, obtiene otras acepciones culturales [2].

En el español funciona una serie de locuciones estables que contienen un cuantificador numeral. Las locuciones con numerales cardinales son las más numerosas y se utilizan ampliamente en los medios de comunicación. Después siguen las con numerales ordinales, las locuciones con múltiplos, partitivos o fraccionarios son bastante escasas [12]. Basándose en la variabilidad y estabilidad de un cuantificador numeral que forma parte de las locuciones estables empleadas en el lenguaje periodístico, se puede dividir las en dos grupos. El primer grupo lo componen *las locuciones invariables*, cuyo numeral cardinal no cambia, siempre es más o menos fijo; el segundo grupo abarca *las locuciones variables*, cuyo numeral cardinal cambia, tiene algunas variantes numéricas. Ambos grupos los constituyen las locuciones con los números bajos de la escala numérica que son *cero*, *uno*, *dos*, *tres*, *cuatro*, por un lado, y, por otro, los números altos *cien(to)*, *mil*, *millón* [12]. Algunas locuciones del primer grupo pueden tener dos o más numerales cardinales.

En el lenguaje de la prensa en español se emplean algunas locuciones estables cuyo componente es el numeral *cero*, por ejemplo: *(ser) un cero a la izquierda* (alguien inútil o que no es tenido en consideración), *reducir (bajar, llegar, poner) a cero* (hacer que no exista ninguna cantidad de alguna cosa, nada), *al cero* (cortar el pelo hasta la raíz), *partir de cero*, *desde cero* (empezar algo desde el principio, o sin contar con ninguna base material o moral), *punto cero* (el lugar del que se parte, o que se toma como base o referencia), *tolerancia cero* (la falta de tolerancia). El significado común de todas estas expresiones es ausencia total de algo.

Muchas locuciones que se usan en el estilo periodístico, contienen el numeral *uno*: *jugárselo todo a una carta* (confiar a un solo recurso la solución de

una dificultad), (*dormir*) *con un ojo cerrado y otro abierto* (tener precaución con las personas o cosas que no inspiran confianza), (*dar*) *una de cal y (una) otra de arena* (la alternancia de algo positivo o agradable con algo negativo o desagradable), *poner una vela a Dios y otra al Diablo* (procurar contemporizar con dos personas u opiniones opuestas), *salir (irse, llegar) con una mano (a)delante y otra atrás (o detrás)* (sin nada de dinero o bienes), *váyase lo uno por lo otro* (una cosa puede ser compensada por otra), *entre uno y otro* (entre los dos), *más solo que la una* (completamente solo), *número uno* (persona o cosa principal o la más importante).

Las locuciones con el cardinal *dos* también es el grupo numeroso que incluye las expresiones siguientes: *jugar a dos bandas*, *jugar a/con dos barajas* (estar de acuerdo con alguien o algo y a la vez con la persona o cosa contraria, no tomar posición clara por una idea o una opinión por intereses personales o por no querer comprometerse), (*estar, quedarse, dejar*) *a dos velas* (sin dinero, sin nada), *parecerse como dos gotas de agua*, *ser (como) dos gotas de agua* (ser iguales o muy semejantes), (*nadar, estar*) *entre dos aguas* (actuar de manera equívoca o sin comprometerse, estar en situación poco definida o poco clara), (*coger, estar, encontrarse*) *entre dos fuegos* (encontrarse en una situación comprometida por estar entre dos adversarios, o entre dos personas o cosas opuestas o más o menos incompatibles), *no tener dos dedos de frente* (no tener un mínimo de inteligencia), *matar dos pájaros de un tiro* (conseguir dos propósitos con una sola acción), *decir dos y dos son cuatro*, *dos y tres son cinco y sus variantes* (expresar sus ideas libremente) y al revés, *decir que dos y dos son cinco* (no gozar de libertad de expresión), *no hay dos sin tres* (cuando algo pasa dos veces, volverá a pasar una tercera vez), (*pegar, sentar*) *como a (un) Cristo con dos pistolas* (muy mal o en forma muy inapropiada), *arma / espada de dos filos* (una cosa, especialmente argumento o procedimiento, que puede ocasionar un resultado opuesto al que se pretende), *los dos patitos* (el número 22), *en dos patadas* (muy rápidamente o en muy poco tiempo), *de dos caras* (una persona o una cosa falsa).

Como vemos, son frecuentes en la prensa las locuciones basadas en la antonimia del numeral *uno* y el pronombre indefinido *otro* y esta dualidad también se revela en las locuciones con el *dos*. Eso significa que en el comportamiento de personas, ciudadanos, agentes políticos o diplomáticos casi siempre existe alguna alternativa.

En el lenguaje periodístico también hay locuciones con el numeral *tres*: *donde Cristo dio las tres*

voces (en un lugar muy remoto), *tres son multitud* (se emplea para limitar el número de personas para conseguir la concordia. Se aplica a los negocios, porque es mejor que haya pocos socios a muchos, o a las parejas cuando aparece una tercera persona), *ni a tres tirones* (de ninguna manera). Muchas locuciones con el *tres* pueden cambiar el cuantificador por otros números lo que no modifica su significado semántico. Tales locuciones vamos a describirlas en adelante, porque pertenecen al segundo grupo de locuciones analizadas.

Entre las locuciones estables con el cardinal *cuatro* figuran las siguientes: *pregonar (proclamar, decir, gritar) a los cuatro vientos* (proclamar de manera que todo el mundo se entere), *decir cuatro verdades* (hablar francamente y sin rebozo, con riesgo de molestar al interlocutor), *a cuatro patas* (apoyando en el suelo las manos y los pies), *cuatro ojos* (una persona con gafas), *por los cuatro costados* (por los cuatro lados; por todas las ramas familiares; por todas partes), *entre cuatro paredes* (sin salir de casa o sin trato con la gente), (*haber*) *cuatro gatos* (muy poca gente).

Las locuciones con el numeral *cinco* empleadas en el periódico no son tan numerosas: *chocar (dar) los cinco* (dar la mano como felicitación o saludo), *choca (vengan) esos cinco* (se usa para manifestar el deseo de felicitar o saludar al interlocutor dándole la mano), (*no tener*) *ni cinco, sin cinco, ni cinco partidos por la mitad* (no tener nada de dinero), (*de*) *cinco estrellas* (de máxima categoría, referido a hotel, y a otras cosas).

Con el número *seis* casi no hay locuciones estables que se utilicen en el lenguaje periodístico menos una que es *ahorcar el seis doble*, se refiere al juego de dominó, a la situación cuando alguno de los jugadores tire el último de los seis y le queda solo por tirar el seis doble. En este caso se dice que ha *ahorcado* o *matado* el seis doble. El jugador que lo tenga no podrá ya ganar la ronda. En el sentido figurado esta expresión se usa en el contexto político cuando, por ejemplo, un rival gana o deja atrás al otro o bloquea su actividad de algún modo.

En el lenguaje de la prensa no hay muchas expresiones con el numeral *siete*, *son (poner, guardar, mantener) bajo siete llaves* (muy guardado o custodiado), *tener siete vidas como los gatos (o como un gato)* (salir siempre con bien de los peligros más graves), *de siete suelas* (antiguamente *de tres, cuatro*) (equivale a «fuerte, sólido» ya que alude a la fortaleza que debería de tener un calzado hecho con una base de siete suelas, ahora se usa con intención despectiva).

En la lengua española también hay algunas locuciones con el numeral *ocho*: *dar (ser) lo mismo*

ocho que ochenta (dar lo mismo una cosa que otra), (*ser*) *más chulo que un ocho* (sumamente chulo (jactancioso o desafiante)), *que+nombre+ni qué ocho cuartos* (manifiesta rechazo vehemente hacia lo expresado en el nombre, que generalmente se acaba de mencionar).

Los números después de *diez* se utilizan con mucho menos frecuencia en el lenguaje de la prensa: *meterse en camisa de once varas* (inmiscuirse en un asunto que no le incumbe a uno), *dar las doce* (significa que el reloj marca las doce lo que equivale al mediodía o a la medianoche), *mantenerse (seguir u otros equivalentes) en sus trece* (en la misma actitud u opinión ya manifestada), *quince días* (dos semanas), *veinticuatro horas* (el periodo de 24 horas lo que equivale al día o la jornada), *venderle a uno por treinta monedas de plata* (traicionar a alguien, vender por alguna suma).

Los números altos tales como *cien(to)*, *ciento ochenta*, *trescientos sesenta*, *mil*, *cien mil* también se emplean bastante frecuentemente en los medios de comunicación: *andar (estar) con cien ojos* (andar o estar con atención o cuidado), *ciento por ciento*, *cien por cien*, *cien por ciento* (expresan la totalidad o integridad de algo), *el / los ciento y la madre* (la gran cantidad de personas o animales), *a cientos* (en gran número), *un (el) giro de 180 grados* (dar un giro drástico a la vida; partiendo de la dirección inicial, 0 grados), *un (el) giro de 360 grados* (un giro más radical por aumentar la cifra de los grados. En realidad, 360 grados es igual que un giro de 0 grado, es decir que no hay ningún cambio), *hacer(se) mil pedazos*, *romper(se) (saltar, estallar) en (mil) pedazos* (destrozar(se) totalmente en sentido físico o moral), *de mil maravillas* (maravilloso, excelente, muy bueno), *mil gracias* (expresa agradecimiento). Las locuciones *de (los) mil demonios* ("terrible"), *como los mil demonios* ("mucho") también se emplean muy a menudo en el lenguaje periodístico para dar más expresión a los hechos políticos, económicos, sociales, culturales. El numeral *millón* no se emplea mucho en el lenguaje periodístico, pero es posible encontrarlo, por ejemplo, en la expresión *la pregunta del millón (de dólares)* que es la pregunta más difícil de contestar. He aquí el ejemplo de una locución con el numeral cardinal del primer grupo: El vicepresidente venezolano, Ramón Carrizales, *siguió en sus trece*, que era presionar a sus vecinos colombianos e ignorar sus peticiones [8].

El segundo grupo lo integran las locuciones cuyo numeral puede variar y el cambio del cuantificador no afecta al significado semántico de una locución. La formación de estas variantes léxicas tiene lugar

en caso de que los números tengan valor simbólico o hiperbólico. A este grupo se refieren las locuciones siguientes: *dejar (quedarse) con un palmo / dos / tres palmos de narices* (quedarse o dejar a alguien, en ridículo o frustrado en lo que esperaba lograr), *de dos / tres pares de narices* (extraordinario o sumamente grande), *buscar(le) tres / cinco pies al gato* (meterse en complicaciones inútiles o peligrosas), (*comer*) *a dos / tres / cuatro carrillos* (disfrutar simultáneamente de dos o más empleos lucrativos), *a dos / tres bandas* (interviniendo dos (tres, etc.) partes o elementos en algo), *importar (valer) un pepino / tres pepinos*, *importar un pito / tres pitos* (no importar(le a uno) en absoluto), *dar (pegar) un grito / cuatro gritos* (hablar en tono enérgico, frecuentemente para reprender o protestar), *dar (pegar) un tiro / dos / cuatro tiros* (matarle a alguien disparando contra él), *soltar (decir) una fresca / dos / tres / cuatro frescas (a alguien)* (decir(le a alguien) una expresión descarada e insolente (o varias)), *un gato de (las) siete / nueve colas* (un látigo con numerosas correas o cuerdas), *dar ciento / quince y raya a alguien o algo* (superar(lo) en mucho en alguna actividad), *estar al cien por cien / al mil por mil* (en un estado o una forma física o moral perfecta), *ir a cien / mil por hora* (ir a una velocidad muy alta).

En la lengua española hay muchas expresiones que transmiten la idea de una cantidad pequeña de algo: *echar una gota*, *caer dos / cuatro gotas* (una mínima cantidad (de un líquido), de algo, nada), y las locuciones que contienen la unidad léxica *vez* y expresan la repetición reiterada de la acción enunciada por el verbo y en las cuales también se puede ver algunas variantes de los numerales cardinales, por ejemplo: *una y otra vez*, *dos / cien / veinte / cincuenta / mil / cien mil / una y mil veces* (más raro *una y cien veces o mil y una veces*), *un millón de veces* que significan "muchas veces".

El dinero tiene mucha importancia en la vida humana y eso es lo que siempre falta, por eso en la lengua también hay muchas locuciones que transmiten la idea de la escasez o falta del dinero. Las unidades léxicas *un duro / dos / cuatro duros*, *un real / dos reales* significan una cantidad mínima o insignificante de dinero y se emplea normalmente en construcciones negativas de intención ponderativa como *no tener un duro*, *sin un duro*; *no tener (no valer) un real / dos reales*, *sin un real* y otras más. El mismo significado lo tienen las locuciones estables antes mencionadas: *estar (quedarse, dejar) a dos velas*; *ni cinco*, *ni cinco partidos por la mitad*, *no tener ni cinco*, *sin cinco*. Las unidades léxicas mencionadas también se emplean en las construcciones que tienen la acepción positiva de hacer algo pagando poco o nada.

Las expresiones que designan alguna distancia también son frecuentes en el lenguaje periodístico, por ejemplo, *(a) un paso / dos pasos (de), (a) un palmo / dos palmos (de)* ((a) una distancia muy corta o (a) muy corta distancia en el tiempo); *en dos / tres / cuatro zancadas* (en un breve espacio de caminar a pie).

En el español existen otras locuciones que expresan algún periodo de tiempo: *un año / cien / mil años* (se usan para demostrar tiempo indeterminado o dilatado), *un minuto / dos / cinco minutos* (denotan una porción muy breve de tiempo), *quedar un telediario / dos / tres telediaros* (quedar muy poco tiempo para algo). Aducimos el ejemplo de una locución con el numeral cardinal del segundo grupo: Trípoli, 12 dic (EFE).- Seis años después del derrocamiento de Muamar al Gadafi, la violencia y la división política se han agudizado en Libia, país que vive a dos pasos de la paz y a solo uno de la guerra, pese al esfuerzo de la ONU [14].

En el español predominan los números bajos de la escala numérica entre el *cero* y el *cinco*. Eso se debe a las causas pragmáticas y extralingüísticas: las cifras bajas se usan con más frecuencia en la vida social, corresponden a las partes del cuerpo humano, muchos animales u objetos (dos piernas, dos brazos, dos ojos, cuatro patas, etc.) y representan símbolos culturales. El numeral *uno* es el más frecuente en las locuciones españolas, después siguen el *dos* y el *cuatro*. Hay pocas locuciones con el *seis*, el *ocho* o *nueve*, (los cardinales *siete* y *ocho* contienen valores culturales al referirse a hechos históricos, folclóricos, etc. [12]) y con los cardinales entre *diez* y *veinte* solo hay locuciones con el *once*, *doce*, *trece*, *quince* y *veinte*. No se forman locuciones con el *catorce* ni con el *diez* (dieciséis, diecisiete...). Después del *veinte* y hasta el *ciento* aparecen locuciones esporádicas con el *veinticuatro* o *veinticinco* o el *cuarenta*. Pero no todas estas locuciones figuran en el lenguaje periodístico.

El valor cultural simbólico se revela en las locuciones en las que el cardinal significa “poco” o “mucho”. El valor “poco” está representado por los números entre el *uno* y el *cuatro*. En este caso el numeral se combina con tales sustantivos como *gotas*, *gatos*, *pasos*, *duro*, etc. y se emplea en las expresiones que designan *distancia*, *dinero*, *tiempo*, *cantidad* de algo. El valor “mucho” se asocia con los números altos en la escala numérica y se refleja en las locuciones con los cardinales *cien(to)*, *mil*, *cien mil*, *millón*.

Dadas las observaciones sobre las locuciones variables e invariables que se emplean en el lenguaje de la prensa en español, se puede llegar a las conclusiones siguientes. Según el criterio gramatical en que

se basa la clasificación de las unidades fraseológicas propuesta por J. Caseres [6] en el lenguaje periodístico predominan:

1. Las locuciones verbales, tales como *jugársele todo a una carta*, *parecerse como dos gotas de agua*, *decir cuatro verdades*, *tener siete vidas como los gatos*, *meterse en camisa de once varas*, *romperse en mil pedazos*, *buscar tres / cinco pies al gato*, *importar un pepino / tres pepinos*, *decir una fresca / dos / tres frescas* y otras más.

2. Es numeroso también el grupo de locuciones adverbiales: *al cero*, *con un ojo cerrado y otro abierto*, *entre dos aguas*, *donde Cristo dio las tres voces*, *a cuatro patas*, *bajo siete llaves*, *de dos / tres pares de narices*, *a dos / tres bandas*, *en dos / tres / cuatro zancadas* y algunas más.

3. El español cuenta con un gran número de locuciones nominales: *un cero a la izquierda*, *número uno*, *arma de dos filos*, *cuatro ojos*, *el seis doble*, *quince días*, *un giro de 180 grados*, *la pregunta del millón*, *dos gotas*, *un duro*, *cien años*, etc.

4. El grupo de locuciones adjetivas lo forman las locuciones *más solo que la una*, *de dos caras*, *de cinco estrellas*, *de siete suelas*, *más chulo que un ocho*, *de mil demonios*, *de mil maravillas*, no son muchas.

5. Un párrafo aparte lo agrupan las llamadas fórmulas oracionales que, a diferencia de las locuciones, funcionan como oraciones por sí mismas: *váyase lo uno por lo otro*, *no hay dos sin tres*, *tres son multitud*, *choca (vengan) esos cinco*, *que+nombre+ni qué ocho cuartos*.

6. Y hay unos casos casi exclusivos son los de una locución prepositiva: *a un paso de / a dos pasos de* y la interjetiva: *mil gracias*.

En las locuciones analizadas la fijeza de sus componentes a menudo no es absoluta: en algunas locuciones varía el verbo (*pregonar / proclamar / decir / gritar a los cuatro vientos*, *poner / guardar / mantener bajo siete llaves*), en otras, el sustantivo (*a dos bandas / a dos barajas*, *a un paso de / a un palmo de*) o el numeral cardinal (*con un palmo / dos / tres palmos de narices*, *dar un grito / cuatro gritos*).

Como vemos, en el español periodístico se observa la diversidad de locuciones con numerales cardinales desde el punto de vista gramatical.

Según la clasificación semántica de los fraseologismos de V.S. Vinogradov [1] entre las locuciones con numerales cardinales se distinguen:

1. Unidades idiomáticas que tienen la máxima unidad semántica, han perdido por completo su forma interior, su significado común no depende del significado de sus componentes léxicos: *dar una de cal y otra de arena*, *estar a dos velas*, *no tener dos*

dedos de frente, ni cinco partidos por la mitad, mantenerse en sus trece.

2. Unidades fraseológicas que se caracterizan por una unidad semántica menor de sus componentes léxicos. Conservan en parte su forma interior y su significado común está determinado por el significado de sus componentes léxicos. Este grupo es bastante numeroso: *jugárselo todo a una carta, dormir con un ojo cerrado y otro abierto, poner una vela a Dios y otra al Diablo, nadar entre dos aguas, matar dos pájaros de un tiro, estar entre dos fuegos, meterse en camisa de once varas, dejar con dos / tres palmos de narices, andar con cien ojos, buscar tres / cinco pies al gato, arma / espada de dos filos, de dos caras, donde Cristo dio las tres voces, a cuatro patas, por los cuatro costados, cuatro ojos, entre cuatro paredes, de siete suelas y otras.*

3. Grupos analíticofraseológicos que, a diferencia de otros dos grupos, no se perciben como algo íntegro, conservan su forma interior, por eso este drupo de locuciones es el más numeroso. Como regla, se forman de dos componentes léxicos, uno de los cuales conserva su significado directo y el otro tiene el significado figurado: *reducir a cero, (cortar) al cero, partir de cero, ser como dos gotas de agua, decir dos y dos son cuatro, decir cuatro verdades, pregonar a los cuatro vientos, no tener ni cinco, mantener bajo siete llaves, tener siete vidas como los gatos, romperse en mil pedazos, de mil maravillas, la pregunta del millón, soltar una fresca / dos frescas, ir a cien/mil por hora, caer dos / cuatro gotas, dos / cien / mil veces, (a) un paso / dos pasos (de), en dos / tres zancadas, un año / cien / mil años, un minuto / dos / cinco minutos y muchas más.*

Esta clasificación es condicional o aproximada puesto que a menudo cuesta mucho trabajo determinar a qué grupo pertenece una u otra locución.

En los medios de comunicación se utilizan muchas locuciones con numerales en las cuales se emplean tales componentes como los nombres de:

1) personas o seres (a menudo de la esfera religiosa) y todo lo que se refiere a ellos: *poner una vela a Dios y otra al Diablo, como a Cristo con dos pistolas, donde Cristo dio las tres voces, tres son multitud, ciento y la madre, de mil demonios, como los mil demonios, un cero a la izquierda, más solo que la una, más chulo que un ocho, a dos bandas;*

2) animales: *cuatro gatos, buscar tres pies al gato, tener siete vidas como un gato, un gato de colas, matar dos pájaros de un tiro, los dos patitos;*

3) partes del cuerpo humano o del animal: *con un ojo cerrado y otro abierto, estar con cien ojos, cuatro ojos, de dos caras, dejar con un palmo de narices,*

de dos pares de narices, no tener dos dedos de frente, irse con una mano adelante y otra atrás, por los cuatro costados, a cuatro patas;

4) los fenómenos de la naturaleza (líquido, fuego, viento, planta): *ser como dos gotas de agua, echar una gota, caer cuatro gotas, nadar entre dos aguas, estar entre dos fuegos, gritar a los cuatro vientos, importar tres pepinos;*

5) objetos materiales: *jugárselo todo a una carta, jugar con dos barajas, dar una de cal y otra de arena, poner una vela a Dios y otra al Diablo, estar a dos velas, como a Cristo con dos pistolas, arma / espada de dos filos, entre cuatro paredes, ahorcar el seis doble, bajo siete llaves, de siete suelas, meterse en camisa de once varas, vender a uno por treinta monedas de plata, saltar en mil pedazos, a dos carrillos, importar tres pitos, un duro / cuatro duros; un real / dos reales;*

6) objetos no materiales: *punto cero, tolerancia cero, número uno, en dos patadas, ni a tres tirones, donde Cristo dio las tres voces, decir cuatro verdades, quince días, veinticuatro horas, un giro de 360 grados, de mil maravillas, mil gracias, la pregunta del millón, decir dos frescas, dos / cien veces, un paso de, a dos palmos de, en dos zancadas, cien / mil años, un minuto / cinco minutos, un telediario / tres telediaros), cinco estrellas;*

7) numerales cardinales: *poner a cero, cortar al cero, partir de cero, desde cero, váyase lo uno por lo otro, entre uno y otro, más solo que la una, decir dos y dos son cuatro, dos y tres son cinco, no hay dos sin tres, chocar los cinco, dar lo mismo ocho que ochenta, que+nombre+ni qué ocho cuartos, dar las doce, seguir en sus trece, cien por ciento, a cientos, dar ciento y raya, estar al mil por mil, ir a cien/mil por hora.*

Como vemos, en las locuciones analizadas se usan ampliamente los nombres de las “cosas” que forman parte de la vida humana, por eso se reflejan en los medios fraseológicos del español.

Al analizar los contextos típicos para la esfera periodística, en los que se usan las locuciones con numerales cardinales, se puede llegar a la conclusión de que la mayoría de estas locuciones se emplea en el discurso político que se caracteriza como el más influyente en la opinión pública y el más difundido en los medios de comunicación y sirve para hacer propaganda de diferentes ideas, alentar a los ciudadanos a que emprendan algunas acciones políticas, argumentar decisiones políticas y sociales en la situación de la pluralidad de opiniones en la sociedad. En la política siempre se lleva alguna lucha o existe competencia entre distintas fuerzas políticas de un país, por eso para el discurso político son más propias las locuciones siguientes: *dar una de cal y otra*

de arena, jugárselo todo a una carta, poner una vela a Dios y otra al Diablo, jugar a dos bandas, jugar a dos barajas, estar entre dos aguas, estar entre dos fuegos, llegar con una mano adelante y otra atrás, arma de dos filos, decir dos y dos son cuatro, decir cuatro verdades, ahorcar el seis doble, meterse en camisa de once varas, venderle a uno por treinta monedas de plata, un giro de 180 / 360 grados, dejar con tres palmos de narices, buscar tres pies al gato, matar dos pájaros de un tiro, comer a dos carrillos, quedar un telediario, de dos caras y otras más: Pedro Sánchez volvió ayer a dar una de cal y una de arena. Si por un lado volvió a ofrecer el apoyo del PSOE a Mariano Rajoy en la lucha contra el desafío separatista, por otro emborronó la unidad de acción volviendo a sembrar dudas sobre el concepto de nación española [5].

En la esfera en la que a la sociedad le preocupan los problemas y procesos sociales se puede encontrar tales expresiones como: *tolerancia cero, más solo que la una, estar a dos velas, ser como dos gotas de agua, donde Cristo dio las tres voces, tres son multitud, proclamar a los cuatro vientos, cuatro ojos, por los cuatro costados, entre cuatro paredes, cuatro gatos, (de) cinco estrellas, de siete suelas, mil gracias, pegar un grito, decir tres frescas, caer cuatro gotas, a dos bandas, no tener un duro, dar un grito, importar un pepino / un pito y unas más:* “Mi madre tiene muchísimas alucinaciones, habla con la televisión...”. Los puntos suspensivos de García evidencian la dificultad de vivir el Alzheimer entre cuatro paredes, pero, en por lo menos un aspecto, él se considera “privilegiado”: mientras que el 12% de los cuidadores se ve obligado a dejar el trabajo, él ha podido seguir ejerciendo de entrenador profesional [9].

Otro discurso relacionado con los temas y problemas económicos, por ser una esfera muy importante para la sociedad también, en la que los ciudadanos tratan de estar pendientes de los procesos y fenómenos de la economía nacional e internacional, abarca tales medios fraseológicos, como: *bajar a cero, quince días, veinticuatro horas, ciento por ciento, pregunta del millón, de dos pares de narices:* La gran duda y temor que queda, entre otros, es qué pasará en 2019 con la demanda de dólares por parte de empresas e individuos con excedentes. Esa es la pregunta del millón. Y tal vez la pregunta que defina la elección [13].

Entre las locuciones con numerales cardinales que se encuentran en la temática deportiva se destacan *partir de cero, desde cero, número uno, (jugar) a dos bandas, por los cuatro costados, tener siete vidas como los gatos, a cientos, estar al cien por cien, ir a cien/mil por hora:* Total, que en estos Juegos, el baloncesto se juega a dos bandas. La masculina parte a

la búsqueda de poner broche adecuado a la carrera de una generación que hace ya años que entró en los libros de historia. La femenina, peleará hasta la extenuación por completar un fantástico palmarés todavía huérfano de la gloria olímpica. Que la fuerza y el acierto les acompañe a todas y todos [10].

Para los temas religiosos son características tales expresiones, como *poner una vela a Dios y otra al Diablo, mantener bajo siete llaves, venderle a uno por treinta monedas de plata, como a Cristo con dos pistolas, donde Cristo dio las tres voces:* Aún no se entiende mucho la persistencia del Opus Dei en mantener bajo siete llaves tanto la nómina de sus miembros como su exclusiva “Constitución” y su Carta Orgánica, proclamando que dar a conocer la pertenencia a la agrupación es algo estrictamente personal, lo que atrae sobre ella las acusaciones de “secretismo” de sus críticos, mientras sus fieles perpetúan las dudas al no darse a conocer [17].

Si se trata de los temas jurídicos y de criminalidad, en el periódico se puede ver las locuciones *tener siete vidas como un gato, romperse en mil pedazos, pegar cuatro tiros, tolerancia cero:* “Habría que reformar la Constitución para permitir que España pueda romperse en mil pedazos”. El veterano abogado y político navarro ha sido elegido por el PP como jurista para la ponencia de autogobierno vasco. Del Burgo considera que el acuerdo de bases entre PNV y EH Bildu es inconstitucional y no respeta la foralidad vasca y navarra [7].

Las locuciones *al cero, decir dos y dos son cuatro, dos y tres son cinco, mil gracias, soltar dos frescas* se emplean con frecuencia en el estilo puro periodístico e histórico: Cerca de 20.000 mujeres consideradas colaboracionistas con los alemanes fueron rapadas en Francia tras la liberación. El corte al cero del pelo de las mujeres también se produjo en muchos pueblos y ciudades españolas después de la Guerra Civil, aunque la documentación y las investigaciones sobre aquellos escarnios son escasas [11].

En el lenguaje relacionado con las esferas de cultura, arte, cine se usan las locuciones *ni a tres tirones, veinticuatro horas, a cientos, de mil maravillas, a dos bandas, dar un grito, pegar cuatro gritos, ciento y la madre, no hay dos sin tres:* «Ya no quedan esas mujeres de antaño que se subían con el vestidazo divino a cantar como Rocío Jurado o Rocío Dúrcal. Ya no hay de eso. Jenni era como de las últimas que quedaban y a mí ese tipo de mujer me encanta, es lo que me gusta: subirme al escenario, ponerme el vestidazo, pegar cuatro gritos y bajarme», explicó Jiménez [15].

Las expresiones siguientes se emplean en todos los ámbitos característicos para el lenguaje perio-

dístico o sea política, economía, sociedad, deporte, ciencia, internet, cultura, periodismo, historia, religión, turismo: *ciento por ciento, mil por mil, una gota, dos / cien veces, un duro / dos duros; un real / dos reales, un año / cien años, un minuto / cinco minutos, (a) un paso (de), (a) dos palmos (de), en dos / tres / zancadas*: A todo esto hay que sumarle la versión más barata: la gratis. El couch surfing se extiende y es una manera de conocer en profundidad un país y a su gente quedándose en casas sin pagar un duro [19].

Al estudiar los campos del empleo de las locuciones analizadas se puede deducir que en general todas las locuciones investigadas se emplean en casi todas las esferas mencionadas del lenguaje periodístico, pero sin embargo, existe una tendencia que consiste en que cuánto más complicada sea la estructura sintáctica y semántica de estas locuciones y cuánto más

componentes contenga, más concreta y exacta será la esfera de su aplicación y empleo. Las locuciones investigadas que tienen solo dos o tres componentes en su estructura, son capaces de utilizarse en más campos semánticos por haberse borrado su forma interior y singularidad y haber adquirido universalidad.

Las locuciones con numerales cardinales forman parte del caudal fraseológico de la lengua española en general y del lenguaje de la prensa en particular. Las esferas de la actividad humana y la realidad de la vida social se reflejan en los medios de comunicación y su lenguaje cumple las tareas antes mencionadas. Las locuciones estables con numerales cardinales son medios lingüísticos expresivos que se emplean ampliamente en el lenguaje periodístico y sirven para alcanzar los objetivos derivados de las funciones de los medios de comunicación.

Literatura citada

1. Vinogradov V.S. Leksicologiya ispanского iazyka: Uchebnik [Lexicología del español: manual]. M: Vyssh. shk., 2003. 244 c.
2. Pikul' S.Yu. Tipologiya ispanских frazeologismov, soderzhashchikh chislitel'noe [Tipología de los fraseologismos con el numeral] / Pikul' S.Yu. // Vestnik voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika y mezhkulturaia kommunikatsiya. 2010. №2. C. 119-122.
3. Romanova G.S., Iovenko V.A., Larionova M.V. Ispankiy dlia zhurnalistov. Uroven' – bakalavriat [Español para periodistas. Nivel – licenciatura] M.: MGIMO-Universitet, 2009. 340 c.
4. Sudar' G.S. Chto stoit za chislom? [¿Qué comprende el número?]/ Sudar' G.S.// Aktual'nye problemy sovremennoy ibero-romanistiki (lingvistika, literaturovedenie, lingvokulturologiya, sotsiolingvistika i psikholingvistika) / Pod red. M.M. Rayevskaya. T.3. Gnosis Moskva, 2006. C. 62-68.
5. ABC [recurso electrónico] – accesible en: https://www.abc.es/opinion/abci-psoe-y-otra-arena-201709050500_noticia.html (fecha de acceso 12.01.2019)
6. Casares J. Introducción a la lexicografía moderna / J. Casares. – Madrid: Consejo Superior de Investigaciones científicas, Patronato Menéndez y Pelayo, Instituto Miguel de Cervantes y Revista de filología española, 1950. 354 p.
7. Deia [recurso electrónico] – accesible en: <https://www.deia.eus/2018/09/17/politica/euskadi/habria-que-reformar-la-constitucion-para-permitir-que-espana-pueda-romperse-en-mil-pedazos> (fecha de acceso 27.04.2019)
8. El Mundo [recurso electrónico] – accesible en: <https://www.elmundo.es/elmundo/2009/09/16/internacional/1253072180.html> (fecha de acceso 25.04.2019)
9. El País [recurso electrónico] – accesible en: https://elpais.com/politica/2016/09/20/actualidad/1474373415_482884.html (fecha de acceso 12.01.2019)
10. El País [recurso electrónico] – accesible en: https://elpais.com/deportes/2016/08/06/actualidad/1470505452_007586.html (fecha de acceso 25.04.2019)
11. El País [recurso electrónico] – accesible en: https://elpais.com/cultura/2018/01/25/actualidad/1516902112_148962.html (fecha de acceso 23.04.2019)
12. García-Page Sánchez M. Cuatro gatos. Sobre el valor simbólico del numeral en la fraseología. [recurso electrónico] – accesible en: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:IUIFMrSP2sUJ:www.phrasis.it/rivista/index.php/rp/article/download/14/10/+&cd=3&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (fecha de acceso 07.05.2019)
13. Infobae [recurso electrónico] – accesible en: <https://www.infobae.com/economia/2018/12/22/la-suba-del-riesgo-pais-y-la-pregunta-del-millon-como-seguira-en-2019/> (fecha de acceso 28.04.2019)
14. LAVANGUARDIA [recurso electrónico] – accesible en: <https://www.lavanguardia.com/internacional/20171212/433588537100/libia-a-dos-pasos-de-la-paz-y-uno-de-la-guerra-pese-al-esfuerzo-de-la-onu.html> (fecha de acceso 18.04.2019)
15. LA VANGUARDIA [recurso electrónico] – accesible en: <https://www.lavanguardia.com/vida/20171201/433334510597/natalia-jimenez-me-he-convertido-en-una-folclorica-con-la-edad.html> (fecha de acceso 23.04.2019)
16. Mapelli G. El lenguaje de la prensa. [recurso electrónico] – accesible en: http://www00.unibg.it/dati/corsi/3021/23533-LINGUAJE%20PERIOD%CDSTICO_07-08_dispena%201.pdf (fecha de acceso 12.09.2018)
17. Periódico Tribuna de Periodistas [recurso electrónico] – accesible en: <https://periodicotribuna.com.ar/2184-un-misterio-guardado-bajo-siete-llaves.html> (fecha de acceso 27.04.2019)
18. Seco M., Andrés O., Ramos G. Diccionario fraseológico documentado del español actual. 3-a edición – Madrid: Santillana Ediciones Generales, S.L., 2005. – 1084 p.

19. Tierra sin límites [recurso electrónico] – accesible en: <https://tierrasinlimites.com/2011/10/16/viajar-por-dos-duros/> (fecha de acceso 18.04.2019)

Sobre la autora:

Mijeeva Natalia – doctora en ciencias filológicas, docente del departamento de español de la universidad MGIMO (Moscú, Rusia). La esfera de los intereses científicos: semántica, fraseología, emotiología del español.
E-mail: natik29@list.ru.

SET EXPRESSIONS WITH CARDINAL NUMERALS IN THE LANGUAGE OF NEWS MEDIA

N. Mikhieva

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article is focused on set expressions with cardinal numerals in Spanish newspaper language. These fixed expressions are part of linguistic expressive means, which realize one of mass media functions. The purpose of the article is to analyze set expressions with cardinal numerals, classify them according to some criteria and determine newspaper spheres in which they are most frequently used. Fixed expressions with cardinal numerals are more numerous in number than those with ordinal ones, or multiple, partible or fractional numbers, and include expressions with numbers from zero to eight and numbers with a hundred, a thousand, and a million.*

For the purposes of the research fixed expressions with cardinal numerals are divided into two groups: the invariable expressions with a fixed cardinal numeral, and the variable expressions with a changeable cardinal numeral. In the article there are provided classifications of set expressions with cardinal numerals based on grammatical and semantic criteria, and their components. There is analyzed the use of fixed expressions in the language of newspapers. Set expressions with cardinal numerals form part of the phraseological thesaurus of the Spanish language and the language of news media in particular.

Key Words: *set expressions with cardinal numerals, invariable / variable expressions, number, newspaper language, mass media, cultural value, phraseological units, political discourse.*

References

1. Vinogradov V.S. Leksicologiya ispanskogo yazyka: Uchebnik [Lexicology of Spain language: textbook]. M: Vyssh. shk., 2003. 244 c.
2. Pikul' S.Yu. Tipologiya ispanskikh frazeologismov, soderzhaschikh chislitel'noe [Typology of the Spanish phraseological units with numerals] / Pikul' S.Yu. // Vestnik voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika y mezhkulturnaia kommunikatsiia. 2010. №2. C. 119-122.
3. Romanova G.S., Iovenko V.A., Larionova M.V. Ispanskiy dlia zhurnalystov. Uroven' – bakalavriat [Spanish for journalists. Level – undergraduate education]. M.: MGIMO-Universitet, 2009. 340 c.
4. Sudar' G.S. Chto stoit za chislom? [What stands behind a numeral?] / Sudar' G.S. // Aktual'nye problemy sovremennoy ibero-romanistiki (lingvistika, literaturovedenie, lingvokulturologiia, sotsiolingvistika i psikholingvistika) / Pod red. M.M. Rayevskaya. T. 3. Gnosis Moskva, 2006. C. 62-68.
5. ABC [electronic resource] – Available at: https://www.abc.es/opinion/abci-psoe-y-otra-arena-201709050500_noticia.html (Accessed 12.01.2019)
6. Casares J. Introducción a la lexicografía moderna / J. Casares. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones científicas, Patronato Menéndez y Pelayo, Instituto Miguel de Cervantes y Revista de filología española, 1950. 354 p.
7. Deia [electronic resource] – Available at: <https://www.deia.eus/2018/09/17/politica/euskadi/habria-que-reformar-la-constitucion-para-permitir-que-espana-pueda-romperse-en-mil-pedazos> (Accessed 27.04.2019)
8. El Mundo [electronic resource] – Available at: <https://www.elmundo.es/elmundo/2009/09/16/internacional/1253072180.html> (Accessed 25.04.2019)

9. El País [electronic resource] – Available at: https://elpais.com/politica/2016/09/20/actualidad/1474373415_482884.html (Accessed 12.01.2019)
10. El País [electronic resource] – Available at: https://elpais.com/deportes/2016/08/06/actualidad/1470505452_007586.html (Accessed 25.04.2019)
11. El País [electronic resource] – Available at: https://elpais.com/cultura/2018/01/25/actualidad/1516902112_148962.html (Accessed 23.04.2019)
12. García-Page Sánchez M. Cuatro gatos. Sobre el valor simbólico del numeral en la fraseología. [electronic resource] – Available at: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:IUIFMrSP2sUJ:www.phrasis.it/rivista/index.php/rp/article/download/14/10/+&cd=3&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (Accessed 07.05.2019)
13. Infobae [electronic resource] – Available at: <https://www.infobae.com/economia/2018/12/22/la-suba-del-riesgo-pais-y-la-pregunta-del-millon-como-seguira-en-2019/> (Accessed 28.04.2019)
14. LA VANGUARDIA [electronic resource] – Available at: <https://www.lavanguardia.com/internacional/20171212/433588537100/libia-a-dos-pasos-de-la-paz-y-uno-de-la-guerra-pese-al-esfuerzo-de-la-onu.html> (Accessed 18.04.2019)
15. LA VANGUARDIA [electronic resource] – Available at: <https://www.lavanguardia.com/vida/20171201/433334510597/natalia-jimenez-me-he-convertido-en-una-folclorica-con-la-edad.html> (Accessed 23.04.2019)
16. Mapelli G. El lenguaje de la prensa. [electronic resource] – Available at: http://www00.unibg.it/dati/corsi/3021/23533-LENGUAJE%20PERIODICO%20CDSTICO_07-08_dispena%201.pdf (Accessed 12.09.2018)
17. Periódico Tribuna de Periodistas [electronic resource] – Available at: <https://periodicotribuna.com.ar/2184-un-misterio-guardado-bajo-siete-llaves.html> (Accessed 27.04.2019)
18. Seco M., Andrés O., Ramos G. Diccionario fraseológico documentado del español actual. 3-a edición – Madrid: Santillana Ediciones Generales, S.L., 2005. – 1084 p.
19. Tierra sin límites [electronic resource] – Available at: <https://tierrasinlimites.com/2011/10/16/viajar-por-dos-duros/> (Accessed 18.04.2019)

About the author:

Mikheeva Natalia – Ph.D. (Philology), Associate professor of Spanish department of MGIMO-University. Spheres of research interest: semantics, phraseology, emotiology of the Spanish language. E-mail: natik29@list.ru.

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С КОЛИЧЕСТВЕННЫМИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫМИ В ЯЗЫКЕ ПРЕССЫ

Н.А. Михеева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454 Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В испанском языке функционирует ряд устойчивых словосочетаний, содержащих количественные числительные, которые часто употребляются в языке прессы. Эти словосочетания являются частью экспрессивных языковых средств и служат для достижения целей, обусловленных функциями средств массовой информации. Целью настоящей статьи является проведение анализа устойчивых словосочетаний, имеющих в своём составе количественные числительные, их классификация на основе различных критериев, определение сфер их использования в языке прессы. Словосочетания с количественными числительными являются более многочисленной группой по сравнению со словосочетаниями, содержащими порядковые, делимые или дробные числа, и включают словосочетания с числительными, обозначающими малое количество предметов от нуля до восьми и большое количество: сто, тысяча, миллион.

Для целей настоящей статьи исследуемые словосочетания подразделяются на две группы: неизменяемые словосочетания, в которых количественное числительное остаётся постоянным, и изменяемые словосочетания, в которых количественное числительное может варьироваться и имеет численные варианты.

В статье приводятся классификации устойчивых словосочетаний с количественными числительными на основании грамматических, семантических, компонентных признаков, а также анализируется их употребление в языке прессы. Словосочетания с количественными числи-

тельными являются частью фразеологического фонда испанского языка в целом и языка прессы в частности.

Ключевые слова: словосочетания с количественными числительными, неизменяемые / изменяемые словосочетания, число, язык прессы, средства массовой информации, культурологическая ценность, фразеологические единицы, политический дискурс.

Список литературы

1. Виноградов В.С. Лексикология испанского языка: Учебник / В.С. Виноградов. 2-е изд., испр. и доп. М: Высш. шк., 2003. 244 с.
2. Пикуль С.Ю. Типология испанских фразеологизмов, содержащих числительное / С. Ю. Пикуль // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. №2. С. 119-122.
3. Романова Г.С., Иовенко В.А., Ларионова М.В. Испанский язык для журналистов. Уровень — бакалавриат / Романова Г.С., Иовенко В.А., Ларионова М.В. М.: МГИМО-Университет, 2009. 340 с.
4. Сударь Г.С. Что стоит за числом? / Г.С. Сударь // Актуальные проблемы современной иберо-романистики (лингвистика, литературоведение, лингвокультурология, социоллингвистика и психоллингвистика) / Под ред. М. М. Раевская. Т. 3. Москва: Гнозис, 2006. С. 62-68.
5. ABC [электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.abc.es/opinion/abci-psoe-y-otra-arena-201709050500_noticia.html (Дата доступа 12.01.2019)
6. Casares J. Introducción a la lexicografía moderna / J. Casares. – Madrid: Consejo Superior de Investigaciones científicas, Patronato Menéndez y Pelayo, Instituto Miguel de Cervantes y Revista de filología española, 1950. 354 p.
7. Deia [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.deia.eus/2018/09/17/politica/euskadi/habria-que-reformar-la-constitucion-para-permitir-que-espana-pueda-romperse-en-mil-pedazos> (Дата доступа 27.04.2019)
8. El Mundo [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.elmundo.es/elmundo/2009/09/16/internacional/1253072180.html> (Дата доступа 25.04.2019)
9. El País [электронный ресурс] – Режим доступа: https://elpais.com/politica/2016/09/20/actualidad/1474373415_482884.html (Дата доступа 12.01.2019)
10. El País [электронный ресурс] – Режим доступа: https://elpais.com/deportes/2016/08/06/actualidad/1470505452_007586.html (Дата доступа 25.04.2019)
11. El País [электронный ресурс] – Режим доступа: https://elpais.com/cultura/2018/01/25/actualidad/1516902112_148962.html (Дата доступа 23.04.2019)
12. García-Page Sánchez M. Cuatro gatos. Sobre el valor simbólico del numeral en la fraseología. [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:IUIFMrSP2sUJ:www.phrasis.it/rivista/index.php/rp/article/download/14/10/+&cd=3&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (Дата доступа 07.05.2019)
13. Infobae [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.infobae.com/economia/2018/12/22/la-suba-del-riesgo-pais-y-la-pregunta-del-millon-como-seguira-en-2019/> (Дата доступа 28.04.2019)
14. LA VANGUARDIA [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.lavanguardia.com/internacional/20171212/433588537100/libia-a-dos-pasos-de-la-paz-y-uno-de-la-guerra-pese-al-esfuerzo-de-la-onu.html> (Дата доступа 18.04.2019)
15. LA VANGUARDIA [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.lavanguardia.com/vida/20171201/433334510597/natalia-jimenez-me-he-convertido-en-una-folclorica-con-la-edad.html> (Дата доступа 23.04.2019)
16. Mapelli G. El lenguaje de la prensa. [электронный ресурс] – Режим доступа: http://www00.unibg.it/dati/corsi/3021/23533-LENGUAJE%20PERIODICO%20CDSTICO_07-08_dispena%201.pdf (Дата доступа 12.09.2018)
17. Periódico Tribuna de Periodistas [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://periodicotribuna.com.ar/2184-un-misterio-guardado-bajo-siete-llaves.html> (Дата доступа 27.04.2019)
18. Seco M., Andrés O., Ramos G. Diccionario fraseológico documentado del español actual. 3-a edición – Madrid: Santillana Ediciones Generales, S.L., 2005. – 1084 p.
19. Tierra sin límites [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tierrasinlimites.com/2011/10/16/viajar-por-dos-duros/> (Дата доступа 18.04.2019)

Сведения об авторе:

Михеева Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка. Сфера научных интересов – семантика, фразеология, эмотиология испанского языка. E-mail: natik29@list.ru.

★ ★ ★

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДНЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ ИНОСТРАННЫХ РОЛЕВЫХ ФУТБОЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ В РУССКОМ И ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

А.Г. Воронова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Принцип константности смысла и вариативности символического перекодирования в переводном языке претерпевает изменения при переводе некоторых ролевых футбольных терминов. Приобретая в гомогенной футбольной медиа-среде терминологичность, которая не зафиксирована в словарях исходного языка (в частности, английского), эти лексемы утрачивают её в гетерогенной среде переводных языков: португальского и русского. Резистентность языков-реципиентов к заимствованию ролевых терминов приводит к тому, что они переводятся привычными для сложившейся местной футбольной культуры локализационно-функциональными терминами, в которых наблюдается нечёткость смысловых границ и смысловое смещение по сравнению с оригиналом. Со структурной и смысловой точек зрения в русском языке есть два типа переводных эквивалентов ролевых терминов: нейтральные словосочетания, которые «уплощают» смысл устного английского термина, и жаргонизмы, приближающиеся к воспроизведению нетерминологического смысла, зафиксированного в английских словарях. В португальском языке встречается один структурно-смысловой тип: нейтральные локальные термины, которые также смещают смысл исходного термина, при этом данное смещение не совпадает со смещением в русском языке. Возникающая родовидовая рассогласованность смысла как результат вынужденной адаптации наименований футбольных игровых ролей к локальным традициям наиболее очевидна при переводе этих терминов с одного языка-реципиента на другой, что порождает смысловые ошибки и, как следствие, референциальные неудачи. Их можно избежать, если учитывать четыре измерения существования ролевых футбольных терминов в языковом пространстве: локализационное, функциональное, ролевое и персонифицированное. Данная статья может быть полезна для всех, кто изучает португальский и английский языки, и для переводчиков, работающих с данными языками.

Ключевые слова: португальский язык, футбольные термины, переводческие эквиваленты, гомогенная и гетерогенная лингвистическая среда, прономинализация термина, квантор всеобщности, квантор существования, варваризм, жаргонизм.

Актуальность данной темы была выявлена автором данной статьи при написании учебного пособия «Португальский язык в мире спорта. Часть 1. Футбол» [4] и при подготовке к работе на Чемпионате мира по футболу в России 2018 года в качестве переводчика.

Рассмотрим варианты перевода некоторых футбольных терминов на португальский и русский языки и в паре «русский-португальский».

Чувствительность представителей футбольной среды к используемой терминологии, с одной стороны, побуждает переводчика к её де-

тальному изучению, а с другой стороны, как ни парадоксально, ограничивает в употреблении наиболее точных вариантов перевода, необходимых для успешной референции, видоизменяя их ввиду сложившихся традиций именования в языках-реципиентах, что в некоторой степени ставит под сомнение всеобщность применения принципа константности передаваемого смысла при подвижности символической репрезентации при переводе [5, с. 54].

Проиллюстрируем это положение на примере встречающегося в футбольном контексте слова «вингер» («winger» – португ.), которое восходит к английской лексеме «winger».

Рассмотрим её значения в языке-источнике (гомогенная лингвистическая среда), установив, какие из них передаются в русском и португальском языках посредством переводных эквивалентов (гетерогенная лингвистическая среда), а также проанализируем их на предмет терминологичности, то есть установим степень проявления в них «системности, наличия дефиниции, тенденции к моносемичности в пределах своего терминологического поля, отсутствия экспрессии, стилистической нейтральности» [3, с. 508-509]. В английском языке слово «winger» встречается в одном значении в публицистике, интернет-пространстве и в устной речи (комментариях спортивных журналистов), а в другом – в английских толковых словарях.

Идентифицируем основные элементы первого значения лексемы «winger» на примере текста, типичного для англоязычных футбольных сайтов:

«The job of the winger in the tactical sense is to provide width to the system. Flirting with the touchline is basically the job description of a winger. However, with the rise of the attacking full-back, the job of providing width is no longer mandatory.

Full-backs these days are more wing-backs, they attack as much as they defend...

In the olden days, defenders, including the full-backs, were only meant to defend. ... The wingers were instructed to provide width and support both attack and defense while the forwards would score.

Now, with tactical innovations the classic traditional winger no longer fits the bill...

There are a few players that play in the traditional wide midfielder, the likes of, say, Lucas Vazquez. But they are more of a super-sub than indispensable cogs in the system» [11; 15]. («Тактическая **функция** «вингера» – расширить игровое пространство. Основная должностная обязанность «вингера» –

осуществлять игровые действия у **боковой линии**. Однако, ввиду роста значимости фигуры атакующего фулбэка функция по обеспечению широты более не является обязательной. Крайние защитники (фулбэки) сегодня – скорее латерали (вингбэки), которые и атакуют, и защищают... Раньше защитники, включая и крайних защитников, были нацелены на оборону... «Вингеры» учили держать широту и поддерживать как атаку, так и защиту, а форварды забивали голы.

Сейчас же из-за **тактических** нововведений позиция классического традиционного «вингера» больше не соответствует современным тактическим требованиям...

Есть несколько игроков, которые играют широко, как типичные **крайние полузащитники**, такие, как, например, **Лукас Васкес**. Но они являются больше элементами роскоши, чем необходимыми винтиками в системе»).

В данных определениях присутствуют четыре семантических измерения, в которых потенциально существует каждый термин, обозначающий футбольное амплуа.

Первое измерение – локализационное, это собственно **участок поля**, за которым закреплена данная позиция. Учитывается её расстояние от ворот противника, положение относительно середины и краёв поля. При таком статическом подходе акцент делается на место, ареал действия данного игрока.

Второе измерение – функция игрока, которая естественным образом отчасти «противоречит» первому измерению, так как указывает на динамику, на выполнение игроками действий, направленных на достижение заранее установленных целей команды.

Третье измерение – ролевое, то есть вписывание локализационно-функциональных (статико-динамических и «поперечно-продольных») характеристик игроков в так называемые **«тактические» схемы**, которые предполагают общую упорядоченность движений игроков при выполнении определённой роли в рамках единого тактического подхода (бразильцы называют это измерение «plataformas de jogo» [10]).

Четвёртое измерение – соотношение названия стиля игры в данной роли (как правило, комбинирующего несколько «локализационных» позиций в рамках определённой тактической схемы) с **конкретным игроком**, который воплощает в себе идеальные черты исполняющего данную роль, то есть **«персонафикация**,

или символизация» термина. Так, например, в одном из амплуа Криштиану Роналду выступает в качестве хрестоматийного левого «вингера».

Таким образом, в значении, встречающемся в англоязычном интернет-пространстве, «вингер» может быть определён как «игрок, действующий вдоль боковой линии поля и сочетающий позицию крайнего (атакующего) полузащитника и крайнего нападающего, функция которого – расширять игровое пространство в рамках известных тактических схем, примером которого являются Дэвид Бэхэм, Криштиану Роналду и другие».

Это значение удовлетворяет всем критериям терминологичности [3], что иллюстрирует следующая таблица.

ГОМОГЕННЫЙ КОНТЕКСТ	
системность	термин «winger» – часть футбольной терминологической системы, имеет дефиницию, которая увязывает три измерения – локализационное, функциональное и уровень роли в рамках определённых тактических схем
наличие дефиниции	
тенденция к моносемичности в пределах своего терминологического поля	
отсутствие экспрессии	экспрессивных синонимов нет
стилист. нейтральность	нейтральный

В толковых же словарях английского языка слово «winger» определяется следующим образом: «a player whose position is at either of the two sides of the field in a team game such as football or hockey» [20] («игрок, позиция которого располагается на любой из боковых сторон поля в таких командных играх, как футбол или хоккей»); «either of the attacking players who play towards the side of the playing area in sports such as football (soccer) or hockey» [21] («любой из атакующих игроков, который играет вдоль боковой линии игровой площадки в таких видах спорта, как футбол или хоккей»).

В первом определении акцент делается на расположении игрока, а во втором – и на расположении, и на функции. Эта разница прослеживается в большинстве рассмотренных нами определений термина «winger» в толковых словарях английского языка. При этом словарные дефиниции обоих типов не информативны с точки зрения расположения игроков относительно во-

рот. Они отражают не моносемную терминологичность слова «winger», а его многозначность, применимость ко всем позициям игроков, выполняющих действия на боковой линии (фулбэк (крайний защитник), вингбэк (крайний атакующий защитник, латераль), крайний полузащитник, вингер (крайний атакующий полузащитник, крайний нападающий [9])), указывают только на родовой признак понятия «winger» и обладают гораздо большим экстенсионалом и меньшим интенсиналом, чем необходимо для успешной референции в футбольном контексте. Определения же, встречающиеся на футбольных сайтах, включают и родовой признак, и видовые отличия, благодаря чему слово «winger» становится термином, который однозначно референтен в футбольном смысловом поле. Возникает парадоксальная ситуация: слово «winger» существует как многозначное слово с широкой референцией в словарях и как термин в неформально-профессиональном общении online пространства и публицистики. При этом термин «winger» уже начинает «разрушаться», специализироваться ещё больше. Так, например, выражение «инвертированный вингер» [8] («inverted winger») является видоизменением не словарного значения, а его «последней из возможных коннотаций» [2, с. 14], которая фигурирует только на футбольных сайтах.

В каких же измерениях семантика слова «winger» отражается в переводных эквивалентах в русском и португальском языках? Прежде всего, рассмотрим распределение по измерениям наиболее базовых терминов, обозначающих футбольные позиции: **вратарь, защитник, полузащитник и нападающий.**

Русский язык	Португальский язык	Английский язык
Вратарь	Goleiro (браз.), guarda-redes (порт.)	Goalkeeper
Защита	Zaga (браз.), defesa (порт.)	Defender
Полузащита	Meio-campo, médio	Midfielder
Нападающий	Ataque	Forward

Они связаны с частью поля, на которой совершаются игровые действия, и с функциями игроков, то есть существуют в первом, втором или первом и втором измерениях.

Измерение / Дефиниция	Локализационное	Функциональное	Локализационно-функциональное
Вратарь	+		
Goalkeeper			+
Goleiro, guarda-redes			+

Измерение Дефиниция	Локализационное	Функциональное	Локализационно-функциональное
Защитник		+	
Defense		+	
Zaga, defesa	+ (браз.)	+ (порт.)	
Полузащитник		+	
Midfield	+		
Meio-campo, médio	+		
Нападающий		+	
Forward		+	
Ataque		+	

Большинство русских футбольных терминов по своей внутренней форме динамичны, обозначают функцию – «защитник», «полузащитник», «нападающий» (кроме «вратаря»), но по сути в настоящее время эта динамика – статична, то есть ограничена положением игроков на поле. В английском и португальском языках базовые термины более статичны и по внутренней форме: англ – **goalkeeper** («хранитель ворот»), **defense**, **mid-field**, **attack**. **Mid-field** – «середина, центр поля (футбольного)»; порт – **goleiro**, **guarda-redes** («хранитель ворот») – **zaga**, **defesa** – **meio-campo** («середина поля»), **médio** – **atacante**, **avançado**. Слово «**zaga**» имеет арабское происхождение и изначально обозначало «стадо», затем «тыл войска». В XV веке считалось вулгаризмом, а в XX веке заменило в бразильской футбольной терминологии слово «back».

Рассмотрим варианты передачи слова «winger» в русском языке.

Лексема «вингер» встречается в блогах, на сайтах при ответах на вопросы «Как перевести термин winger на русский язык?» или «Что обозначает слово «вингер»?» ввиду необходимости обозначить понятие, востребованное в современном футболе, но не фигурирует в русских словарях, пребывая в статусе «варваризма», а не «заимствования». Слово «вингер» в русском языке – это слово-«транзит», слово-русская транскрипция английского термина «winger», которое требует дальнейшего толкования в виде переводных эквивалентов (которые встречаются гораздо чаще, чем варваризм «вингер»):

«**Вингер** – крайний **полузащитник**, обладающий высокой скоростью и при необходимости становящийся крайним **нападающим**» [7].

«Вингер – крайний **полузащитник**, играющий **практически** по всей длине правой или левой бровки. Нацелен **в основном** на **атаку**. Вингером **в некоторых случаях** можно назвать **даже** правого или левого **защитника**, который

больше думает **об атаке** и **часто** продвигается вперед» [1].

«**RW(ПФА)/LW(ЛФА)** – крайние **нападающие**, **чаще** их называют агрессивными фланговыми **нападающими**» [13].

«Футб. Вингер; **крайний атакующий полузащитник**; бровочник (разг); крайний хавбек; «челнок»; «краёк»; фланговый хавбек; фланговый хав» [19].

Наблюдаются разнородность и рассогласованность определений с точки зрения локализационного и функционального измерений, тактические схемы, как правило, не упоминаются, термин не «переводится» на уровень ролевого измерения, и его референциальная способность очень низка. Происходит так называемая «прономинализация» термина, поскольку родовые слова его переводных эквивалентов могут указывать на все базовые позиции, кроме позиции вратаря.

Для объяснения данного факта посмотрим на схему поля с указанием ареала действия «вингера».

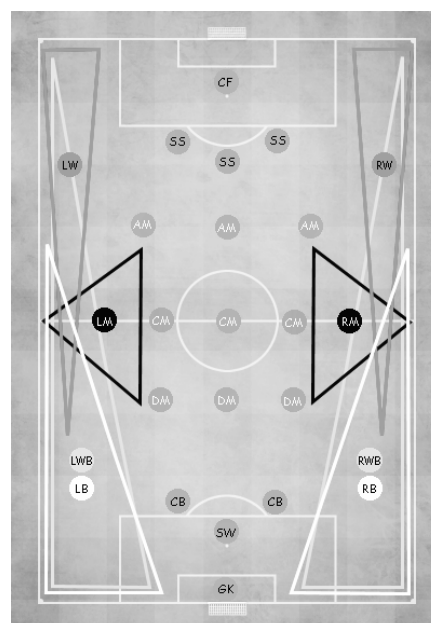

Рис. 1 [18]. Сегменты поля, в которых «вингеры» выполняют игровые действия, отмечены аббревиатурами LW и RW. Так как эта позиция предполагает высокую динамичность передвижения во время игры, то действия игрока не могут определяться единообразно с учётом локализационного и функционального подходов, и каждый автор определения выбирает в качестве статической точки отсчёта любое место в динамическом ареале.

Рис. 2 [14]. Тёмными точками изображены полузащитники, к которым чаще всего относят «вингера». Диапазон действий игроков данного амплуа на предыдущей схеме совпадает с положением полузащитников очень приблизительно. Следовательно, термин «полузащитник», являющийся наиболее частым «родовым» «переводом» термина «winger», даже с «видовыми» уточнениями скорее усложняет, а не уточняет истинное положение дел. Русские термины первого и второго измерений семантически коррелируют с заимствованиями, соответствующими английским футбольным терминам («вратарь» – «голкипер», «нападающий» – «форвард», «полузащитник» – «хавбек»). Они пришли в русский язык вместе с футболом, а затем были заменены русскими терминами. При этом в словарях португальского языка такие слова как «goalkeeper», «forward», «halfback» не фигурируют.

Однако, перевод терминов третьего измерения, например, из тех языков, где они возникли в рамках тактических схем (которые, как и слово «winger», не заимствуются, а являются варваризмами и в русском, и в португальском

языках) – «trequartista», «enganche», «box-to-box», «playmaker» – в рамках терминологической системы первого и второго измерения также не возможен без ущерба для успешности референции: «O meia ofensivo, algo atacante, algo meio-campista é chamado por **trequartista**» [12] («Атакующего полузащитника, который является кем-то средним между нападающим и полузащитником, называют «треквartista»»).

Многие футбольные аналитики утверждают, что сейчас, в эпоху тотального футбола и универсализации игроков, позиции уже не определяют роли, которые стремительно «размываются». При этом локализационные и функциональные футбольные термины сосуществуют с ролевыми терминами. В родном языке это не создаёт трудностей, так как каждый термин занимает определённое место в относительно стройной иерархической системе. Например, в английском языке ролевой термин «winger» – это узкая коннотация локализационно-функционального словарного значения, опора на которую обеспечивает 100% успешную референцию в футбольном контексте. Чтобы понять, будет ли обеспечиваться референция в языке перевода, ответим на вопрос: «Какое значение термина winger в английском языке берётся за основу при переводе, выполненном с помощью разных лексических средств?».

На русский язык переводятся и значение, зафиксированное в словарях, и коннотация, которая фигурирует преимущественно в устном пространстве и публицистике. При переводе нетерминологического варианта слова winger в русском языке имеются два типа переводных эквивалентов. В первом случае семантика локализации не совпадает с английской, во втором они одинаковы. Так, терминологическое словосочетание «крайний атакующий полузащитник» (которое встречается чаще всего) указывает на «поперечный» («полузащитник» – «середина поля»), а английский – на «продольный» («вдоль боковой линии») тип локализации. Таким образом, формальное сходство, на самом деле, «множит» неточности: чрезмерно «родовое» понятие «всей полосы, примыкающей к боковой линии поля», не отражающее видовой сущности понятия «вингер», накладывается на чрезмерно «родовое» понятие «отнесённости к середине поля», границы которого также не совпадают с референциальными границами слова «вингер».

Во втором случае в русском языке используются неологизмы-жаргонизмы: «бровочник»,

«челнок», «краёк». Локализация, выражаемая этими словами и словосочетаниями, совпадает с локализационной сутью слова «winger» в английских словарях. К ним примыкают такие образования, как «крайний хавбек», «фланговый хавбек», «фланговый хав». Что касается передачи собственно терминологического значения слова winger в русском языке, то словосочетание «крайний атакующий полузащитник» можно рассматривать как попытку отразить и это значение термина роли «вингер», но не очень успешной из-за слишком узкой трактовки родового понятия.

Таким образом, со структурной и смысловой точек зрения в русском языке слову «winger» в большинстве случаев соответствуют или сложносоставные нейтральные стилистически русские термины с эксплицитным интенционалом («крайний атакующий полузащитник», «агрессивный фланговый полузащитник»), или моносоставные лексические единицы типа жаргонизмов с имплицитным интенционалом, но с ярко выраженной образностью. Референциальная способность этих двух типов переводных эквивалентов достаточно низка, но по разным причинам. С первым типом в определениях используются такие слова и выражения, как: «при необходимости», «практически», «в основном», «в некоторых случаях», «даже», «больше», «часто». Подобные дефиниции представляют собой скорее не кванторы всеобщности, а кванторы существования. Во втором типе сами метафоры, лежащие в основе слов «бровочник», «челнок», «краёк», по своей сути референциально сопоставимы с английскими нетерминологическими словарными аналогами слова «winger», поэтому в футбольном контексте не конкретны и не прозрачны. Кроме того, эти слова пока слишком фамильярно-ироничны для того, чтобы претендовать на роль эквивалентов хотя бы одного (не терминологического) значения термина «winger» в русском языке, крайне редко встречаются и, если и определяются, то неопределённо-описательно терминами первого типа, которые, «уплощая» смысл, «заглушают» метафоричность.

Таким образом, первичная (пусть даже «интернетная») терминологичность слова «winger» в русском языке может быть оспорена, так как дефиниции его переводных эквивалентов на первом и втором уровнях слишком диффузны для того, чтобы быть **включёнными в систему футбольных терминов, следовательно, он не может трактоваться как моносемный в преде-**

лах терминологического поля, имеет синонимы («бровочник», «крайний хавбек», «челнок», «краёк», «фланговый хавбек», «фланговый хав»), **которые не обладают стилистической нейтральностью.** Самое точное (и единственное, которое я встретила!) толкование термина «winger» на русском языке в интернете [6] отражает специфику его английского значения («вингер» – это игрок, который комбинирует функции крайнего нападающего и крайнего атакующего полузащитника и совершает игровые действия при поддержке вингбэка, сочетающего функции крайнего защитника и крайнего полузащитника») [11]. Парадоксально, однако, то, что прагматические выводы из этого определения в разных языках отличаются. Русский автор представляет его как наиболее убедительную дефиницию, а английский блогер находит в нём основания для его собственного опровержения, так как сочетание вингбэком функций крайнего защитника и полузащитника позволяет ему обеспечивать необходимую широту футбольным построениям и участвовать в атакующих действиях, что ставит вопрос об избыточности фигуры «вингера» в современных тактических схемах.

Не берёмся судить об истинности или неистинности этих значений термина «вингер», но то, что они **уже** видоизменяются, не будучи **ещё** зафиксированными даже в англоязычных словарях, это однозначно.

Перейдём к определениям слова winger в португальском языке:

«cada cultura vê o futebol de uma maneira diferente... Um comentarista inglês pode chamar de winger um jogador que é normalmente tratado pela imprensa brasileira como atacante» [16] («каждая культура имеет отличный взгляд на футбол... английский комментатор может назвать «вингером» игрока, который обычно называется бразильской прессой «нападающий»).

Участники популярных футбольных блогов Бразилии также выдвигают свои предложения по переводу лексемы «winger»:

«Convencionei traduzir o estrangeirismo winger para **meia-extremo**. De início, eram considerados wingers os antigos pontas, agora, esta denominação pode ser também aplicada aos meias» («я решил перевести заимствованный термин winger как **«крайний полузащитник»**. Изначально «вингерами» считались крайние нападающие, сейчас же это обозначение может быть приложимо и к полузащитникам»);

«Na Inglaterra e também em boa parte da Europa o recuo dos pontas não significou o fim dos wingers. O 4-4-2, o 4-5-1 ou o 4-2-3-1 os manteve vivos» («В Англии и в большей части Европы отступление крайних нападающих на более отдалённые позиции не обозначало конец «вингеров». Схемы 4-4-2, 4-5-1 или 4-2-3-1 их сохранили»);

«Parece um ponta, parabéns pela tradução da palavra para o português, ainda que eu a considere desnecessária» («Возможно, это «крайний нападающий», благодарю за перевод слова на португальский язык, хотя и считаю это ненужным»);

«“meia extremo” não me parece a tradução mais apropriada. Que te parece o “Ponteiro”?» («крайний полузащитник» не кажется мне подходящим переводом. Может быть, лучше «крайний нападающий»?») [17].

Сам термин «winger» не заимствуется, а встречается в португалоязычных текстах, как и в русском языке, только как слово, которое требует перевода посредством уже имеющихся бразильских и португальских локализационных и функциональных терминов.

Какое значение английского слова «winger» используется при переводе, выполненном с помощью разных лексических средств?

Португальские эквиваленты слова «winger» опираются на терминологическое значение, не зафиксированное в англоязычных словарях.

Что касается лексических средств, то встречаются следующие варианты: бразильские – «ponta» («крайний нападающий»), «meia-extremo» («крайний полузащитник»), «ponteiro» (ранее использовавшийся термин «крайний нападающий»), португальский – «médio-ala» («крайний полузащитник»). Основным переводным эквивалентом является термин «ponta». Со «стационарной» точки зрения, он не соответствует ни англоязычной («атакующий игрок,

действующий вдоль боковой линии поля»), ни русской традиции («крайний атакующий полузащитник»). Бразильцы трансформируют видовое отличие «winger» в родовое «ponta», редуцируя множество локализационных значений («полузащитник», «крайний полузащитник», «крайний нападающий») до значения «крайний нападающий», что затрудняет референцию при переводе. Но поскольку в большинстве бразильских определений задаётся ось «встроенности» позиции «winger» в определённую тактическую схему (3 измерение), то семантическая «смещённость» на 1 и 2 уровнях, как правило, снимается, и слово «ponta» получает терминологическую осмысленность. Остальные варианты перевода термина winger на португальский язык не сопоставимы по частотности употребления со словом «ponta», поэтому могут не приниматься во внимание, хотя некоторые из них («meia-extremo», «médio-ala» (порт.) в большей степени коррелируют со значением термина «winger», принятого в русской традиции.

Невозможность нахождения в португальском языке однозначного эквивалента термину «winger» подчёркивается использованием в определениях кванторов существования, а не кванторов всеобщности (pode, parece, convencionei, considero etc) и множественностью и разнородностью предлагаемых вариантов. То есть, слово «вингер» в бразильской интерпретации удовлетворяет критериям термина чуть в большей степени, чем у российских авторов, а именно: системности, то есть связи с определёнными тактическими схемами, и нейтральности.

Сравним особенности и степень соответствия критериям терминологичности переводных эквивалентов слова «winger» в португальском (Бразилия) и русском языках.

ГЕТЕРОГЕННЫЙ КОНТЕКСТ		
	Бразилия	Россия
адаптационный статус в переводном языке	варваризм «вингер» отсутствует в словарях, но используется в онлайн-пространстве и спортивной публицистике наряду с переводными эквивалентами термина «winger». «Вингер» – слово-транзит.	
смысловые варианты перевода	«winger», «ponta» («крайний нападающий» – наиболее частый перевод), «meia-extremo», «ponteiro», вариант Португалии – «médio-ala».	«вингер», «крайний атакующий полузащитник» (наиболее частый перевод), «агрессивный фланговый нападающий», «бровочник» (разг), «крайний хавбек», «челнок», «краёк», «фланговый хавбек», «фланговый хав».
системность	на локализационном и функциональном уровнях не системен, на уровне указания роли в тактических схемах – системен	
	при расшифровке термина «winger»	

ГЕТЕРОГЕННЫЙ КОНТЕКСТ		
	Бразилия	Россия
	в Бразилии часто упоминаются тактические схемы	в России используются локализационные и функциональные термины
наличие дефиниции	дефиниция термина в основном диффузная, но с элементами системности (3 уровень)	дефиниция термина в основном диффузная
тенденция к моносемичности в пределах своего терминологического поля	только в пределах третьего измерения, а на «локализационном» и функциональном уровнях у него много взаимоисключающих определений, что приводит к искажениям смысла и недопониманиям, которые снимаются при визуализации, «символизации» данного термина или в профессионально-насыщенном контексте	
отсутствие экспрессии	отсутствует	
стилистическая нейтральность	все переводные эквиваленты нейтральны	переводные эквивалентные терминологические словосочетания нейтральны, моносоставные лексические неологизмы («краёк», «бровочник», «хавбек») имеют «жаргонный» характер

Данные этой таблицы иллюстрируют те трудности, с которыми сталкивается переводчик эквивалентов термина «winger» в португальском языке на русский язык и наоборот:

1) невозможность повсеместного использования слова «вингер» ввиду того, что он в обоих языках имеет статус жаргонизма;

2) необходимость при переводе учитывать разницу родовых понятий: в португальском языке – «ponta» (браз.) («крайний нападающий»); в русском языке – «крайний атакующий полузащитник» (иногда «крайний нападающий» и даже «крайний защитник» = «бровочник»);

3) возможная разница в стилях: в португальском языке – нейтральный, в русском языке могут использоваться жаргонизмы;

4) оперирование в дефинициях не кванторами всеобщности, а кванторами существования, что затрудняет установление точных смысловых и референциальных границ.

В заключение можно сказать, что такие ролевые футбольные термины, как «winger», «trequartista», «enganche», «trinco», «volante» и др., употребляясь в интернет-пространстве русского и португальского языков, не включены в словари и не имеют односложных и точных русских и португальских нейтральных терминов для передачи их содержания. Русский и португальский языки проявляют к ним достаточно высокую резистентность. Это может показаться странным ввиду наличия следующих лексиче-

ских единиц в русском (но не в португальском) языке: «голкипер», «хавбек», «форвард» и т.д. Однако речь идёт о заимствованиях, проникших в русский язык в начале XX века для обозначения амплуа игроков новой для России того времени футбольной игры. Затем и в России, и в Бразилии на протяжении XX века и начала XXI века были созданы мощные традиции футбола со своей локализационно-функциональной терминологией, которая отторгает заимствования и не допускает создание своих ролевых терминов. Это отрицательно сказывается на точности обозначения востребованных футбольных феноменов и адекватности перевода. Комбинированность смысла термина «вингер» с точки зрения традиционных футбольных амплуа, обязательная в англоязычном Интернете, в большинстве случаев не отражается в его русских и португальских переводных эквивалентах, содержащих родовидовое «уплощение». Оно, в свою очередь, приводит к родовидовым несовпадениям при переводе в паре «русский-португальский» и «португальский-русский» языки, что, естественно, затрудняет референцию. Какова дальнейшая судьба термина «winger» и подобных ему ролевых терминов в португальском и русском языках? Время покажет, а пока они «мерцают» нейтральными и экспрессивными оттенками смысла, которые при каждой удобной возможности должны сопровождаться визуализацией и символизацией для его уточнения.

Список литературы

1. Алмазов А. Вингер. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://alvin-almazov.ru/soccer-rus/vinger/> (Дата доступа 14 апреля 2019 г.).

2. Барт P. S/Z. М. : Эдиториал УРСС, 2001. С. 14. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/bart-sz-l8.pdf> (Дата доступа 14 апреля 2019 г.).
3. Васильева Н. В. Термин // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 508-509.
4. Воронова А. Г., Гренадерова О. Л. Португальский язык в мире спорта. Часть 1. Футбол : учеб. пособие. М. : Изд-во МГИМО, 2018. 343 с.
5. Иванов Н. В. Интерпретация в знаковой онтологии языка и в переводе. М. : Издательский дом «Международные отношения», 2018. С. 54.
6. Ильюшенко Н. Хавбек – это кто? Фланговый полузащитник. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://fb.ru/article/267393/havbek---eto-cto> (Дата доступа 16 апреля 2019 г.).
7. Afedorm. Что это такое? Футбольные термины. Часть 1. Позиции игроков. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://afedorm.livejournal.com/1808.html> (Дата доступа 14 апреля 2019 г.).
8. Allegro A. Inverted winger // Collins English dictionary. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/submission/12927/inverted+ winger> (Дата доступа 14 апреля 2019 г.).
9. American Red. Wing back V. Winger. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bigsoccer.com/threads/wing-back-v-winger.357024/> (Дата доступа 14 апреля 2019 г.).
10. Benjamim D. Plataformas de jogo. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://universidadedofutebol.com.br/plataformas-de-jogo/> (Дата доступа 12 апреля 2019 г.).
11. Dey U. K. Traditional wingers: The casualty in the evolution of football. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.sportskeeda.com/football/traditional-wingers-casualty-evolution-of-football> (Дата доступа 12 апреля 2019 г.).
12. Equipe Trivela. Mais que apenas atacantes. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://trivela.com.br/mais-que- apenas-atacantes/> (Дата доступа 16 апреля 2019 г.).
13. Forester. Позиции игроков в футболе. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://forum.igrarena.ru/threads/pozicii-igrokov.98/> (Дата доступа 16 апреля 2019 г.).
14. Midfield // Positions. Wikimedia. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:396px-Boisko_PositionsMidfield.png?uselang=ru (Дата доступа 16 апреля 2019 г.).
15. Midfielder. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://en.wikipedia.org/wiki/Midfielder#Winger> (Дата доступа 12 апреля 2019 г.).
16. Monteiro L.O. Manual de redação. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.lucianomonteiro.com/manual> (Дата доступа 16 апреля 2019 г.).
17. Pradella D. Futebol brasileiro descobre o winger. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://wp.clicrbs.com.br/prelecao/2010/08/02/futebol-brasileiro-descobre-o-winger/?topo=13,1,1,,10,13&status=encerrado> (Дата доступа 17 апреля 2019 г.).
18. Wide Midfield // Positions. Wikimedia. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/f/f4/396px-Boisko_PositionsWMidfield.PNG (Дата доступа 16 апреля 2019 г.).
19. Winger // Словарь Мультигран. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.multigran.ru/c/m.exe?t=5864697_1_2&s1=%E2%E8%ED%E3%E5%F0 (Дата доступа 16 апреля 2019 г.).
20. Winger // Cambridge dictionary. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/winger> (Дата доступа 14 апреля 2019 г.).
21. Winger // Oxford Learner's Dictionaries. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/winger> (Дата доступа 14 апреля 2019 г.).

Сведения об авторе:

Воронова Алла Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков имени Т.З. Черданцевой МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: грамматика португальского языка, семиотика, лингвостилистика. E-mail: alla-voronova-moscow@yandex.ru.

STRUCTURAL AND SEMANTIC PARTICULARITIES OF TRANSLATION EQUIVALENTS OF FOREIGN TERMS DENOTING FOOTBALLERS' ROLES TO PLAY ON THE FIELD IN RUSSIAN AND PORTUGUESE

Alla G. Voronova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The fixed meaning and the variability of symbolic language codes changing principle is inapplicable when translating certain football terms to denote footballers' roles to play on the field. These social media football terms are not yet enshrined in English dictionaries; what is more, these terms tend to change their original meaning when translated from English into Portuguese and Russian. The reluctance of the target languages to accept the given football terms leads to the use of Russian and Portuguese local traditional football terminology instead. Therefore, as distinct from the original, this terminology lacks semantic precision, leading to distortion and further confusion. With regard to structure and meaning, the Russian language has two translation patterns to render the meaning of the given football terms. These are neutral word collocations which narrow down the given English terms and professional football jargon which can be compared to the meaning of the term as enshrined in the English-English dictionary entry. Conversely, the Portuguese language has only one pattern to translate the given terms, i.e. neutral football terms that also distort the original meaning of the terms in English. Surprisingly, this distortion is different from the one in the Russian translations of them. The disparity in meaning caused by artificially adapted terms denoting footballers' roles to play on the field in the way they exist in the target languages of translation is apparent when translating the terms from one target language to the other. The pattern leads to distortion in translation and consequent communication failure. Such a shortcoming can be avoided if all the four dimensions of such football terms are taken into consideration. The latter include player location, function, role to play on the field and personality. The research findings may have practical application for students of Russian and Portuguese as well as interpreters and translators.*

Key Words: *the Portuguese language, football terms, translation patterns, homogeneous and heterogeneous language environment, antecedent-contained pro-form, generic quantifier, existential quantifier, borrowing, and professional jargon.*

References

1. Almazov A. Vinger [Winger]. Available at: <http://alvin-almazov.ru/soccer-rus/vinger/> (accessed 14 April 2019).
2. Bart R. S/Z. Moscow : Editorial URSS, 2001, p. 14. Available at: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/bart-sz-l8.pdf> (accessed 14 April 2019).
3. Vasileva N.V. Termin [Term] // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic encyclopaedical dictionary]. Moscow : Sovetskaia entsiklopediia, 1990, pp. 508-509.
4. Voronova A.G., Grenaderova O.L. Portugal'skii iazyk v mire sporta. Chast' 1. Futbol : ucheb. posobie. [Portuguese language in the world of sport. Part 1. Football]. Moscow : Izd-vo MGIMO, 2018, 343 p.
5. Ivanov N.V. Interpretatsiia v znakovoi ontologii iazyka i v perevode [Interpretation in the sign ontology and in the translation]. Moscow : Izdatel'skii dom «Mezhdunarodnye otnosheniia», 2018, p. 54.
6. Il'iushenko N. Havbek - eto kto? Flangovyi poluzashchitnik [Who is halfback? Wide midfielder]. Available at: <http://fb.ru/article/267393/havbek---eto-kto> (accessed 16 April 2019).
7. Afedorm. Chto eto takoe? Futbol'nye terminy. Chast' 1. Pozitsii igrokov [What's this? Football terms. Part 1. Players positions]. Available at: <https://afedorm.livejournal.com/1808.html> (accessed 14 April 2019).
8. Allegro A. Inverted winger // Collins English dictionary. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/submission/12927/inverted+winger> (accessed 14 April 2019).
9. American Red. Wing back V. Winger. Available at: <http://www.bigsoccer.com/threads/wing-back-v-winger.357024/> (accessed 14 April 2019).
10. Benjamim D. Plataformas de jogo [Gaming platforms]. Available at: <https://universidadedofutebol.com.br/plataformas-de-jogo> (accessed 12 April 2019).
11. Dey U.K. Traditional wingers: The casualty in the evolution of football. Available at: <https://www.sportskeeda.com/football/traditional-wingers-casualty-evolution-of-football> (accessed 12 April 2019).
12. Equipe Trivela. Mais que apenas atacantes [Team Trivela. More than attackers only]. Available at: <https://trivela.com.br/mais-que-atenas-ataantes/> (accessed 16 April 2019).
13. Forester. Pozitsii igrokov v futbole [Footballers' positions on the field]. Available at: <http://forum.igrarena.ru/threads/pozicii-igrokov.98/> (accessed 16 April 2019).
14. Midfield // Positions. Wikimedia. Available at: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:396px-Boisko_PositionsMidfield.png?uselang=ru (accessed 16 April 2019).
15. Midfielder. Available at: <https://en.wikipedia.org/wiki/Midfielder#Winger> (accessed 12 April 2019).
16. Monteiro L.O. Manual de redação [Redaction textbook]. Available at: <https://www.lucianomonteiro.com/manual> (accessed 16 April 2019).
17. Pradella D. Futebol brasileiro descobre o winger [Brazilian football discovers a winger]. Available at: <http://wp.clicrbs.com.br/prelecao/2010/08/02/futebol-brasileiro-descobre-o-winger/?topo=13,1,1,,10,13&status=encerrado> (accessed 17 April 2019).
18. Wide Midfield // Positions. Wikimedia. Available at: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/f/f4/396px-Boisko_PositionsWMidfield.PNG (accessed 16 April 2019).

19. Winger // Slovar' Mul'titran [Multitran dicionary]. Available at: https://www.multitran.ru/c/m.exe?t=5864697_1_2&s1=%E2%E8%ED%E3%E5%F0 (accessed 16 April 2019).
20. Winger // Cambridge dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/winger> (accessed 14 April 2019).
21. Winger // Oxford Learner's Dictionaries. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/winger> (accessed 14 April 2019).

About the author:

Alla G. Voronova – PhD, Associate Professor of Department of Romanic Languages, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: Portuguese grammar, semiotics, linguo-stylistics.
E-mail: alla-voronova-moscow@yandex.ru.

★ ★ ★

ИНАКОВОСТЬ В РОМАНЕ И. УЭЛША «НА ИГЛЕ»

М.Р. Булатов, Л.Ф. Хабибуллина

Казанский (Поволжский) Федеральный Университет
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская 18

Ирвин Уэлш – один из самых известных представителей британского литературного постмодернизма конца XX века, сохраняющий популярность в молодёжной среде. Благодаря социальной направленности творчество писателя изучается не только с позиции литературоведческих дисциплин, но и с позиции различных социогуманитарных наук. В настоящей статье мы освещаем его творчество исходя из литературоведческих принципов, рассматривая вместе с тем культурологические, философские и социологические смыслы произведения. Инаковость, социально-философская категория, которая требует междисциплинарного подхода, при изучении романа «На игле» раскрывается с новой стороны. Для анализа произведения мы оцениваем культурно-историческую ситуацию конца XX века в Британии, связанную с деконструкцией устоявшихся классовых, этнических, гендерных типов идентичности. На фоне этих тенденций в шотландском обществе того времени вопросы идентичности и инаковости становятся актуальными: происходит формирование нового индивидуалистического образа мышления, повышается уровень свободы самоидентификации. Отражение этих сложных и глубоких процессов составляют основу творческого замысла И. Уэлша. Анализируя образную систему произведения, мы рассмотрели три, на наш взгляд, наиболее важных аспекта инаковости: этнический, гендерный и экзистенциальный.

Ключевые слова: шотландская литература, постмодернизм, инаковость, Иной, Другой.

Ирвин Уэлш (англ. Irvine Welsh, род. 1958) – известный во всем мире шотландский писатель, который раскрывает с новой стороны шотландскую реальность, её «тёмную» сторону. Как яркий представитель постмодернистского направления литературы И. Уэлш интересуется проблемными сторонами жизни общества. Исследователи его творчества (Б. Шене, М. МакГуайр, П. Хортон) считают, что важной составляющей проблематики его романов являются трудности, с которыми сталкиваются представители беднейших, наименее образованных и социально незащищённых групп общества [10; 12; 13].

«На игле» (*Trainspotting*, 1993) – дебютный роман И. Уэлша, который по настоящее время остаётся его самым известным произведением. По мнению критиков, в этом произведении писатель сумел ёмко и глубоко раскрыть актуальные для общества проблемы, выбрать наиболее под-

ходящих для этого персонажей и привлечь тем самым широкие массы читателей. В романе «На игле», как и во многих других произведениях И. Уэлша, поднимаются культурные, социальные и политические темы. В произведении писатель повествует о шотландских реалиях 80-х годов XX века, акцентирует внимание на жизни молодого поколения шотландцев, испытывающего сложности при получении образования, поиске работы, обеспечении себя средствами существования. Герои романа не принимают общепринятые мораль и ценности, теряются при экзистенциальном поиске, испытывают затруднения при самоидентификации. В равной степени автора интересуют проблемы (пост)классовой, этнической и гендерной идентичностей героев.

Одними из значимых категорий для современных исследователей в области социогуманитарных наук являются «другость» и «инаковость». В истории они имеют корни в оппозиции

«Свой – Чужой», с древних времён отсылающей к чуждости и враждебности человеку окружающего его природного мира, позже – к этнической, национальной и религиозной «чуждости». Принципиальное отличие между Чужим и Другим – в невраждебности последнего в отношении «Своего»: между Своим и Другим появляется возможность познания и перспектива сотрудничества. Отличительная особенность постмодернистского взгляда на Другого – в принятии его в качестве структуры, производящей субъекта, создающей его самоидентификацию, опосредующей его механизм мышления и речи. Т. Хацкевич утверждает: в современной культуре Другой объявляется важным для соотношения, «взаимного конструирования» с субъектом, «производства» самого субъекта и его самоидентификации, он субъективизируется и «реабилитируется» [6, с. 8]. В XXI веке в научной и политической среде отношение к Другому унаследовало эти взгляды: широко исследуются новые разнородные явления, не вписывающиеся в рамки традиционных бинарных оппозиций. Е.Н. Шапинская, изучающая репрезентации Другого в культуре, утверждает, что в рамках постмодернистских концепций множественности и политики мультикультурализма подчёркивается разнообразие и «многоголосие» Другого [7, с. 253].

В современном российском научном дискурсе принято также выделять отличное от Чужого и Другого понятие «Иного». Иной – это термин, обозначающий современный, постмодернистский статус Другого, прошедшего «реабилитацию» и субъективизацию. Смысл «инаковости» Иного заключается не только в его множественной реальности, что было возможно ещё для Другого, но также в осознании и принятии такой реальности как его собственной имманентной черты. Для Иного существует возможность изучить свою природу с собственной перспективой «Я как Другого», и этот «взгляд изнутри» часто находит отражение в культуре.

Методологической основой нашего исследования стали философско-культурологические исследования Е.Н. Шапинской и литературоведческие работы Д.О. Половцева. Неотъемлемой чертой Иного является его восприятие в качестве Другого окружающим обществом, что даёт нам основание сформулировать для него следующее определение: это Я, выступающее Другим в отношении общества (Я как Другой), и сформировать оппозицию «Иной-Общество» [4,

с. 78]. Инаковость в нашем исследовании будет выступать в качестве внутреннего, имманентного свойства Иного, способа его репрезентации. Кроме того, мы адаптируем для своего исследования классификацию Другого Е.Н. Шапинской, выделив, наряду с общепринятыми гендерно-обусловленным и этническим Иным, экзистенциальный тип Иного [7, с. 312].

В литературе Иной герой берёт истоки ещё из поэзии эпохи романтизма начала XIX века. Романтические герои Дж. Байрона, У. Вордсворта, Новалиса и других писателей демонстрируют неприятие буржуазных ценностей начала XIX века, причиной которому стало разочарование в идеалах Просвещения и примате рациональности [3; 8]. Среди философской литературы экзистенциализма середины XX века исследователь Ф. Мамеч отмечает Иного в произведениях А. Камю. В хаотическом, лишённом гармонии мире писателя Иные подвергаются общественным отчуждению и изоляции [11, р. 6].

Роман И. Уэлша «На игле» описывает множество Иных персонажей как разновидности Других в современной культуре. Злободневность произведения и его массовая известность на время публикации предопределили значение романа как конструирующего самоидентификацию Иных в британской и мировой культурах. Это обеспечивает его актуальность в качестве объекта для изучения инаковости, формирующейся в личности в ситуации слома культурных норм и ценностей, при переходе из одной культурной парадигмы в другую.

Роман состоит из глав, рассказанных от первого лица разными персонажами, с разных точек зрения и с использованием разных диалектов. Это позволяет нам проникнуть в разум сразу множества персонажей, предлагая разноточное, «многоголосое» повествование. Сюжет романа, таким образом, разрознен и в целом представляет собой жизнеописание нескольких десятков персонажей. Основные герои романа – небольшая компания друзей, объединённых прежними школьными связями и совместно проводимым досугом. Место действия романа принципиально важно: это городской округ Лит, депрессивная окраина Эдинбурга, населённая потерявшими работу и обедневшими представителями рабочего класса. Мы подробно рассмотрим образы трёх персонажей из этой компании: Марка «Рентса» Рентона, Саймона «Дохлаго» Уильямсона и Фрэнсиса «Франко» Бегби. В романе подробно описывается преодо-

ление героями мелких бытовых конфликтов и нападений, попытки заработать на жизнь, чаще всего незаконным путём. Особое место в сюжете занимают старания героев пережить наркотическую зависимость и бросить героин: Марк и Саймон разными способами с разным успехом пытаются перестать употреблять этот наркотик. Одной из таких попыток роман завершается: получив после одной из совместных афер крупную сумму денег, Марк крадёт сумку с выручкой и бежит в Амстердам.

Основным социальным подтекстом произведения являются социо-культурные проблемы, с которыми столкнулись шотландцы в 80-е годы XX века, и их последствия. В 60-70-х гг. XX века в Великобритании были популярными «массовые и мифические институты»¹ коллективизма, классовой солидарности, развитых профсоюзов. В 80-е годы, благодаря политике неолиберализма под руководством Маргарет Тэтчер, в стране начался кризис идеологического, классового и коллективного сознания, коллективизм сменился рыночной конкуренцией, ускорилось формирование постиндустриального общества и общества потребления. Произошла смена культурных парадигм: идентичность больше не сводилась к классовой принадлежности, а рабочий класс был объявлен «враждебным обществу»². С одной стороны, такая ситуация значительно повышала социальную мобильность, свободу самовыражения и постулирования идентичности. С другой стороны, шотландцы, лишённые функционировавших десятилетиями ценностно-нормативных установок, впервые обнаружили себя в этой свободе и не имели представления, как ей пользоваться. Ситуацию усугубили массовая безработица, бедность, упадок эффективности государственных структур и социальных институтов в Шотландии. Сохранять идентичность, унаследованную от старшего поколения, не представлялось возможным, в то время как ухудшившееся общественное положение не позволяло им стать полноценными членами общества потребления, – шотландцы оказывались в состоянии аномии, то есть неопределённости в нормативно-ценностной сфере общества и личности.

Роман «На игле» с разных сторон подходит к проблемам самосознания личности в Шотлан-

дии конца 80-х годов. Он отражает этническую ситуацию в шотландском обществе второй половины XX века: на волне общемирового подъёма самосознания малых этносов шотландцы также задумались о своей этнической инаковости и поставили под вопрос устойчивость своей принадлежности к британской нации и близости к другим народам Великобритании. С формированием «шотландскости» у этого народа развился антагонизм в отношении остальных британских народов, в первую очередь, англичан. Исследователи этнического аспекта романа склонны считать шотландцев колонизированным народом, а шотландскую этническую идентичность 80-х годов – постколониальной [10; 12; 13]. Неолиберальная политика Великобритании этой эпохи притесняет «шотландскость» и навязывает ей на замену идентичность и культуру британского общества потребления. Исследователь П. Хортон отмечает антагонизм героев романа, «сконструированный против демонизированного Другого: протестанта, англичанина и империалиста» [10, с. 227].

Марк Рентон, один из главных героев романа, выражает негативное отношение к «английскости»: «нами правят изнеженные [придурки]» [5, с. 88]. В то же время, он недоволен и результатом совмещения двух культурных идентичностей, шотландской и английской, то есть «британскостью»: «Во что они превращают нас? В шваль, мерзавцев, подонков общества» [5, с. 88]. Британцы, по его мнению, – «это уродливая, искусственная нация» [5, с. 250]. В конце концов, Рентон высказывается и о самих шотландцах: «Не надо сваливать всю вину на англичан, которые нас завоевали. <...> Я ничего не имею против англичан. <...> Я ненавижу шотландцев» [5, с. 88]. Дальше по повествованию взгляды Марка приближаются к анархическим, когда он утверждает, что «никогда по-настоящему не чувствовал себя шотландцем» [5, с. 250], что сама идея страны вызывает у него неприятие: «Я никогда не испытывал никаких <...> чувств к другим странам, кроме полного отвращения. Большинство из них нужно упразднить. Замочить всех <...> паразитов-политиков, которые <...> торжественно лгут или изрекают фашистские пошлости в костюме и с вкрадчивой улыбкой» [5, с. 250]. Подобное разочарование не только в

¹ Оригинальное высказывание принадлежит И. Уэлшу: «I'm more interested in moving in and out of different cultures, getting away from those massive, mythical institutions» (наш источник – работа П. Хортон [10]).

² См. знаменитую речь М. Тэтчер к комитету 1922 года. – URL: <https://www.margaretthatcher.org/document/105563> (дата обращения: 05.06.2019).

возможности самоидентификации с помощью национальности и этноса, но в самих этих категориях – это один из ярких признаков аномии.

Другой важной темой романа становятся тенденции внутри шотландского общества, связанные с современной гендерной проблематикой: трансформация гендерной идентичности, упадок шотландской маскулинности, упадок патриархальных семейных ценностей в обществе. С. Хербрехтер и Б. Шене утверждают: в современном обществе, где доминирует идеал «гегемонической маскулинности», то есть белый западноевропейский мужчина-представитель среднего класса, мужчине-представителю шотландского рабочего класса заведомо предопределено маргинальное общественное положение [9; 13]. Многие персонажи романа испытывают определённые сложности при самоидентификации, оказавшись в «постгендерном» обществе, где гендер деконструирован, не предписывается биологическим полом и даже воспитанием, а может быть динамичен и выбран.

В мужских персонажах романа «На игле» явно прослеживается кризис маскулинной идентичности, который в первую очередь выражается в деконструкции образа «шотландского сурового мужчины». Этот процесс раскрывается в персонаже Френсиса «Франко» Бегби, и благодаря этому он выделяется на фоне других героев романа, являясь одним из самых противоречивых и интересных образов в романе. На первый взгляд, это личность с наиболее ярко выраженными маскулинными чертами: он агрессивен, напорист, твёрдолоб, властен. В эпизоде романа, происходящем на заброшенном вокзале Лита, Бегби с друзьями случайно встречает своего отца, ничего и бездомного. Герой не подаёт вида, однако вскоре после этого он выплёскивает эмоции, избив первого попавшегося под руку прохожего. Внезапно Франко оказывается одной из потерянных душ романа: из этого эпизода следует, что и этот персонаж пережил сложное детство, которое формирует его нынешний внутренний конфликт, тщательно скрываемый Бегби.

Мы выделяем в творчестве И. Уэлша новую разновидность Другого: это экзистенциальный Иной, понимаемый нами как результат системы взаимоотношений между «Я как Другой» и обществом. Экзистенциальный Иной, совсем недавно появившийся в современном обществе, рождается из пепла классовой идентичности, пробуждается к жизни неолиберализмом, индивидуализмом, капиталистической конкуренци-

ей. Этот тип Иного начинает отчётливо проявлять себя в ситуации аномии, когда социальная регламентация, нормы и ценности не имеют силы. Экзистенциальная инаковость, в отличие от прочих разновидностей этой категории – это внутреннее качество, оно «проявляется как основной принцип построения своего жизненного мира» [7, с. 313], как сила, проводящая границу между личностью и толпой. Следовательно, при совершении выбора экзистенциальные Иные опираются, в первую очередь, на собственную внутреннюю субъективность, а не на внешние требования окружающих.

Марк «Рентс» Рентон – это наиболее важный персонаж для исследования экзистенциальной инаковости в романе. Марк обладает подчеркнутым выраженным самосознанием и эрудицией, имеет познания в мировых философиях и искусстве. Мы уже выяснили, что Рентон не воспринимает этнические и национальные категории, но он также не способен найти себя в шотландском обществе в целом: «общество нельзя так изменить, чтобы оно стало принципиально лучше, а меня нельзя так изменить, чтобы я к нему приспособился. Эта ситуация вызывает у меня депрессию, вся злость обращается вовнутрь» [5, с. 206]. Герой часто чувствует себя лишним в компании своих друзей и знакомых и ощущает к ним презрение. В одной из сцен романа «На игле», когда компания из друзей и родственников Марка собралась отпраздновать его освобождение от тюремного срока, он удивляется их циничному отношению к Дэниэлу «Картошке» Мерфи, по тому же самому обвинению попавшему в тюрьму, пренебрежением чувствами его матери и их товарищем Метти, умирающим от ВИЧ-инфекции: «Что я здесь делаю? [Сумасшедшая] выходка излишне любопытного, отсталого ублюдка Билли. <...> Мамаша, пьяная и развязная, Дохлый... сука. Картошка в тюрьме. Метти в больнице, и никто его не проводит, никто о нём даже не вспомнит, будто его никогда и не было» [5, с. 195].

В другом монологе Марк выражает своё недоверие к мнению психотерапевта, которое он приравнивает к навязанной ему общественной точке зрения: «ты начинаешь им [психотерапевтам] доверять и позволяешь им навязывать себе какую-нибудь чёртову теорию поведения, которую им захотелось к тебе применить. Отныне ты в их полной власти: зависимость от наркотиков сменяется зависимостью от них» [5, с. 206]. Герой осознаёт собственную инаковость и совер-

шает выбор в пользу неё на основе собственных, субъективных представлений и без обращения к Другому, без соотнесения с магистральной культурой и общественным мнением – это основа экзистенциальной инаковости.

Марк протестует против жизненных целей, предлагаемых ему современным обществом, в одном из своих монологов иронически сводя жизнеописание человека постиндустриальной эпохи к последовательности «выборов», большая часть которых является выбором товаров или ассоциируется с этим: потребление дорогих брендовых товаров, семейный быт, дети, старость перед телевизором и т.п. Человек может приобрести ту или иную марку стиральной машины или автомобиля, так или иначе воспитывать детей, иными словами, выбрать ту или иную идентичность, но суть его жизни останется неизменно трагичной и жалкой. В этих мыслях Марк сходится с философами XX века Ж. Бодрийяром, Г. Маркузе, Г. Дебором, объясняющими о невозможности «истинного выбора», о формировании «субъекта-симулякра» и коммодификации идентичности (для своего исследования мы воспользовались интерпретацией работ этих философов историка философии И. Джохадзе [2]). В обществе, описываемом Марком, любые маргинальные идентичности не являются отклонениями от магистральной культуры, а включены в неё. Можно сказать, что реализация экзистенциальной инаковости путём открытой манифестации себя как Иного в таком обществе невозможна.

Для героев романа «На игле» выходом из такой ситуации становится создание виртуальной игровой реальности, в которой постоянно варьируется динамичная, «флуктуальная», «карнавальная» идентичность. Постмодернистская игра в искусстве лишает «ореола сакральности наличное положение дел», парадоксально сочетает «воспроизведение актуальных стереотипов культуры с их ироническим, «игровым» переосмыслением» [1, с. 292]. Мы видим на примере персонажей романа, как возможно создание игровой реальности и карнавальная идентичности.

Одна из возможностей реализации своей экзистенциальной инаковости открывается Марку в создании альтернативной реальности через употребление наркотиков. «С помощью» героина строится его жизненный субъективный мир: «внутри меня растёт пустота. «Чёрный» заполняет эту пустоту» [5, с. 206]. Героин представля-

ется Марку не дурманом, а отрезвляющей субстанцией, формирующей «истинную» картину мира, освобождённую от любых влияний извне.

Однако «игровая» реальность Марка Рентона создаётся не только при помощи наркотических иллюзий. Как и требуется от экзистенциального Иного в современном обществе, идентичность героя динамична и противоречива: Марк ненавидит шотландцев и в то же время широко использует шотландский диалект, его внутренние философские монологи тяжело свести в одну картину с чередой наркотических и алкогольных кутежей, его увлечение философскими вопросами стоит вразрез с шоплифтингом из книжных магазинов, он обладает нестабильной сексуальной ориентацией. Виртуальный субъективный жизненный мир, сконструированный из «карнавальных» идентичностей-масок Рентона, парадоксальный и «невозможный», обеспечивает экзистенциальную инаковость героя.

Саймон «Дохлый» Уильямсон, как и Марк, обладает динамичной, «текучей» идентичностью и пользуется ей для достижения собственных целей. К примеру, Дохлый с лёгкостью включает макистское обаяние и соблазняет женщин, а иногда пользуется доверчивостью и обманывает их. Ещё одним примером может служить высокое мнение родителей Рентона о Саймоне: тот всегда старается показать себя пригляднее на фоне остальных героев. Умелое использование лжи и имперсонации, составляющие неотъемлемую часть личности Дохлого, помогают ему жить лучшей жизнью в отличие от остальных персонажей. В своих внутренних монологах герой в циничной манере оценивает и судит своих товарищей, общаясь со своим воображаемым другом. Дохлый прямо противопоставляет себя обществу, считая себя «нумеро уно» (итал. *numero uno* – номер один). В целом о себе и окружающих он такого мнения: «я <...> один против всего мира, и это игра в одни ворота» [5, с. 37].

Мы можем выделить его экзистенциальную инаковость по признакам неприятия им общественных норм и ценностей, создания собственного индивидуального универсума (это происходит даже буквально, через его широко развёрнутые и глубокие внутренние монологи с воображаемыми персонажами). Эта инаковость, очевидно, является внутренней: она никак не мешает Дохлому взаимодействовать с шотландцами, а его цинизм даже в какой-то степени помогает ему. В этом его отличие от Марка, который в большей степени избегает жизненных трудно-

стей и скорее склонен к пассивному наблюдению. Виртуальная «игровая» реальность, в которой живёт Саймон – это его мошенничество, в ходе которого он «надевает маски» и занимается имперсонацией, манифестируя карнавалы идентичности и погружаясь в эти образы с головой.

Неотъемлемая субъективность экзистенциального Иного не позволяет его разделения с Другим и «присвоения», а значит, внутренний конфликт такого Иного разрешим только такими же, внутренними способами: переосмыслением, изменением субъективной картины мира. Герои «На игле», неспособные к динамичности (к примеру, Бэгби), при всей их свободе самоопределения однозначно позиционируются И. Уэлшем как потерянные в этом мире. Действия, предпринимаемые ими, чтобы выйти из этого положения, ни к чему не приводят: в романе «На игле» налицо постмодернистская обречённость и заикленность жизни героев, неспособных справиться с наркотической зависимостью и жизненными трудностями.

Таким образом, мы приходим к выводу, что инаковость в романе И. Уэлша «На игле» выражается в новых формах. Концепция экзистенциального Иного нуждается в дальнейшем развитии в исследованиях по философии, культурологии и литературоведению. В романе «На игле» экзистенциальные Иные формируются в сложной ситуации смены нормативно-ценностных парадигм в шотландском обществе, что приводит к проблемам самоидентификации героев. Динамичная идентичность позволяет им успешно ориентироваться в жизненных ситуациях, но также практически лишает их дружеской сплочённости и солидарности. В условиях деградации общественных институтов это приводит героев не только к обособленному от общества существованию, но и к одиночеству, депрессивным состояниям, алкоголизму и наркомании. Исходя из вышесказанного, мы подчёркиваем важную социальную функцию романов И. Уэлша, остро поставившего обозначенные проблемы в своём творчестве.

Список литературы

1. Грицанов А.А., Можейко М.А. Постмодернизм. Энциклопедия / А.А. Грицанов, М.А. Можейко. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. 1040 с.
2. Джохадзе И. Массовое общество и демократический тоталитаризм: свобода без выбора / И. Джохадзе // Логос. №5-6. 2001. С.36-48.
3. Затонский Д.В. Постмодернизм в историческом интерьере / Д.В. Затонский // Вопросы литературы. 1996. №. 3. С. 182-205.
4. Половцев Д. О. Инаковость как философско-литературная категория / Д.О. Половцев // Вестник МГЛУ. Серия 1: Филология. 2006. № 4(24). С. 74-80
5. Уэлш И. На игле / И. Уэлш. М.: АСТ, 2003. 382 с.
6. Хацкевич Т. М. Своеобразие художественного воплощения проблемы инаковости в творчестве Дж. Уинтерсон: дисс.... канд. филол. наук. Казань, 2015. 227 с.
7. Шапинская Е. Н. Избранные работы по философии культуры. / Е.Н. Шапинская. М.: Согласие, 2014. 456 с.
8. Ansari M. S. William Wordsworth as Philosophical Escapist: A Critical Evaluation / M.S. Ansari // Language in India. 2018. V. 18:2. pp. 33-48.
9. Herbrechter S. From Trainspotting to Filth: Masculinity and Cultural Politics in Irvine Welsh's Writings / S. Herbrechter // Subverting Masculinity: Hegemonic and Alternative Versions of Masculinity in Contemporary Culture. eds.: West R., Lay F. 2000. pp. 109-127.
10. Horton P. Trainspotting: A Topography of the Masculine Abject / P. Horton // English: Journal of the English Association. 2001. V. 50. I. 198. pp. 219-234.
11. Mameche F. Otherness and the absurd in Joseph Conrad's and Albert Camus's fictional works: a comparative study: Ph.D. dissertation. Boumerdès, 2012. 197 p.
12. McGuire M. Irvine Welsh: the novels / McGuire M. // Edinburgh Companion to Irvine Welsh. ed.: Schoene B. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. pp. 19-31.
13. Schoene B. The Union and Jack: British Masculinities, Homophobia, and the Post-nation / B. Schoene, ed. by: B. Schoene, G. Norquayand, G. Smith // Across the Margins: Cultural Identity and Change in the Atlantic Archipelago. Manchester: Manchester University Press, 2002. pp. 83-98.

Сведения об авторах:

Булатов Мансур Рашидович – студент Высшей школы русской и зарубежной филологии им. Льва Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации КФУ (Россия, Казань). Сфера научных интересов: постмодернистская литература, постмодернистская философия, социальная философия, культурология. E-mail: twelve8922@gmail.com.

Хабибуллина Лилия Фуатовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Высшей школы русской и зарубежной филологии им. Льва Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации КФУ (Россия, Казань). Сфера научных и профессиональных интересов: английская литература, национальный миф. E-mail: fuatovna@list.ru.

OTHERNESS IN IRVINE WELSH'S NOVEL "TRAINSPOTTING"

Mansur R. Bulatov, Liliia F. Khabibullina

Kazan (Volga region) Federal University
420008, Russia, Kazan, 18 Kremlevskaia str.

Abstract: *Irvine Welsh, being one of the most prominent writers belonging to the postmodernist movement of the end of the 20th century, still retains his popularity in youth culture. Due to deep social insight of his works, they are being studied not only by literary scholars, but also by socio-humanitarian researchers. In this article the study of his work is mainly based on literary analysis, but also includes concepts of philosophy, cultural and social studies. Otherness, primarily a socio-philosophical concept, in "Trainspotting" reveals its new shades, which require a multidisciplinary research approach. In our analysis we consider the historical situation in Britain at the end of 20th century closely connected with the elimination and deconstruction of traditional class, ethnical and gender identities. For the Scottish society of that time identity and otherness issues become highly relevant: along with the reforms of economic and social policies, individualistic mindset is being shaped and the freedom of self-identification is enhanced. Irvine Welsh's main creative intention is to reflect on these processes. The analysis of the image system of the novel reveals the most important aspects of otherness illustrated in "Trainspotting": ethnical, gender and existential.*

Key Words: *British literature, Scottish literature, postmodernism, otherness, Other.*

References

1. Gritsanov A.A., Mozhejko M.A. Postmodernizm. Entsiklopediia [Postmodernism. Encyclopedia] / A.A. Gritsanov, M.A. Mozheiko. – Mn.: Interpresservis; Knizhnyj Dom, 2001. 1040 p.
2. Dzhohadze I. Massovoe obshchestvo i demokraticeskii totalitarizm: svoboda bez vybora [Mass society and democratic totalitarianism: freedom with no choice] / I. Dzhohadze // Logos. no. 5-6. 2001. pp. 36-48.
3. Zatonskii D.V. Postmodernizm v istoricheskom interere [Postmodernism in a historical interior] // Voprosy literatury [Journal "Questions of literature"]. 1996. no. 3. pp. 182-205.
4. Polovtsev D. O. Inakovost' kak filosofsko-literaturnaia kategoriia [Otherness as a philosophical and literary category] / D.O. Polovtsev // Vestnik MGLU. Seriia 1: Filologiiia [Journal of Minsk state linguistic university, Series #1: Philology]. 2006. no. 4(24). pp. 74-80.
5. Welsh I. Trainspotting. Secker & Warburg, 1997. 348 p. (Russ. ed.: Uelsh I. Na igle. M.: AST, 2003. 382 p.)
6. Hatskevich T. M. Svoeobrazie hudozhestvennogo voploshcheniia problemy inakovosti v tvorchestve Dzh. Uinterson: diss.... kand. filol. nauk [Specifics of literary expression of otherness in works of J. Winterson. cand. philol. sci. diss.]. Kazan', 2015. 227 p.
7. Shapinskaia E. N. Izbrannye raboty po filosofii kul'tury. / E.N. Shapinskaia [Selected works on philosophy of culture]. M.: Soglasie, 2014. 456 p.
8. Ansari M. S. William Wordsworth as Philosophical Escapist: A Critical Evaluation / M.S. Ansari // Language in India. 2018. V. 18:2. pp. 33-48.
9. Herbrechter S. From Trainspotting to Filth: Masculinity and Cultural Politics in Irvine Welsh's Writings / S. Herbrechter // Subverting Masculinity: Hegemonic and Alternative Versions of Masculinity in Contemporary Culture. eds.: West R., Lay F. 2000. pp. 109-127.
10. Horton P. Trainspotting: A Topography of the Masculine Abject / P. Horton // English: Journal of the English Association. 2001. V. 50. I. 198. pp. 219-234.
11. Mameche F. Otherness and the absurd in Joseph Conrad's and Albert Camus's fictional works: a comparative study: Ph.D. dissertation. – Boumerdès, 2012. 197 p.

12. McGuire M. Irvine Welsh: the novels / McGuire M. // Edinburgh Companion to Irvine Welsh. ed.: Schoene B. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. pp. 19-31.
13. Schoene B. The Union and Jack: British Masculinities, Homophobia, and the Post-nation / B. Schoene, ed. by: B. Schoene, G. Norquayand, G. Smith // Across the Margins: Cultural Identity and Change in the Atlantic Archipelago. – Manchester: Manchester University Press, 2002. pp. 83-98.

About the authors:

Mansur R. Bulatov – student of Higher school of Russian and foreign philology at the Institute of philology and intercultural communication KFU (Kazan, Russia). Spheres of research interest: postmodern literature, postmodern philosophy, social philosophy, cultural studies. E-mail: twelve8922@gmail.com.

Liliia F. Khabibullina – Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and foreign literature at Higher school of Russian and foreign philology. Spheres of research interest: English literature, national myth. E-mail: fuatovna@list.ru.

★ ★ ★

ЛОЗУНГИ О СЧАСТЬЕ В КИТАЕ

А.А. Войцехович, Ван Фурс Цзыи

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, г. Москва, ул. Проспект Вернадского, 76

Лозунги имеют тысячелетнюю историю и всегда играли значимую роль в жизни китайского народа. Многие лозунги стали прецедентными символами определённых исторических эпох, в них отражаются не только важные моменты в политической жизни страны, но также и языковая картина мира. Воспринимаясь подсознательно, содержание лозунгов становится кодексом поведения людей. В лозунгах можно увидеть традиции и обычаи китайцев, понять реалии того времени, в котором они появились, историю и культуру страны.

Лозунги использовались китайским руководством для трансляции основных политических установок, являясь одним из способов пропаганды. Они до сих пор остаются в Китае одним из наиболее популярных средств распространения информации. Написанные в разной стилистике, с разным содержанием, лозунги не теряют своей актуальности и остаются важным элементом китайской культуры. В настоящее время, когда кодирование знаний всё больше строится на рационалистической основе, лозунги приобретают особую значимость.

В статье рассматриваются лозунги различных лет о счастье, что позволяет узнать, как менялось представление о нём у китайцев в разные периоды истории этой страны.

Ключевые слова: Китай, лозунги, счастье, пропаганда, китайский язык, «китайская мечта», Си Цзиньпин, идеология.

Лозунги в Китае насчитывают более чем 3000-летнюю историю и с древних времён играют важную роль в жизни китайцев. Как невозможно представить Китай без Великой Китайской стены, панд и китайского чая, так невозможно увидеть Китай без лозунгов: они есть в любой точке страны, на севере и юге, в руинах сельской местности, бесплодных холмах и на каменных стенах, повсюду в больших и малых городах: в парках и на возвышающихся дымоходах, на транспарантах через улицу, на жилых зданиях и офисах, на современных автотрассах и на старых горных дорогах.

В опубликованной в китайской «Правовой газете» статье «Исследования развития китайских лозунгов» отмечается, что, несмотря на то, что у правительства есть сейчас различные способы пропаганды, например, с помощью ТВ, Интернета, СМС, всё же лозунги остаются незаменимым средством распространения информации и не уходят с исторической арены [4].

На протяжении всей истории китайцам предлагали огромное количество разнообразных

лозунгов, касающихся всех аспектов жизни. В каждый период истории, начиная с Цинь (221-207 гг. до н.э.), были определённые, соответствующие той эпохе общедоступные и броские лозунги, которые отражали проводимую государственную политику и должное её понимание обществом. Многие известные лозунги стали символами определённого времени. В статье «Исследование лозунгов и слоганов в Китае в последние десятилетия» кандидат филологических наук, профессор Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли (КНР) Янь Кэ утверждает, что «в лозунгах на протяжении жизни многих поколений китайцев отражались не только реформы, определённые общественно значимые явления, но и языковой вкус эпохи» [7].

Можно привести несколько причин, по которым лозунг обладает таким хорошим коммуникационным эффектом.

Лозунги, как правило, написаны с использованием простых и понятных слов, предложения простые и легко запоминающиеся, они соответ-

ствуют культурному уровню обычных членов общества. Лозунги всегда просты в прочтении и понимании даже для китайцев, имеющих только поверхностные знания иероглифики.

Лозунги пишут везде, где бывают люди. В зависимости от того, на каком материале – бумага, камень или асфальтовое покрытие, и условий – в помещении или на улице будет находиться лозунг, при его написании используются самые различные средства: чернила, краски, паста и прочее.

В эпоху революционных войн, чтобы расширить влияние революционных знаний, на камнях в тех местах, где жили народные массы, были высечены лозунги для продвижения идей партии. Считалось, что надписи на камнях долговечны и нелегко уничтожаются врагами.

Язык лозунгов в наше время более современный, а средства коммуникации – более разнообразны. Везде есть большие или маленькие, длинные или короткие лозунги. Язык лозунга тесно связан с жизнью людей и стал красивым украшением жизни. Психологи считают, что для эффективного запоминания важно, чтобы материал знания являлся непосредственным объектом деятельности, поскольку память должна подкрепляться посредством действий, и неважно какое это запоминание: бессознательное или сознательное [8].

Лозунги знакомят нас с китайской национальной картиной мира, дают яркое представление о системе ценностей в различные периоды истории страны. Для самих китайцев идеи, заключённые в лозунгах, которые они постоянно видят перед глазами, естественным образом становятся их кодексом поведения.

Китайские лозунги можно рассматривать как некие символы, имеющие непосредственное отношение к жизни, явлениям, традициям и обычаям государства, и позволяющие нам понять реалии тех эпох, к которым они относятся. Рассмотрим, например, как китайцы в разные исторические периоды определяли для себя понятие счастье, что для них было важно для ощущения себя счастливыми. По лозунгам разных лет можно проследить, как менялось у китайского народа представление о счастье, важнейшем элементе системы ценностей в любой культуре.

В прошлом большинство лозунгов не имело своей темой счастье, они чаще всего отражали текущий политический курс китайского правительства и были в основном посвящены классовой борьбе – основной теме до 80 гг. XX века.

Тем не менее существовало много лозунгов, в которых непосредственно воплощалось желание народа стремиться к счастью.

Лозунги про счастье в Китае всегда касаются страдания и ответственности за Родину, семью и общество – те основные ценности, которых китайцы придерживались на протяжении всей своей многовековой истории.

Одним из старых и известных лозунгов является:

王侯将相宁有种乎? wáng hòu jiāng xiàng nìng yǒu zhǒng hū

«Те, кого называют императорами, благороднее нас?»

Этот лозунг появился во время Тайпинского восстания (1851-1864 гг.) – одной из самых продолжительных крестьянских войн в Китае против тирании маньчжурской империи Цин, которая правила в стране с середины XVII века.

Лидером восстания был Хун Сюцюань – основатель Тайпинского Небесного царства.

Во время этого восстания также был лозунг 有田同耕, 有饭同食, 有衣同穿, 有钱同使, 无处不均匀, 无处不饱暖 yǒu tián tóng gēng, yǒu fàn tóng shí, yǒu yī tóng chuān, yǒu qián tóng shǐ, wúchù bù jūnyún, wúchù bù bǎonuǎn

«Делиться друг с другом полем, хлебом, одеждой, деньгами, нет места неравенству, все должны быть сыты и одеты».

И хотя этот лозунг был нереалистичен, он выражал стремление к идеальной жизни народа.

Пережив многолетнюю сложную историю, после образования Нового Китая китайцы мечтали о том, чтобы их страна стала независимой и сильной державой, в тот период это было самое большое счастье. Произнесённые председателем КНР Мао Цзэдуном слова 中华人民共和国万岁 Zhōnghuá rénmin gònghéguó wànsuì «Да здравствует Китайская народная республика» на торжественной церемонии по случаю образования КНР, превратились в лозунг, который распространился по всей стране.

Этот лозунг не только даёт понять радость по случаю образования Нового Китая, но и выражает твёрдую уверенность в строительстве и развитии страны.

Лозунг и по сей день является одним из самых популярных, он висит на стене трибуны Тяньаньмэнь, его можно услышать во время национальных праздников или других важных для Китая событиях. В нём надежда и вера всего китайского народа, что только под защитой сильной Родины можно спокойно стремиться к

личному счастью. Лозунг содержит в себе воспоминания о блистательных подвигах предшественников и уверенность в развитии и государственном строительстве новой страны.

Начав в 50-е гг. строить новую страну, китайский народ понимал, что, живя в обществе с развитой наукой, прекрасным искусством и высоким производством, можно жить счастливо.

Один из популярных лозунгов того времени 百花齐放, 百家争鸣 *bǎihuā qífàng, bǎijiā zhēngmíng*

«Пусть расцветает сто цветов, пусть соперничают сто школ».

Данный лозунг был предложен председателем Мао, который утвердил принцип академических свобод и свободу создания искусства, надеясь на расцвет науки и искусства. Руководители страны увидели перспективу экономического развития и провели политику Большого скачка 大跃进 *dàyuèjìn*, поставив цель построить развитый социализм в Китае.

Также был популярен лозунг 鼓足干劲, 力争上游, 多快好省地建设社会主义 *gǔzú gànjìn lìzhēng shàngyóu, duō kuài hǎo shěng de jiànshè shèhuì zhǔyì*

«Напрягать все силы, устремляться вперёд, строить социализм больше, быстрее, лучше и экономнее».

К сожалению, цели оказались недостижимыми, Китай потерял много денег, ресурсов, сил и времени.

Часто лозунги были связаны с Мао Цзэдуном, которые передавали любовь и уважение к председателю КНР. Люди верили, что именно председатель Мао обязательно приведёт китайский народ к светлому будущему и счастливой жизни:

毛主席万岁 *Máo zhǔxí wànsuì*

«Да здравствует председатель Мао»

干一辈子革命, 读一辈子毛主席的书 *gān yībèizi géming, dú yībèizi Máo zhǔxí de shū*

«Всю жизнь отдавать все силы на благо революции, всю жизнь читать книги председателя Мао».

С 1966 по 1976 гг. в Китае под руководством лично Мао Цзэдуна проводились ряд идейно-политических кампаний, получивших название 无产阶级文化大革命 *wúchǎn jiējí wénhuà dà géming*

«Великая пролетарская культурная революция».

Мао Цзэдун считал, что благодаря этой революции, можно будет ликвидировать все пережитки феодализма, мешавшие развитию КНР.

Известный лозунг того периода:

工业学大庆, 农业学大寨 *gōngyè xué dàqīng, nóngyè xué dàzhài*

«В промышленности учиться у Дацина, в сельском хозяйстве – у Дачжайя».

Дацин, основанный в 1959 году, являлся эталоном города с развитой промышленностью, а город Дачжай – по развитию сельского хозяйства. Эти два города были образцами для всей страны, наглядно иллюстрирующими, как может выглядеть счастливая жизнь у китайского народа.

В 60-е годы во всём Китае становится популярным имя молодого китайца – 雷锋 Лэй Фэн, который для китайского народа стал национальным героем, примером того, как надо служить Родине, быть верным идеалам коммунизма. Посвятив свою короткую жизнь своей стране, безвозмездно помогая нуждающимся, он считал, что служение другим людям – это самое большое счастье. Уже после его смерти, узнав о его преданности Родине и КПК, Мао Цзэдун написал лозунг:

向雷锋同志学习 *xiàng Léi Fēng tóngzhì xuéxí*

«Учитесь у товарища Лэй Фэна».

По мере ликвидации культа Мао и редукции пропаганды идеологии и революции, Лэй Фэн стал примером того, как нужно заботиться о людях, стал символом самопожертвования. Ежегодно в День памяти Лэй Фэна по всему Китаю проводят различные мероприятия, на которых молодое поколение китайцев безвозмездно помогает пожилым людям, убирают улицы и т.п.

Хотя в современном Китае есть те, кто ставит под сомнение факт его жизни, считая, что он лишь созданный в своё время китайской пропагандой образ, тем не менее, и сейчас популярен лозунг:

弘扬雷锋精神, 倡导文明新风 *hóngyáng Léi Fēng jīngshén, chàngǎo wénmíng xīnfēng*

«Развивать дух Лэй Фэна, прививать новые нормы общественного поведения».

В городе Чанша в 2019 году открылся один из популярных ресторанов KFC, который оформлен «в духе» Лэй Фэна. В нём будут проводить различные мероприятия, связанные с распространением знаний об этом молодом человеке, под лозунгом 弘扬雷锋精神 *hóngyáng Léi Fēng jīngshén* «Развивать дух Лэй Фэна» [5].

В 70-е годы под руководством Дэн Сяопина в Китае начали проводить политику реформ и открытости. Правительство КНР переключило

внимание с революции на строительство, поэтому лозунги этого периода стали отличаться от предыдущих.

Например: 时间就是金钱, 效率就是生命 *shíjiān jiùshì jīnqián, xiàolǜ jiùshì shēngmìng*

«Время – деньги, эффективность – жизнь».

В своё время из-за политики 大锅饭 *dàguōfàn* «Уравнительная система общего котла» (букв. еда из общего котла) и создания 人民公社 *rénmín gōngshè* народных коммун, производительные силы были очень низкие, люди не дорожили временем, поэтому данный лозунг был одобрен Дэн Сяопином и с тех пор воодушевляет китайский народ на лучшую жизнь.

Лозунг 深圳速度 *Shēnzhèn sùdù*

«Скорость Шэньчжэнь».

Скорость развития города Шэньчжэнь удивила всех китайцев. Китайцы стали уверены, что по образу города Шэньчжэнь они также стремительно могут развивать свои города и повышать свой уровень жизни.

В 80-е гг. в Китае начинают проводить политику одного ребёнка. На тот момент количество населения вынуждало китайское правительство принять радикальные меры по сокращению рождаемости, считая, что столь большое население мешает развитию страны и повышению уровня жизни народа. Поэтому появилось много лозунгов, призывающих контролировать рождаемость:

只生一个好 *zhǐ shēng yīgè hǎo*

«Одна семья – один ребёнок».

少生优生, 幸福一生 *shǎo shēng yōu shēng, xìngfú yìshēng*

«Один ребёнок – счастье на всю жизнь».

Пропагандируя рождение одного ребёнка, лозунги проводят мысль о том, что семья может обрести счастье, если будет вкладывать в него всё самое лучшее.

Таких лозунгов было особенно много в китайских деревнях:

要致富, 少生孩子多修路 *yào zhìfù, shǎo shēng hái zǐ duō xiū lù*

«Хочешь разбогатеть, меньше рожай детей, больше строй дорог»;

人口问题解决好, 小康生活早来到 *rénkǒu wèntí wèntí jiějué hǎo, xiǎokāng shēnghuó zǎo láidào*

«Решить проблему народонаселения и к нам быстрее придёт зажиточная жизнь»;

科学生育营造家庭幸福 *kēxué shēngyù yíngzào jiāting xìngfú*

«Научное деторождение создаёт счастье семьи».

Появлялись порой и грубые лозунги:

要想富, 少生孩子多养猪 *yào xiǎng fù, shǎoshēng hái zǐ duō yǎng zhū*

«Хочешь быть счастливым, меньше рожай детей, больше выращивай свиней».

В 90-е гг. международная обстановка сильно изменилась, что оказало влияние на общество Китая.

Появился лозунг 稳定压倒一切 *wěndìng yā dǎo yíqiè*

«Стабилизация имеет решающее значение».

Во главу угла ставилось экономическое развитие страны, которое поможет повысить уровень жизни народа и приведёт его к счастью.

В начале XXI века, после вступления КНР в ВТО, самым популярным лозунгом в стране стал «соединиться со всем миром» 与世界接轨 *yǔ shìjiè jiēguǐ*, когда изменения в экономической системе вывели практически всех граждан Поднебесной на глобальный рынок.

Как форма идеологии и культуры в публичном пространстве, лозунги непосредственно взяли на себя функцию адаптации людей к новым условиям жизни. Например, в Китае в начале 2000 годов китайское общество, которое всё больше ускоряло свою трансформацию, морально поддерживалось широко тогда распространённой притчей о двух мышах. Суть этой притчи в том, как справляться с переменами, чтобы добиться успеха. Главные герои (мыши) заняты поисками «своего сыра», который поможет им изменить жизнь в лучшую сторону и найти своё счастье. Лозунг 谁动了我的奶酪 *shuí dòng le wǒ de nǎilào* «Где мой сыр?» стал самым вдохновляющим лозунгом в начале нулевых годов.

Вышедшая в 1998 году в США популярная книга Спенсера Джонсона с рассказом об этой притче очень подходила тогдашнему фону событий и изменений в жизни населения КНР. Эта книга с историей о жизни двух мышей вдохновила не только Америку, но и китайский народ.

Более того, фраза «Где мой сыр?» также стала мантрой [6], часто используемой для описания распределения выгод после реформы. Некоторые учёные, чиновники и журналисты стремились использовать похожие лозунги в своей речи и во время подготовки вступления КНР в ВТО, и при проведении реформы заработной платы, и при осуществлении судебной реформы в Китае и т.д.

Кроме того, в те же годы произошло историческое событие для Китая: национальная муж-

ская футбольная команда вышла на Чемпионат мира по футболу в 2002 году. И снова форма лозунга пришла на помощь.

态度决定一切 *tàidu juéding yíqiè* «Отношение – это всё» – эти слова тренера из Сербии Велибора Милутиновича по прозвищу «Чудотворец», который вывел сборную Китая в групповой этап Чемпионата мира, стали золотыми словами для всего Китая, а не только для членов национальной команды по футболу и распространились на всю социальную сферу страны. Смысл данного лозунга в том, что именно отношение к делу способно изменить ситуацию и сделать возможным то, что раньше казалось невозможным и немыслимым.

Языковая картина мира нашла своё отражение в лозунгах во время Олимпийских игр 2008 года в Пекине:

同一个世界, 同一个梦想 *tóng yíge shìjiè, tóng yíge mèngxiǎng*

«Один мир, одна мечта»;

点燃激情, 放飞梦想 *diǎnrán jīqíng, fàngfēi mèngxiǎng*

«Пусть в душах горит огонь, свободу мечте!»;

Одной из тем Всемирной выставки ЭКСПО-2010 в Шанхае была:

精彩世界, 文明先行 *jīngcǎi shìjiè, wénmíng xiānxíng*

«Чудесный мир, цивилизация прежде всего»;

让世界更和谐, 让城市更灿烂 *ràng shìjiè gèng héxié, ràng chéngshì gèng cànlan*

«Сделайте мир более гармоничным, сделайте город более ярким».

Такие лозунги с нежной и полной риторикой эффективно формируют позитивный и гармоничный имидж современной страны в Китае, а также выражают большие надежды Китая на интеграцию в мировую современность.

Сегодня на фоне процветания экономики, культуры и других областей лозунги стали более актуальными и разумными.

Один из самых популярных лозунгов в СМИ в 2017 году:

不忘初心, 牢记使命 *bú wàng chūxīn, láojiè shǐmìng*

«Не забывай первоначальную цель, помни свою миссию».

Этот лозунг, выдвинутый председателем КНР Си Цзиньпином, призывал чиновников к самоанализу, чтобы они не теряли свою голову в среде быстрого роста экономики, ведь, по мнению китайцев, чтобы быть счастливым, нельзя обращаться к неподлинному пути, в противном

случае фиктивное счастье однажды превратится в беду, как для себя, так и для семьи.

Во внутривластной жизни Китая лозунги имеют особенно важное значение, они делают понятными планы и решения руководства страны для подавляющего большинства населения. Тут невозможно обойти крайне важный внутривластный лозунг последних лет: «Китайская мечта» 中国梦 *Zhōngguó mèng* – это формула нынешнего социально-политического курса и лозунг Китайской Народной Республики. Впервые этот термин был озвучен в ноябре 2012 года председателем КНР Си Цзиньпином, который вложил в него смысл «Китайской мечты о великом возрождении китайской нации».

«Китайская мечта» зовёт каждого молодого человека продолжать двигаться по пути осуществления мечты. Ритмы и мелодия новой эры вдохновляют людей: в строительстве и развитии новой эры каждый китаец является главным героем и несёт ответственность за свою страну.

«Китайская мечта», с одной стороны, является мечтой всей нации, с другой, она состоит из личной мечты каждого китайца, и когда все китайцы реализуют свою мечту, найдут своё счастье, тогда китайская нация в полной мере осуществит великое возрождение.

撸起袖子, 加油干 *lǔ qǐ xiùzi, jiāyóu gàn* «Засучи рукава и за работу» – говорится в новогоднем послании 2017 года председателя Си Цзиньпина. Этот лозунг выразил активное и оптимистичное отношение к жизни, ставя перед китайцами цель бороться за счастье [3].

Также популярны сегодня и такие лозунги:

今天的汗水是为了明天的幸福 *jīntiān de hànshuǐ shì wèi le míngtiān de xìngfú*

«Сегодняшний пот – для завтрашнего счастья»;

幸福都是奋斗出来的 *xìngfú dōu shì fèndòu chūlái de*

«Счастье рождается в борьбе».

Появились лозунги, где указывается основная ценность социализма: богатство и могущество, демократия, цивилизация, гармония, свобода, равенство, справедливость, законность, любовь к Родине, преданность работе, честность, доброта – то есть всё то, что приведёт китайский народ к счастью.

За последние 40 лет Китай добился значительного успеха в развитии экономики, но в то же время жертвой таких успехов стала экология. По мнению китайцев, не всё можно купить за

деньги, а чистая экологическая среда также является важной составляющей счастья.

Поэтому появился лозунг 绿水青山就是金山银山 *lǜ shuǐ qīngshān jiù shì jīnshān yínshān* «Зелёные горы и изумрудные воды – это горы из золота и серебра», что означало, что защита окружающей среды равно важна, как и развитие экономики.

Через несколько лет появился ещё один лозунг:

金山银山比不上绿水青山 *jīnshān yínshān bǐ lǜshuǐ qīngshān*

«Горы из золота и серебра не сравнятся с зелёными горами и изумрудными водами».

В данном лозунге отражается желание КПК уделять ещё больше внимания защите окружающей среды и что это важнее, чем развитие экономики.

Председатель Си Цзиньпин сказал: «Окружающая среда – это средство к существованию людей, зелёные горы – это красота, голубое небо – это тоже счастье» [2]. По его мнению, экологическая среда тесно связана с качеством жизни людей и нельзя разрушать экологию ради временного богатства, экологию нужно обязательно сохранить.

В последние годы понятия «гуманность» и «права человека», которые в прошлом были табу, постепенно «оттаивают», становятся темами для обсуждения. Гуманистическое мышление всё больше проникает в сердца людей, и язык лозунга всё больше становится тёплым и человечным. Вместо прежних запретов, как например, «Здесь нельзя ходить» стали писать: 请留意, 春色就在脚下 *qǐng liúyì, chūnsè jiù zài jiǎoxià* «Обратите внимание, что под Вашими ногами весна» или 小草微微笑, 请您旁边绕 *xiǎocǎo wēiwēi xiào, qǐng nín pángbiān rào* «Трава улыбается Вам, пожалуйста, обойдите». Такие слова заменяют бездушные запреты и также являются более гуманными и тёплыми лозунгами. В некоторых парках в г. Нанкине лозунги прошлых лет были заменены на более позитивные, такие,

как: 请离我远一点, 我已经八百岁了 *qǐng lí wǒ yuǎn yīdiǎn, wǒ yǐjīng bābǎi suì le* «Пожалуйста, держитесь подальше от меня, мне уже восемьсот лет», 脚下留情, 人间有意 *jiǎoxià liúqíng, rénjiān yǒuyì* «Ступай осторожно по земле и траве, тогда и между людьми будет гармония и любовь» и т.д. Это заставляет людей чувствовать себя более счастливыми и дружелюбными.

На некоторых улицах также пропагандируется запрет на вождение в нетрезвом виде. Фраза 司机一滴酒, 亲人两行泪 *sījī yì dī jiǔ, qīnrén liǎng háng lèi* «Пьяный водитель, две слезы близких» коснулась бесчисленных водителей, которые привыкли «выпивать за двоих», и простые слова лозунгов 安全驾车, 亲人等你回家 *ānquán jiàchē, qīnrén děng nǐ huíjiā* «Безопасное вождение, любимые люди ждут, когда вы вернётесь домой» [1] дают водителям более тёплые чувства, чем запреты или угрозы, как прежние лозунги.

Перед праздником Весны 2019 года был выдвинут лозунг 欢迎回家 *huānyíng huíjiā* «Добро пожаловать домой». Этот лозунг, будь то для местных жителей или для иностранцев, звучит очень радушно и привлекательно, потому что смысл в том, что вы дома, когда приезжаете сюда. Люди чувствуют себя очень комфортно от этих слов, когда видят его, как будто они на самом деле возвращаются домой. Ведь возвращение домой, наверное, на всех языках чаще всего это – что-то прекрасное, это ощущения счастья.

По мнению китайцев, жить в независимой и сильной Родине – это счастье, ведь только под защитой такой страны можно спокойно стремиться к своему личному счастью.

На примере лозунгов можно увидеть, как менялось со временем понимание счастья в Китае: от идеи образования общества с высоким производством до образования пролетарского общества и стремления к экономическому развитию, и только сейчас появилось понимание того, что именно всестороннее развитие страны принесёт людям настоящее счастье.

Список литературы

1. Го Чжао бяоюй коухао ин тисин синфу (Лозунги должны напоминать о счастье) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2015-01/17/nw.D110000gmrb_20150117_2-09.htm?div=-1 (Дата доступа 20.02.2019 г.)
2. Си Цзиньпин («Окружающая среда – это средство к существованию людей, зеленые горы – это красота, голубое небо – это тоже счастье») // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/xuexi/n1/2018/0223/c385476-29830095.html> (Дата доступа 30.01.2019 г.)
3. Си Цзиньпин (Новогоднее обращение председателя Си Цзиньпина по случаю Нового 2017 года) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://politics.people.com.cn/n1/2017/0101/c1001-28991656.html> (Дата доступа 30.01.2019 г.)

4. У Чжун цун чжунго дэ бяоюй вэньхуа кань чжунго дэ шэхуэй сяньши (Отражение общественных явлений Китая в культуре китайских лозунгов) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://my.cnd.org/modules/wfsection/article.php?articleid=16841> (Дата доступа 25.01.2019 г.)
5. Фу Цун кэньдэци цидун Лэй Фэн хочжун К цихуа чжули Лэй Фэн цзиншэнь дайдай чуань (КФС запускает «К-план об источнике огня Лэй Фэна», чтобы содействовать передаче духа Лэй Фэна из «поколения в поколение») // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://life.rednet.cn/content/2019/03/04/5187571.html> (Дата доступа 05.03.2019 г.)
6. Цэн Мэнлун Шуэй дун лэ во дэ найлао? (Где мой сыр?) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.qdaily.com/articles/39666.html> (Дата доступа 30.01.2019 г.)
7. Янь Кэ Исследование лозунгов и слоганов в Китае в последние десятилетия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/issledovanie-lozungov-i-sloganov-v-kitae-v-poslednie-desyatletiya> (Дата доступа 2.02.2019 г.)
8. Tulving E., Introduction to memory / E. Tulving // Canada, 2000.

Сведения об авторах:

Войцехович Анастасия Александровна – старший преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО МИД России. E-mail: xiaolong1976@mail.ru.

Ван Фурс Цзыи – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО МИД России. E-mail: v.tszyi@gmail.com.

SLOGANS ABOUT HAPPINESS IN CHINA

Anastasia A. Voytsekhovich, Van Furs Tszyi

Moscow State Institute of International Relations (university),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Slogans have a thousand-year history and have always played a significant role in the life of the Chinese people. Many slogans have become precedent symbols of certain historical eras, not only do they reflect important moments in the country's political life, but also the linguistic picture of the world. Perceived subconsciously, the content of slogans becomes a guideline for people's conduct. In slogans you can see traditions and customs of the Chinese, as well as understand the realities of the time in which they appeared, history and culture of the country.*

Slogans, used by the Chinese leadership to broadcast the main political installations, are one of the means of propaganda. They still remain in China one of the most popular means of disseminating information. Written in different styles, with different content, slogans do not lose their relevance and remain an important element of Chinese culture. At present, when coding of knowledge has to a greater extent a rationalistic basis, slogans play a more significant role.

The article considers slogans about happiness in different time periods, which allows you to find out how the Chinese's perception of happiness was changing in the course of time.

Key Words: *China, slogans, happiness, traditions, Chinese culture, propaganda.*

References

1. Guo Chao Lozungi dolzhny napominat' o schast'e (Slogans should be reminiscent of happiness) Available at: http://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2015-01/17/nw.D110000gmrb_20150117_2-09.htm?div=-1 (accessed 20 February 2019).
2. Xi Jinping Okruzhaiushchaia sreda – eto sredstvo k sushchestvovaniyu liudei, zelenye gory – eto krasota, goluboe nebo – eto tozhe schast'e (The environment is the livelihood of people: green mountains are beauty, blue sky is also happiness). Available at: <http://cpc.people.com.cn/xuexi/n1/2018/0223/c385476-29830095.html> (accessed 30 January 2019).
3. Xi Jinping Novogodnee obrashchenie predsedatelia Xi Jinping po sluchaiu Novogo 2017 goda (New Year's Address by Chairman Xi Jinping on the occasion of the New Year 2017) Available at: <http://politics.people.com.cn/n1/2017/0101/c1001-28991656.html> (accessed 30 January 2019).

4. Wu Zhong Otrazhenie obshchestvennykh iavlenii Kitaia v kul'ture kitaiskikh lozungov (Reflection of Chinese social phenomena in the culture of Chinese slogans) Available at: <http://my.cnd.org/modules/wfsection/article.php?articleid=16841> (accessed 25 January 2019).
5. Fu Cong KFC zapuskaet «K-plan o istochnike ognia Lei Fena», chtoby sodeistvovat' peredache dukha Lei Fena iz "pokoleniia v pokolenie" (KFC launches Lei Feng's K-Plan about the source of fire to facilitate the transfer of Lei Feng's spirit from "generation to generation") Available at: <https://life.rednet.cn/content/2019/03/04/5187571.html> (accessed 5 March 2019).
6. Ceng Menglong Gde moi syr (Where is my cheese?) Available at: <http://www.qdaily.com/articles/39666.html> (accessed 30 January 2019).
7. Yan Ke Issledovanie lozungov i sloganov v Kitae v poslednie desiatiletiia (The study of slogans in China in recent decades) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/issledovanie-lozungov-i-sloganov-v-kitae-v-poslednie-desyatiletia> (accessed 2 February 2019).
8. Tulving, E., «Introduction to memory» Canada, 2000.

About the authors:

Anastasia A. Voytsekhovich – Senior lecturer of Chinese, Vietnamese, Lao and Thai languages, Moscow State Institute of International Relations (University). E-mail: xiaolong1976@mail.ru.

Van Furs Tszyi – PhD in Economics, Senior lecturer of Chinese, Vietnamese, Lao and Thai languages, Moscow State Institute of International Relations (University). E-mail: v.tszyi@gmail.com.

* * *

ОТРАЖЕНИЕ РАЗВИТИЯ ДИНАМИКИ ИРАНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА

Е.Л. Гладкова, Н.В. Мелехина

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России,
119454, Москва, проспект Вернадского, 76

Статья посвящена изучению динамики развития отношений России и Ирана за период 2015-2019 гг. в политическом дискурсе персидского языка. Цель настоящего исследования – на материале текстов и фрагментов выступлений руководителей и других официальных лиц ИРИ представить основные характеристики отношений двух стран с применением метода качественно-количественного экспресс-контент-анализа. Исходя из поставленных задач, исследование проводилось в пять этапов: определение категорий анализа (единицы счёта «связи» / «отношения» и «сотрудничество»); отбор единиц содержания (информационных сообщений); проведение количественного подсчёта словоупотреблений по выбранным категориям «связи» / «отношения» и «сотрудничество»; систематизация субкатегорий – качественных характеристик категорий анализа; выводы. Полученные результаты исследования, подтверждающие положительную динамику российско-иранских отношений в рассматриваемый период, могут быть полезны для практической работы специалистов-международников, сотрудников внешнеполитических ведомств и переводчиков, а также при составлении специализированных словарей.

Ключевые слова: персидский язык, политический дискурс, контент-анализ, Россия, Иран, отношения, связи, сотрудничество.

К вопросу об освещении отношений между двумя странами в персидском политическом дискурсе один из авторов уже обращался в статье «К вопросу о составлении тезауруса по теме «Ирано-российские отношения». В указанной статье, следуя логике перехода от общего к частному, были даны определения современной прикладной лингвистики и политологии политического дискурса и определена методология работы. На основании исследования выделялись основные дескрипторы – наиболее частотные словоупотребления, характеризующие динамику развития российско-иранских отношений как в историческом разрезе, так и на различных уровнях [2, с.156-168].

Как показало проведённое исследование, общим дескриптором отношений Ирана и Рос-

сии, исходя из анализа трудов иранских исследователей и материалов СМИ, является их неоднозначность. В персидском политическом дискурсе сформировался своего рода термин, характеризующий отношения двух стран: *ravābet-e porfarāz-o našīb (farāz-o forud)* – «отношения, полные взлётов и падений». Так, в одной из статей под весьма красноречивым названием «Иран и Россия: уязвимые отношения» (букв.: «связь, не защищённая от вреда» – *Irān-o Rusiye: rābete-i ke imen az gazand nist*), отмечается, что «отношения Ирана и России насчитывают более пяти веков, однако дать им политическое определение или судить об их глубине всё ещё непросто» (*biš az panj qarn az rābete-ye Irān-o Rusiye migozarad, bā in hame hanuz taʾrif-e siyāsi-ye in rābete va qazāvat dar bāre-ye ʿomq-e ān kār-e āsān-i nist*) [16, с. 116].

Неоднозначность российско-иранских отношений подтверждают и российские исследователи, отмечая, что «после распада СССР отношения двух стран не отличались стабильностью» [3, с.10].

Положительная динамика в отношениях двух стран наметилась после прихода к власти в 2013 году «умеренного» президента Ирана Х. Роухани и приобрела устойчивый характер в 2014 году, когда Россия наряду с Ираном испытала на себе санкции со стороны международного сообщества. В Предисловии к сборнику научных трудов «Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы», изданном в 2015 году, отмечается, что «2014 год стал годом ренессанса отношений двух стран» [4, с. 7]. В последующие годы «углубилось политическое взаимодействие России и ИРИ, военное сотрудничество... вышло на высокий уровень партнёрства. Активизировались культурно-гуманитарные связи. Прилагаются значительные усилия для упрочения экономических отношений» [3, с. 10].

Новый уровень двусторонних отношений характеризуется ростом контактов Ирана и России на высшем уровне. В частности, в статье «Сотрудничество между субъектами Ирана и России ведёт к расширению отношений двух стран», опубликованной на сайте irna.ir 26 июня 2019 года, отмечается, что за период пребывания Х. Роухани на посту президента лидеры Ирана и России встречались семнадцать раз: трижды в Иране, пять раз в России и девять раз – на полях международных и региональных форумов [9]. Примерно такую же статистику даёт сайт РИА «Новости» [5].

Поскольку устойчивое развитие отношений двух стран продолжилось и после 2014 года, представляется уместным дальнейшее рассмотрение этого вопроса с позиции языкового политического дискурса.

Цель настоящего исследования – проследить динамику развития отношений Ирана и России за период с 2015 по 2019 гг. и на материале информационных сообщений, посвящённых встречам и переговорам официальных лиц, составить их характеристику с применением метода контент-анализа, использующегося как в политических, так и в лингвистических исследованиях.

Результаты исследования могут найти практическое применение при написании учебников и учебных пособий по работе с текстами политического содержания, а также при составлении персидско-русского словаря общественно-поли-

тических терминов (словарные гнезда «связи», «отношения», «сотрудничество»).

Методика проведения исследования

Исследование проводилось методом качественно-количественного экспресс-контент-анализа. «Традиционный контент-анализ можно определить как количественный анализ текстов ... с последующей содержательной интерпретацией выявленных числовых закономерностей» [8]. С лингвистической точки зрения сущность контент-анализа сводится к тому, чтобы «по внешним (количественным) характеристикам текста на уровне слов и словосочетаний сделать правдоподобные предположения о его плане содержания» [8].

Контент-анализ широко применяется для исследования политических текстов, «поскольку позволяет выяснить, какие слова отражают фрагменты мира, важные с точки зрения говорящего, какие ценностные предпочтения транслирует политик» [8]. По мнению К.П. Боришполеца, контент-анализ наряду с ивент-анализом и когнитивным картированием составляет «триаду базовых средств прикладного анализа в сфере политических ситуаций и политических процессов» [1, с. 51-52].

Для количественного контент-анализа медийных источников необходим значительный массив информационного материала, что представляется весьма затратным по времени и не всегда необходимым. Поэтому в лингвистических исследованиях по достаточно узкой теме, не требующей привлечения большого количества материала, может использоваться метод экспресс-анализа, на основе которого производится «количественный подсчёт содержательных элементов текста..., а также учёт качественных характеристик» [8]. Таким образом, в ходе экспресс-анализа учитываются не только количественные, но и качественные характеристики текста.

Исследование проводилось в пять этапов.

На первом этапе в рамках были определены категории анализа (единицы счёта). Категорией анализа были выбраны ключевые слова *ravābet* (*monāsebāt*) – «связи», «отношения» и *hamkāri* – «сотрудничество», подсчёт частотности употребления которых послужил точкой опоры для проведения исследования.

Целью второго этапа было определить единицы содержания. Для этого были отобраны информационные сообщения (фрагменты сообщений) из интернет-источников о перегово-

рах, интервью и пресс-конференциях руководителей и представителей руководства Исламской Республики Иран, содержащие заявления и высказывания по вопросам отношений двух стран. Объем текстов составлял от 250 слов (фрагменты) до 1100 слов (полнотекстовые сообщения).

Выбор текстов для исследования определялся тематикой переговоров, встреч на различных уровнях и пресс-конференций, где присутствовало достаточное количество цитирований в форме прямой или косвенной речи заявлений руководителей ИРИ и других официальных лиц по вопросам, затрагивающим российско-иранские отношения.

На третьем этапе был проведен количественный подсчет словоупотреблений по выбранным категориям «связи», «отношения» и «сотрудничество».

Четвертый этап включал в себя систематизацию субкатегорий – качественных характеристик категорий (единиц счёта) *ravābet* (*monāsebāt*) – «связи», «отношения» и *hamkāri* – «сотрудничество», а также подсчет частотности их упоминаний в рассмотренных текстах.

На пятом, завершающем этапе, на основе анализа рассмотренных текстов были сделаны основные выводы, касающиеся установок иранского руководства в плане перспективы развития отношений Ирана и России.

Описание исследования

Первый этап

В качестве категории анализа (единицы счёта) понятийно-тематического типа для исследования ирано-российских отношений было выбрано слово. Как уже отмечалось, рассматривались две основные категории: «отношения (связи)» и «сотрудничество». В персидском языке широко распространено употребление синонимов, поэтому единицами счёта для категории «отношения» стали слова *ravābet* – «связи» и *monāsebāt* – «отношения». Следует отметить, что частотность употребления слов *ravābet* и *monāsebāt* различна. Соотношение словоупотребления синонимов *ravābet/monāsebāt* в рассмотренных текстах составляет в среднем 15/2 (100/13%).

Категории «сотрудничество» соответствует слово *hamkāri* и синонимично использующееся близкое по значению существительное *taāmol* – «взаимодействие». При подсчёте субкатегорий был учтён также термин *hamgarāyi* – букв. «интеграция», употребляющийся только в составе словосочетания *hamgarāyi-ye dowlathā* – «межправительственное сотрудничество».

На **втором этапе** были определены единицы содержания. Для этого были отобраны следующие материалы с сайтов информационных агентств ИРИ, таких как Islamic Republic News Agency (IRNA) [11], KhabarOnline News Agency [12], Khamenei.ir [13], President.ir [14] и др.):

2015 год – визит министра обороны РФ С. Шойгу в Иран, встреча Президента РФ В.В. Путина с представителем Верховного лидера ИРИ А. Шамехани в рамках встречи с секретарями Советов Безопасности стран-членов и наблюдателей ШОС, встреча на полях Конференции стран-экспортёров газа, визит советника по международным делам Верховного лидера ИРИ, специального представителя Президента ИРИ А. Велаяти в РФ – общий объём – 2229 слов;

2016 год – визит специального представителя Президента ИРИ А. Велаяти в Москву, трёхсторонняя встреча глав государств Ирана, России и Азербайджана в Баку, визит Председателя Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко в Иран – общий объём 1103 слова;

2017 год – официальный визит Президента ИРИ Х. Роухани в Россию, встреча Президента РФ В.В. Путина с Верховным лидером ИРИ А. Хаменеи – общий объём – 1568 слов;

2018 год – Встреча Президента РФ В.В. Путина с Верховным лидером ИРИ А. Хаменеи, визит Председателя Государственной Думы РФ В.В. Володина в ИРИ, общий объём – 1475 слов;

2019 год – визит министра энергетики РФ А.В. Новака в Иран, визиты официальных лиц в регионы, трёхсторонняя встреча президентов России, Ирана и Турции, общий объём – 2306 слов.

На **третьем этапе** был проведен количественный подсчет категорий «связи», «отношения» и «сотрудничество» и определены их субкатегории – качественные характеристики.

По итогам подсчёта частотности словоупотреблений по двум категориям *ravābet* (*monāsebāt*) – «связи», «отношения» и *hamkāri* – «сотрудничество» получены следующие результаты:

2015 год. Категория *ravābet* (*monāsebāt*) – «связи», «отношения»: 2229 слов / 57 упоминаний; категория *hamkāri* – «сотрудничество»: 2229 слов / 63 упоминания. Количество упоминаний слов категории *hamkāri* превышает количество упоминаний *ravābet* на 10%.

2016 год. Категория *ravābet* (*monāsebāt*) – «связи», «отношения»: 1103 слова / 29 упоминаний; категория *hamkāri* – «сотрудничество»: 1103 сло-

ва / 65 упоминаний. Количество упоминаний слов категории *hamkāri* превышает количество упоминаний *ravābet* на 45%.

2017 год. Категория *ravābet (monāsebāt)* – «связи», «отношения»: 1568 слов / 57 упоминаний; категория *hamkāri* – «сотрудничество»: 1568 слов / 49 упоминаний. Количество упоминаний категории *ravābet* превышает количество упоминаний *hamkāri* на 14%.

2018 год. Категория *ravābet (monāsebāt)* – «связи», «отношения»: 1475 слов / 60 упоминаний; категория *hamkāri* – «сотрудничество»: 1475 слов / 50 упоминаний. Количество упоминаний категории *ravābet* превышает количество упоминаний *hamkāri* на 17%.

2019 год. Категория *ravābet (monāsebāt)* – «связи», «отношения»: 2306 слов / 73 упоминания; категория *hamkāri* – «сотрудничество»: 2306 слов / 62 упоминания. Количество упоминаний категории *ravābet* превышает количество упоминаний *hamkāri* на 15%.

Общее количество слов в рассмотренных текстах за 2015–19 гг. составило 8881 слово, при этом количество упоминаний по категории *ravābet (monāsebāt)* – «связи», «отношения» составило 282 слова, по категории *hamkāri* – «сотрудничество» – 277 слов. В процентном соотношении к общему числу слов в рассмотренных текстах количество словоупотреблений категорий *ravābet (monāsebāt)* – «связи», «отношения» и *hamkāri* – «сотрудничество» составило 3.2% и 3.1% соответственно. Примечательно, что количество словоупотреблений по обеим категориям практически идентично, что может служить свидетельством того, что иранское руководство придаёт одинаковое значение как вопросам отношений двух стран, так и проблемам их сотрудничества. Что касается соотношения по отдельным годам, то здесь разница в количестве упоминаний по обеим категориям невелика, в процентном соотношении составляет от 9 до 17%, при этом количество упоминаний слов категории «отношения», как правило, превышает количество упоминаний слов категории «сотрудничество». Исключение составляют материалы 2015 и 2016 гг., где превышение количества упоминаний единицы счёта «сотрудничество» составляет 10% и 45% соответственно.

На **четвёртом этапе** были определены субкатегории – качественные характеристики единиц счёта «отношения, связи» – *ravābet (monāsebāt)* и «сотрудничество», «взаимодействие» – *hamkāri (taāmol, hamgarāyi)*.

Единицами субкатегорий были выбраны атрибутивные словосочетания: «существительное + прилагательное» (например, *ravābet-e dojānebe* – «двусторонние отношения», *hamkāri-ye mantaqei* – «региональное сотрудничество»); «существительное + существительное» (например, *towse-ye ravābet* – «развитие отношений», *ahammiyyat-e hamkāri* – «значение (важность) сотрудничества»; существительное + развёрнутое определение (например, *vorud-e ravābet be tarhale-ye jadid* – «вступление отношений в новую фазу», *zarfiyyat-e hamkāri-ye farātar az sath-e konuni* – «потенциал сотрудничества шире нынешнего уровня»).

Критериями для объединения словосочетаний в субкатегории служили: 1) синонимы или слова, близкие по значению, например, *ravābet-e nazdik, tangātang* – «близкие, тесные отношения»; 2) понятийно-тематические словосочетания. Так, категория «торгово-экономическое сотрудничество» включает следующие определительные словосочетания: «торговое сотрудничество» – *hamkāri-ye tejāri*, «сотрудничество в банковской сфере» – *hamkāri dar howze-ye bānki*, «финансовое сотрудничество» – *hamkāri dar howze-ye māli*, «сотрудничество в транспортной отрасли» – *hamkāri dar howze-ye haml-o naql*, «сотрудничество в сфере частного сектора» – *hamkāri dar howze-ye baxš-e xosusi* и т.д.

Качественные характеристики обеих категорий были разделены на группы.

По категории «отношения», «связи» – *ravābet (monāsebāt)* субкатегории были сгруппированы по следующим параметрам: 1) общая характеристика отношений; 2) характеристики, связанные с состоянием и развитием отношений; 3) характеристики, связанные со сферами отношений; 4) характеристики двусторонних отношений в различных областях.

Практически аналогичным способом были сгруппированы качественные характеристики категории «сотрудничество»: 1) общая характеристика сотрудничества двух стран; 2) состояние и развитие сотрудничества; 3) уровни сотрудничества; 4) сферы двустороннего сотрудничества.

Качественные характеристики категории «отношения», «связи» – *ravābet (monāsebāt)*».

Субкатегория «**общая характеристика отношений**» включала следующие единицы:

1. «Позитивные». Здесь были объединены словосочетания, положительно характеризующие российско-иранские отношения: *mosbat* – «позитивные», *hosne, xub* – «добрые», «хоро-

шие», *montāz* – «превосходные», *dustāne* – «дружественные», *samimāne* – «искренние», *nazdik, tangātang* – «близкие», «тесные», *bisābeqe* – «беспрецедентные», *sāzande* – «конструктивные», *bar pāye-ye e'temād-e moteqābel* – «основанные на взаимном доверии», *ruyā* – «динамичные».

2. «Нейтральные»: «значение (важность)» – *ahammiyyat, hassāsiyyat, viže budan*.

3. «Неоднозначные» – «взлёты и падения» – *por farāz-o forud*.

В состав единиц субкатегории «**состояние и развитие отношений**» входили:

1. «Развитие отношений», «расширение связей», «прогресс в отношениях» – *towse'e, gostareš, pišraft*.

2. «Уровень отношений» – *sath-e ravābet*, «оперативный», «практический» – *'amaliyāti*, «новый» – *jadid*, «подъём отношений на новый уровень» – *erteqā-ye sath-e ravābet*, «вступление в новую фазу» – *vorud be marhale-ye (fāz-e) jadid*.

3. «Развивающиеся отношения» – *ru be rošd, ru be gostareš*.

4. «Укрепление отношений» – *tahkim, taqviyyat*, «улучшение» – *behbud*.

5. «Ускорение развития отношений» – *sor'at baxšidan be towse'e-ye ravābet, šetāb dādan be gostareš-e ravābet*, «дополнительный стимул» – *angize-ye jadid*.

6. «Потенциал» – *zarfiyyat*.

7. «Новые сферы отношений» – *howzehā-ye (zaminehā) jadid-e ravābet*.

Единицы, выделенные в субкатегории «**сферы отношений Ирана и России**»:

1. «Двусторонние отношения», «отношения двух стран», «отношения Ирана и России» – *ravābet-e dojānebe, ravābet-e do kešvar, ravābet-e Irān-o Rusiye*.

2. «Региональные отношения» – *ravābet-e mantaqei*, «отношения между субъектами» – *ravābet-e beyn-e ostānhā*.

3. «Многосторонние» – *čandjānebe*, «во всех областях» – *dar hame-ye zaminehā*.

4. «Отношения в международной сфере» – *ravābet dar howze-ye beyn ol-melali*.

5. «Долговременные» – *bolandmoddat*.

Субкатегория «**сферы двусторонних отношений**» включала следующие характеристики:

1. «Стратегические» – *rāhbordi, estražeziki*.

2. «Торгово-экономические отношения» – *ravābet-e tejāri-o eqtesādi* включают в себя следующие характеристики: «торговые» – *tejāri*, «банковские» – *bānki*, «нефть» – *naft*, «транспорт» – *haml-o naql*, «частный сектор» – *baxš-e xosusi*.

3. «В области обороны» – *defā'i*.

4. «Военно-технические» – *fanni-o nezāmi*.

5. «Историко-культурные» – *tārixi-o farhangi*.

Также в рассмотренных текстах упоминались отношения в сфере безопасности (*amniyyat*), науки (*'elm*), ядерной энергетики (*hastei*) и др.

Количественные характеристики этой категории представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Количественные характеристики категории «отношения», «связи» – *ravābet (monāsebat)*» (число упоминаний – 277)

	субкатегория	характеристика	число упоминаний
1.	Общая характеристика отношений	позитивные	24
		значение	11
		взлёты и падения	2
2.	Состояние и развитие отношений	развитие отношений	38
		уровень отношений	16
		развивающиеся отношения	11
		укрепление отношений	7
		ускорение развития отношений	6
		потенциал	6
		новые сферы отношений	6
3.	Сферы отношений Ирана и России	двусторонние отношения	60
		региональные отношения	13
		многосторонние во всех областях	9
		отношения в международной сфере	8
		долговременные	3
4.	Сферы двусторонних отношений	стратегические	18

	субкатегория	характеристика	число упоминаний
4.	Сферы двусторонних отношений	торгово-экономические	18
		в области обороны	8
		военно-технические	2
		историко-культурные	2

Как следует из анализа текстов, в официальных выступлениях иранских политиков отношения между Ираном и Россией в период 2015–2019 гг. рассматриваются в позитивном ключе. Упоминания о взлётах и падениях – их всего два – относятся к термину «историческая память» (*xātere-ye tārixī*), к которому прибегают иранские российские для характеристики истории развития отношений двух стран [7, с. 23].

В сфере отношений Ирана и России основное внимание уделяется двусторонним отношениям (60 упоминаний). Наиболее частотными качественными характеристиками двусторонних связей являются торгово-экономические и стратегические отношения (18 упоминаний по обеим единицам). Отдельно следует отметить частотность употреблений характеристики «региональные отношения» (13 упоминаний), что связано с тем значением, которое придаёт иранское руководство региональному фактору во внешней политике ИРИ в рассматриваемый период [6, с.142; 10; 17].

В рассмотренных текстах 2015–16 гг. в субкатегории «двусторонние отношения» есть также упоминания о парламентских отношениях и связях в области безопасности. Следует отметить, что начиная с 2017 года всё чаще появляются упоминания о связях в области науки, исследований, технологий и культуры.

Качественные характеристики категории «сотрудничество» – *hamkāri*

Субкатегория «**общая характеристика сотрудничества**» включала следующие единицы:

1. Позитивные характеристики категории «сотрудничество» включают: «тесное» – *nazdik*, «беспрецедентное» – *kamsābeqe*, «хорошее» – *xub*, «искреннее» – *samimāne*, «плодотворное» – *samarbaxš*, «эффективное» – *moāsser*, «конструктивное» – *sāzande*, «перспективы сотрудничества» – *češmandāz-e hamkāri*.

2. «Взаимное» – *hamkāri-ye moteqābel*.

Субкатегория «**состояние и развитие сотрудничества**»:

1. «Развитие» – *tows'e, gostareš*, «ускорение» – *šetāb dādan*, «продолжение» – *tadāvom*, «дальнейшее» – *har če bištar*.

2. «Укрепление» – *tahkim, taqviyyat*.

3. «Уровень (оперативный)» – *sath-e 'amaliyyāti*.

4. «Потенциал» – *zarfiyyat*.

5. «Значение», «важность» – *ahammiyyat*.

6. «Новые сферы» – *houzehā-ye jadid*.

Субкатегория «**уровни сотрудничества**»:

1. «Двустороннее сотрудничество», «сотрудничество двух стран», сотрудничество Ирана и России» – *hamkāri-ye dojānebe, do kešvar, Irān-o Rusiye*.

2. «Региональное сотрудничество» – *hamkāri-ye mantaqei*.

3. «Межправительственное сотрудничество» – *hamgarāyi-e dowlathā*, «Межправительственная комиссия» – *komisiyun-e moštarak-e eqtesādi-o tejāri*.

4. «Многостороннее сотрудничество» – *hamkāri-ye čandjānebe*.

5. «Сотрудничество на международной арене» – *hamkāri-ye beyn ol-melali*.

В рассмотренных текстах также упоминалось дипломатическое сотрудничество (*hamkāri-ye diplomātik*) и документы о сотрудничестве (*asnād-e hamkāri*).

Субкатегория «сферы двустороннего сотрудничества»:

1. «Сфера торгово-экономического сотрудничества» – *hamkāri-ye tejāri-o eqtesādi* содержит следующие параметры: «торговля» – *tejārat*, «транспорт» – *haml-o naql*, «банки» – *howze-ye bānki*, «финансовая сфера» – *howze-ye māli*, «инвестиции» – *sarmāyegozāri*, «частный сектор» – *baxš-e xosusi*, «планирование» – *barnāmerizi*.

2. «Сфера политического сотрудничества» – *hamkāri-ye siyāsi* включает «противостояние вызовам» – *moqābele bā čālešhā*, «противостояние санкциям» – *moqābele bā tahrīmā*, «борьбу с терроризмом» – *mobāreze bā terorism*.

3. «Сотрудничество в области культуры» – *hamkāri-ye farhangi* (включая сотрудничество между университетами – *hamkāri-ye dānešgāhi*).

4. «Региональное сотрудничество (между субъектами)» – *hamkāri-ye mantaqei (beyn-e ostānhā)*.

5. «Сотрудничество в области науки и технологий» – *hamkāri-ye 'elmi-o fannāvari*.

6. «Сотрудничество в сфере ядерной энергетики» – *hamkāri hastei*.

7. «Сотрудничество в области обороны» – *hamkāri-ye defā'i*.

8. «Парламентское сотрудничество» – *hamkāri-ye pārlemāni*.

9. «Сотрудничество в области безопасности» – *hamkāri-ye amniyyati*.

10. «Военное», «военно-техническое сотрудничество» – *hamkāri-ye nezāmi, fanni-o nezāmi*.

11. «Стратегическое сотрудничество» – *hamkāri-ye rāhbordi, estrātežik*.

Количественные характеристики категории «Сотрудничество» – *hamkāri* отражены в Таблице 2.

Таблица 2.

Количественные характеристики категории «Сотрудничество» – *hamkāri*
(число упоминаний – 282)

	субкатегория	характеристика	количество упоминаний
1.	Общая характеристика сотрудничества	позитивное	20
2.	Состояние и развитие сотрудничества	развитие	39
		укрепление	2
		уровень (оперативный)	6
		потенциал	5
		значение	4
		новые сферы	5
3.	Уровни сотрудничества	двустороннее сотрудничество	56
		региональное сотрудничество	28
		межправительственное сотрудничество	7
		многостороннее сотрудничество	7
		сотрудничество на международной арене	3
4.	Сферы двустороннего сотрудничества	торгово-экономическое сотрудничество	33
		политическое сотрудничество	16
		сотрудничество в области культуры	12
		региональное сотрудничество (между субъектами)	12
		сотрудничество в области науки и технологий	10
		сотрудничество в сфере ядерной энергетики	8
		сотрудничество в области обороны	8
		парламентское сотрудничество	5
		сотрудничество в области безопасности	4
		военное сотрудничество	4
		стратегическое сотрудничество	3

Общая характеристика категории «сотрудничество» так же, как и категории «отношения», «связи», положительная. Доминирующим в субкатегории «состояние сотрудничества» является «развитие» (39 упоминаний).

В субкатегории «уровни сотрудничества» приоритет отдаётся характеристикам «двустороннее» (56 словоупотреблений) и «региональное» (28 словоупотреблений). Заслуживает внимания факт упоминания в текстах характеристики «межправительственная комиссия», что, очевидно, свидетельствует о развитии межправительственных связей.

Для субкатегории «сферы двустороннего сотрудничества» наиболее частотными характеристиками являются «торгово-экономическое» (33 упоминания) и «политическое» (16 упоминаний). Далее следуют характеристики «культурное» (12 упоминаний), «региональное», включая сотрудничество между субъектами (11), и «сотрудничество в области науки и технологий» (10).

Примерно одинаковое внимание уделяется характеристикам «сотрудничество в сфере ядерной энергетики» и «обороны» (8 упоминаний), а также – единице «парламентское сотрудничество» (5 упоминаний).

Пятый этап – результаты исследования.

Результаты качественно-количественного экспресс-контент-анализа текстов и фрагментов выступлений руководителей ИРИ и других официальных лиц отражают общую интенциональную установку на дальнейшее развитие и укрепление ирано-российских отношений. На встрече с В.В. Путиным на полях трёхсторонней встречи президентов Ирана, России и Турции в сентябре 2019 года президент ИРИ Х. Роухани отметил, что «отношения Ирана и России в настоящее время более глубокие и искренние, чем когда-либо» – *ravābet-e Irān-o Rusiye dar hāl-e hāzer az har zamān-i āmiqtar-o samimānetar-ast* [15].

Анализ категории «отношения» показывает, что связи Ирана и России за период с 2015-2019 гг. характеризуются как развивающиеся в позитивном ключе. Отмечается выход отношений на новый уровень с перспективой реализации долгосрочных проектов. Особо следует отметить значение, которое придаётся стратегическим связям. Ростом характеризуются региональные отношения и связи между субъектами (провинциями), развиваются и межпарламентские отношения.

В сфере двусторонних отношений значительное место отводится торгово-экономическим связям, оборонной и военно-технической сфере.

Результаты исследования категории «сотрудничество» также показывают положительную динамику за рассматриваемый период, в частности выход сотрудничества на оперативный уровень со значительным потенциалом. Обращает на себя внимание тот факт, что, в отличие от категории «отношения», «связи», где зафиксирована относительно высокая частотность употребления качественной характеристики «стратегические» (18 упоминаний), в категории «сотрудничество» эта качественная характеристика встречается намного реже (3 упоминания).

Что касается уровней сотрудничества, то здесь можно отметить возрастающее значение регионального сотрудничества (количество упоминаний – 28), что почти в два раза превышает частотность словоупотреблений аналогичной характеристики категории «отношения» (13 упоминаний). Качественные характеристики «межправительственное сотрудничество»,

«межправительственная комиссия» свидетельствуют о расширении деятельности двух стран в этой области.

Характеристики сферы «политическое сотрудничество» отражают в основном усилия двух стран в области защиты национальных интересов, такие как «противостояние вызовам и санкциям», «борьба с терроризмом», сотрудничество в целях сохранения Совместного всеобъемлющего плана действий – итогового документа по иранской ядерной программе.

В субкатегории «сферы двустороннего сотрудничества» следует отметить возросшее число упоминаний характеристик «сотрудничество в области культуры» (включая межуниверситетские связи) и «в области науки и технологий». Основное же внимание уделяется развитию торгово-экономического сотрудничества, продолжается сотрудничество в таких областях как оборона и ядерная энергетика, а также военнотехническое сотрудничество.

Хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что в настоящем исследовании рассматривались исключительно материалы, содержащие высказывания и заявления официальных лиц. Контент-анализ публикаций в прессе и работ аналитиков по теме «ирано-российские отношения» не предусматривался. Между тем, иранские журналисты и исследователи – русисты зачастую достаточно скептически оценивают перспективы развития отношений двух стран и рассматривают официальные заявления как декларативные. Тем не менее, общая установка на дальнейшее расширение и укрепление двусторонних связей и сотрудничества со стороны иранского руководства очевидна, а их рассмотрение в аксиологическом аспекте может стать целью дальнейшего исследования.

Метод экспресс-контент-анализа позволяет, объединив понятийно-тематические единицы, сформировать «словарные гнезда» по категориям «отношения», «связи» и «сотрудничество». Полученные результаты могут быть применены в практической работе переводчиков и специалистов-международников, а также в составлении тематических словарей к учебным материалам и в достижении более масштабной цели – составлении персидского-русского словаря общественно-политической лексики.

Список литературы

1. Боришполец К.П. Методы политических исследований: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2005. 221 с.

2. Гладкова Е.Л. К вопросу о создании тезауруса по теме «Ирано-российские отношения // Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы / Под ред. Е.В. Дунаевой, В.Е. Сажина. М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2015. С. 156-168.
3. Дунаева Е.В., Каменева М.С., Мамедова Н.М., Федорова И.Е. Предисловие // Труды Института востоковедения РАН. Вып.15: Россия и Иран: пять веков сотрудничества. М.: ИВ РАН, 2018, С. 10-20.
4. Дунаева Е.В., Сажин В.Е. Предисловие // Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы / Под ред. Е.В. Дунаевой, В.Е. Сажина. М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2015, С. 6-11.
5. Межгосударственные отношения России и Ирана. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ria.ru/20190614/1555535205.html> (Дата обращения: 23.08.2019)
6. Санаи М. О стратегии и тактике внешней политики ИРИ (региональный контекст) // Иран в условиях новых геополитических реалий (к 40-летию Исламской революции /отв. ред.-сост. Е.В. Дунаева. М.: ООО «Садра», 2019, С. 132-143.
7. Тишьяр М. О развитии ирано-российского сотрудничества // Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы / Под ред. Е.В. Дунаевой, В.Е. Сажина. М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2015, С. 20-24.
8. Чернобровкина Е.П. Контент-анализ в лингвистических исследованиях. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontent-analiz-v-lingvisticheskikh-issledovaniyah> (Дата обращения: 22 июля 2019 г.).
9. Hamkārīhā-ye ostāni-ye Irān-o Rusiye be gostareš-e ravābet mianjāmad (“Региональное сотрудничество Ирана и России ведет к расширению отношений”). [Электронный ресурс] URL: <https://www.irna.ir/news/83357738> (Дата обращения: 22.07.2019)
10. Irān-o češmandāz-e erteqā-ye jāygāh-e mantaqei (“Иран и перспективы роста его значения в регионе”). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irna.ir/news/82662275> (Дата обращения: 15.09.2019).
11. Islamic Republic News Agency (IRNA). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irna.ir> (Дата обращения: 22.08.2019).
12. KhabarOnline News Agency. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.khabaronline.ir> (Дата обращения: 22.07.2019).
13. Khamenei.ir. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.khamenei.ir> (Дата обращения: 22.08.2019).
14. President.ir. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.president.ir> (Дата обращения: 22.08.2019).
15. Rāyzanihā-o taʾamol-e masʾulān-e bolandpāye-ye Irān-o Rusiye dar taʾmin-e manāfeʾ-e do mellat-o mantaq-e ast (“Консультации и взаимодействие руководства Ирана и России по обеспечению интересов двух стран и региона”). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irna.ir/news/83478305> (Дата обращения: 17.09.2019).
16. Sara Maʾsumi. Irān-o Rusiye: rābete-i ke imen az gazand nist (“Иран и Россия: уязвимые отношения”) // Salname-ye 96 Eʾtemad. Tehran: 1396. 320 с.
17. Zarif: mantaq-ye mā be goftemān-e darunmantaqei niyāzmand-ast (“Зариф: нашему региону нужен внутрорегиональный диалог”). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irna.ir/news/83511220> (Дата обращения: 10.10.2019).

Сведения об авторах:

Гладкова Елена Львовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой индоиранских и африканских языков МГИМО МИД России. Сфера научных интересов: политический дискурс, морфология современного персидского языка, экспериментальная фонетика. E-mail: e.gladkova@inno.mgimo.ru.

Мелехина Наталья Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры индоиранских и африканских языков МГИМО МИД России. Сфера научных и профессиональных интересов: язык урду, история и политика Пакистана, лингвокультурология. E-mail: melekhina.natalia@gmail.com.

ON THE STUDY OF IRANIAN-RUSSIAN RELATIONSHIP DEVELOPMENT IN THE PERSIAN LANGUAGE POLITICAL DISCOURSE

Elena L. Gladkova, Natalia V. Melekhina

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The article attempts to study the development of relations between Russia and Iran (2015-2019) in the Persian political discourse. The aim of the paper is to represent the main characteristics of Iranian-Russian relations based on the research of Iranian leaders' and other officials' speeches and statements related to cooperation and relationship between the two countries. The methodology was based on a qualitative-quantitative express content analysis of the texts extracted from media resources. To reach*

the above mentioned goals the study was carried out in five stages: determination of the analysis categories (measurement units “relations” / “relationship” and “cooperation”); selection of content units (articles); count of word usage according to the selected categories; systematization of subcategories i.e. qualitative characteristics of the selected categories; conclusions. The findings confirming the positive dynamics of the Iranian-Russian relations in the period of 2015-2019 may be helpful for the international relations’ experts, foreign policy officers as well as interpreters.

Key Words: *Persian language, political discourse, content analysis, Russia, Iran, relations, relationship, cooperation.*

References

1. Borishpolets K.P. Metody politicheskikh issledovaniy: Ucheb. posobie dlia studentov vuzov [Methods of Political Studies: Tutorial for University Students]. M.: Aspect Press Publ., 2005, 221 p.
2. Gladkova E.L. K voprosu o sozdanii tezaurusa po teme “Irano-rossiiskie otnosheniia” [Thesaurus Formation on the Relations between Iran and Russia] // Rossiisko-iranskiie otnosheniia. Problemi i perspektivi [Russia-Iran Relations. Problems and Perspectives] (Ed. Dunaeva E.V., Sazhin V.E.). M.: IV RAN, Tsent strategicheskoi koniunkturi Publ., 2015, p. 156-168.
3. Dunaeva E.V., Kameneva M.S., Mamedova N.M., Fedorova I.E. Predislovie [Foreword] // Trudi Instituta vostokovedeniia RAN [Papers of Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences], Vip. 15: Rossia i Iran: piat’ vekov sotrudnichestva [Vol.15 Russia and Iran: Five centuries of Cooperation]. M.: IV RAN, 2018, p.10-20.
4. Dunaeva E.V., Sazhin V.E. Predislovie [Foreword] // Rossiisko-iranskiie otnosheniia. Problemi i perspektivi [Russia-Iran Relations. Problems and Perspectives] (Ed. Dunaeva E.V., Sazhin V.E.). M.: IV RAN, Centr strategicheskoi koniunkturi Publ., 2015, p. 6-11.
5. Mezhgosudarstvennie otnosheniia Rossii i Irana [Relations between Russia and Iran]. Available at: <https://ria.ru/20190614/155535205.html> (Accessed 23 August 2019).
6. Sanaei M. O strategii i taktike vneshnei politiki IRI (regionalnii kontekst) [Foreign Policy Strategy and Tactics of Islamic Republic of Iran (regional aspect)] // Iran v usloviakh novikh geopoliticheskikh realii (k 40-letiiu Islamskoi revoliutsii) [Iran in the Face of New Geopolitical Realities (40 years of the Islamic Revolution)] (Ed. Dunaeva E.V.). M.: OOO “Sadra” Publ., 2019, p. 132-143.
7. Tishiar M. O razvitii irano-rossiiskogo sotrudnichestva [Cooperation between Iran and Russia] // Rossiisko-iranskiie otnosheniia. Problemi i perspektivi [Russia-Iran Relations. Problems and Perspectives] (Ed. Dunaeva E.V., Sazhin V.E.). M.: IV RAN, Tsent strategicheskoi koniunkturi Publ., 2015, p. 20-24.
8. Chernobrovkina E.P. Kontent-analiz v lingvisticheskikh issledovaniakh [Content Analysis in Linguistic Studies]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontent-analiz-v-lingvisticheskikh-issledovaniakh> (Accessed 22 July 2019).
9. Hamkariha-ye ostani-ye Iran-o Rusie be gostareh-e ravabet mianjamad [Regional Cooperation between Iran and Russia leads to Enhanced Relations]. Available at: URL: <https://www.irna.ir/news/83357738> (Accessed 22 July 2019).
10. Iran-o chesmandaz-e erteqa-ye jaygah-e mantaqei [Iran and Perspectives of its Regional Importance Growth] Available at: <https://www.irna.ir/news/82662275> (Accessed 15 September 2019).
11. Islamic Republic News Agency (IRNA). Available at: <https://www.irna.ir> (Accessed 22 August 2019).
12. KhabarOnline News Agency. Available at: <https://www.khabaronline.ir> (Accessed 22 July 2019).
13. Khamenei.ir. Available at: <https://www.khamenei.ir> (Accessed 22 August 2019).
14. President.ir. Available at: <https://www.president.ir> (Accessed 22 August 2019).
15. Rayzaniha-o taamol-e mas’ulan-e bolandpaye-ye Iran-o Rusiye dar ta’min-e manafe’-e do mellat-o mantaqei ast [Consultations and Collaboration between Iranian and Russian Leadership in the Context of Bilateral and Regional Interests]. Available at: <https://www.irna.ir/news/83478305> (Accessed 17 September 2019).
16. Sara Ma’sumi. Iran-o Rusiye: rabete-i ke imen az gazand nist [Iran and Russia: Vulnerable Relations] // Salname-ye 96 E’temad. Tehran: 1396. 320 c.
17. Zarif: mantaq-ye ma be gofteman-e darunmantaqei niyazmand-ast. [Our Region is in Need of the Intra-Regional Discourse]. Available at: <https://www.irna.ir/news/83511220> (Accessed 10 October 2019).

About the authors:

Elena L. Gladkova – PhD (Philology), Associate Professor, Head of Department of Indian, Iranian and African Languages, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: political discourse, morphology of modern Persian language, experimental phonetics. E-mail: e.gladkova@inno.mgimo.ru.

Natalia V. Melekhina – PhD (History), Associate Professor at Department of Indian, Iranian and African Languages, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: Urdu language, history and politics of Pakistan, cultural linguistics. E-mail: melekhina.natalia@gmail.com.

* * *

LENGUA Y CULTURA EN UNIDADES FRASEOLÓGICAS RELACIONADAS CON NOMBRES DE PROFESIÓN: TRADICIONES Y VALORES

И.В. Гусева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

El artículo está dedicado a la investigación de los giros fraseológicos de la lengua española que contienen nombres de profesión u oficio. Las expresiones idiomáticas son combinaciones de palabras que presentan mayor dificultad tanto en el transcurso del aprendizaje de una segunda lengua como en la comunicación intercultural en general. Las unidades fraseológicas españolas tienen como elemento varios nombres de profesiones (barbero, boticario, carbonero, carnicero, carpintero, carretero, cazador, cocinero, etc.) y oficios religiosos (abad, canónigo, capellán, cura, fraile, monje, obispo, párroco, sacristán). Hemos centrado nuestra investigación en 40 paremias con los oficios de cura y fraile. Basándonos en el análisis de los aspectos semánticos y en la interpretación cognitiva de las unidades fraseológicas hemos definido sus características denotativas, connotaciones estilísticas, expresivas e histórico-culturales. El estudio revela el evidente anticlericalismo de los refranes y dichos españoles y expone las posibles causas de las connotaciones negativas consagradas en la fraseología.

Palabras clave: fraseología, significado idiomático, mentalidad, evolución semántica, características cognitivas, sentido literal e idiomático, metáfora, connotaciones estilísticas, registro coloquial, refranero español.

Es bien sabido lo difícil que es interpretar correctamente los mensajes irónicos, humorísticos o eufemísticos del hablante de una lengua extranjera, pues para eso se requiere algo más que aprender palabras o reglas gramaticales porque vienen germinándose y desarrollándose en las mentes de la gente durante siglos y, por consiguiente, son el fruto de la experiencia secular de los representantes de una comunidad lingüística. Lo mismo se puede decir de la fraseología.

El significado idiomático de las unidades fraseológicas es el factor que muchas veces dificulta la comprensión entre hablantes de diferentes lenguas y deja impotente al traductor ante la ambigüedad de un contenido lleno de imágenes, simbolismo y matices. Dicha dificultad se deriva de la propia naturaleza de las expresiones idiomáticas y los modismos que representan en sí unas “manifestaciones culturales” orientadas a despertar en el receptor de

la información ciertas asociaciones y que denotan las “especificidades culturales” de los hablantes de la lengua [3, c.133].

Por experiencia propia sabemos qué difícil es explicar y aprender la fraseología y aunque de año en año los programas de estudios nos obligan a hacer hincapié en lo referente al español con fines específicos (derecho, economía, etc.) seguimos empeñándonos en dejar espacio en clase para hablar de estos temas, es decir, de todo el conjunto de las frases hechas, comparaciones fijas, modismos, refranes, etc. que son un brillante reflejo de lo típico, lo propio, lo nacional de cualquier comunidad lingüística por ser ellos el producto de la visualización y de la conceptualización morfológica muy especial directamente relacionada con la mentalidad de los hablantes de la lengua. En la complicada tarea de elegir entre la gran variedad de unidades fraseológicas nos ayudó el artículo de Javier Marías publicado en El País Semanal

en 2017. Bajo el título *Andanadas contra el diccionario* el autor nos presenta sus reflexiones respecto a las protestas contra la mención en el DRAE de algunas acepciones o términos como si esta supresión acabara con su uso. Además de las palabras obscenas y malsonantes algunos exigen suprimir tales palabras como *autista*, *cáncer*, *enano*, *cojo*, etc. por resultar ellas molestas para ciertos grupos de personas. Pero el autor tacha de “la más divertida” la reclamación de los panaderos que exigen excluir del diccionario el dicho *Pan con pan, comida de tontos*. Ironizando respecto a este tipo de censura el escritor supone que el siguiente paso podrían ser las exhortaciones de los bomberos a eliminar la expresión “*ideas de bombero*”, las de los barqueros de prohibir “*verdades de barquero*” y muchas otras.

Así que nos pareció curioso analizar las unidades fraseológicas cuyo elemento sea nombre de profesión u oficio. A continuación presentamos algunos resultados de nuestro estudio.

De acuerdo con los diccionarios españoles de refranes, dichos y frases hechas las siguientes profesiones, oficios o dedicaciones forman parte de las unidades fraseológicas: **barbero, boticario, carbonero, carnicero, carpintero, carretero, cazador, cocinero, herrero, juez, maestro, marinero, médico, militar (sargento, soldado), molinero, músico, panadero, pastor, pescador, policía, zapatero** y profesiones y oficios religiosos: **abad, canónigo, capellán, cura, fraile, monje, obispo, párroco, sacristán**. Estos últimos aparecen en la cuarta parte de todas las unidades fraseológicas con nombre de oficio o profesión, es decir, su cantidad supera con creces la presencia de otras carreras y ocupaciones en la fraseología española. Este hecho no parecerá nada sorprendente si reflexionamos sobre la etimología de la palabra profesión. Según el *Diccionario crítico etimológico castellano e hispano* de Joan Co-

romines la palabra *profesión* tiene sus orígenes en el verbo latino *profiteor* que significaba *dar a conocer o declarar oficialmente* y se refería exclusivamente a los que poseían cargos eclesiásticos y hablaban en público profesando la palabra de Dios. Pregonando los valores morales los curas aleccionaban tanto a la congregación de los fieles, como a sus discípulos. Así que se puede considerar que entre los primeros que empezaron a ejercer una profesión figuraban los curas y otros representantes de la iglesia que pronunciaban sermones u homilias propias del culto [4]. A lo largo de siglos, debido a la evolución semántica, la palabra *profesión* adquirió nuevos significados hasta convertirse en la que conocemos ahora: *empleo, facultad u oficio que alguien ejerce y por el que percibe una retribución*, sin perder, sin embargo, su interpretación inicial de *una ceremonia eclesiástica en que alguien profesa en una orden religiosa* [8].

Como fuentes lexicográficas nos hemos valido de los siguientes diccionarios:

- *Abecedario de dichos y frases hechas* de Guillermo Suazo Pascual,
- *Refranero multilingüe* del Centro Virtual Cervantes,
- *Diccionario de dichos y frases hechas* de Alberto Buitrago,
- *Diccionario fraseológico español-ruso* de E. Wolf,
- *Diccionario de refranes, dichos y proverbios* de Luis Junceda.

En ellos figuran las paremias que contienen los nombres de todas las profesiones y oficios religiosos, su cantidad es enorme y prácticamente todas ellas tienen carácter histórico y por eso requieren un análisis linguocultural. Hemos limitado nuestro estudio a paremias con solo dos oficios: cura y fraile. La interpretación cognitiva de los dichos y refranes ha permitido definir sus características cognitivas principales.

CURA:

PAREMIAS	CARACTERÍSTICA COGNITIVA
<i>Como el cura de Medina</i> – significa cambiar de opinión constantemente (en ruso tiene como equivalente “tener una semana siete viernes” por ser el viernes el día de la feria)	astucia
<i>Hija María, ¿con quién quieres casarte? Con el cura, madre, que no amasa y tiene pan.</i>	goce del bienestar sin mucho esfuerzo por lograrlo
<i>No se acuerda el cura de cuando fue sacristán</i> – sobre las personas que critican a los subordinados inexpertos olvidándose de sus propios fallos cuando eran de la misma categoría profesional.	Soberbia (incluida la valoración de acuerdo con el origen nacional)
<i>Bonito está el señor cura para contestar a sordos</i> – no está dispuesto a discutir con la gente.	
<i>¡Qué desgracia de pueblo, en el que hasta el cura es indio!</i> – En el siglo XVI el fraile dominico Tomás Cortés, escribía al Consejo de Indias quejándose de los indios incultos residentes en las tierras recién descubiertas del Nuevo Mundo [5, p. 180].	lujuria
<i>A casa del cura, ni por lumbre va una moza segura</i> – reprocha a los curas el deseo sexual excesivo.	

PAREMIAS	CARACTERÍSTICA COGNITIVA
<i>Nadie diga: "De esta agua no beberé y este cura no es mi padre"</i> [11, p. 288] – alude a las vueltas que da la vida y que uno nunca sabe qué le espera a la vuelta de la esquina por eso no debería decir "nunca" jamás.	lujuria
Cura de misa y olla – ignorar algo, no saber nada de un asunto. Proviene de curas escolásticos que eran reacios en atender su oficio religioso, incapaces de explicar nada de lo que predicaban porque lo habían aprendido de memoria sin profundizar en el contexto.	superficialidad e ignorancia
<i>Como el cura de mi lugar que no sabía decir misa más que en su misal.</i>	
<i>En menos que se santigua un cura</i> – es decir, muy rápido, alude a algunos curas que decían la misa de carrerilla sin entender nada y se santiguaban haciendo una especie de escorzo con la mano.	
<i>Cuando el cura llamó a Gabino, no dijo "Gabino ven", dijo "venga vino".</i>	propensión a tomar bebidas alcohólicas
<i>Acordarse uno de una cosa como del cura que le bautizó – significa no recordar algo en absoluto.</i>	poca importancia del oficio

FRAILE:

PAREMIAS	CARACTERÍSTICA COGNITIVA
<i>Ahí va un fraile; no irá en balde.</i>	avaricia
<i>Quien dijo fraile, dijo alforja y fraude</i> – alforja figura en el sentido de saco de lienzo que sirve para guardar las cosas.	
<i>Dos cosas no se pueden saciar: los frailes y el mar.</i>	
Frailes y monjas, del dinero esponjas – insinúa el refrán que sacan el dinero de uno bajo deferentes pretextos.	
Fraile que te agasaja, de ti quiere sacar raja – es decir, le trata con atención a uno porque quiere aprovecharse de él.	
Fraile que su regla guarda, toma de todos y no da nada – es decir el fraile está más dispuesto a recibir que dar.	
<i>El fraile descalzo se pone las botas de los demás</i> – es una comparación con un fraile mendicante que puede llevarse cualquier cosa de los demás.	
<i>Fraile de buen seso, guarda lo suyo y guarda lo ajeno.</i>	
<i>Tener la boca de fraile</i> – dicen con ironía de las personas aprovechadas que piden algo constantemente. Su historia está relacionada con los frailes de las "órdenes mendicantes" de la Edad Media que a mediados del siglo XIII daban el voto de pobreza y vivían de la caridad y gozaban de mala reputación.	goce del bienestar sin mucho esfuerzo por lograrlo
<i>Vivir como un fraile</i> - disfrutar de comodidades, vivir con holgura.	
<i>Fraile gordo y casado delgado, ambos cumplen con su estado.</i>	
<i>Aunque lo prediquen los frailes descalzos</i> – de algo difícil de creer.	falsedad
<i>Comerse a un fraile por un pie</i> – eufemismo de comer en exceso.	glotonería
<i>Comer a lo fraile</i> – gozar del proceso de alimentación sin que le falte nada.	
<i>Fraile que va a merendar, lleva un buen andar.</i>	ingratitude
<i>Mujer, fraile, rey y gato, cuatro ingratos.</i>	
<i>Fraile callejero, mujer que habla latín y golondrina en febrero, mal agüero.</i>	peligrosidad
<i>No te pongas entre dos aires, ni entre dos mujeres ni entre dos frailes</i> [6, p. 187].	
<i>Gorriones, frailes y abades, tres malas aves.</i>	
<i>Ni fraile por amigo ni clérigo por vecino.</i>	
<i>En el fraile y la mula, la coza es segura.</i>	
<i>El fraile en su convento, y bien dentro.</i>	
Frailes, ratas y pardales, nuestros enemigos mortales – pardal es una palabra desusada según el DRAE que nombra a los aldeanos que solían vestir de pardo.	poca fiabilidad
<i>Amistad de monja y fraile, puñado de aire.</i>	
<i>Del fraile flaco y cetrino, guardaos, dueños de él, que es un malino</i> – malino es el adjetivo desusado, sustituido en el lenguaje moderno por maligno.	lujuria
<i>Fraile que pide por Dios, pide para dos</i> – quiere decir que pidiendo en nombre de Dios, en realidad se queda con el dinero recibido.	astucia

PAREMIAS	CARACTERÍSTICA COGNITIVA
<i>Que lo pague el fraile</i> - que lo pague todo alguien, no se sabe quién, cualquiera, siempre que no sea yo. En ruso se dice que "lo pagará el tío" o, aún peor, que "¿Quién lo va a pagar o hacer? ¿Pushkin?" se dice de cualquier asunto del que nadie parece estar dispuesto de encargarse. Los expertos consideran que esta mención del famoso poeta ruso tiene sus orígenes en los años 30 del siglo pasado, es que en 1937 se conmemoró el centenario de la muerte de Alejandro Peshkin y se erigieron monumentos en su homenaje por todas partes y aparecieron varios retratos suyos en los lugares públicos. Se supone que eso contribuyó en gran medida a popularizar esta expresión ya que fue posible indicar a la imagen del poeta para preguntar si el interlocutor pretendía delegar sus obligaciones a él [1].	astucia
<i>A contar frailes, que dicen que falta uno</i> – según los historiadores viene de Andalucía y es un recuerdo de las malas épocas de hambrunas cuando en los conventos se reunían los frailes para repartir comida y a menudo se veían obligado a proceder al recuento de los presentes para cerciorarse de que no se han producido nuevas bajas para compartir justamente los alimentos entre los sobrevivientes. Es evidente el cambio del sentido del dicho pues ya nadie se acuerda de su matiz trágico, sino lo usan para insinuar que uno se ha marchado sin explicar nada y todo el mundo adivina a dónde se ha ido.	
<i>Llegar a la hora de fraile</i> – según la opinión popular los frailes solían presentarse a mendigar a la hora de comer y así además de la limosna podían saciar el hambre.	
<i>El diablo harto de carne se metió a fraile</i> – censura a las personas que dejan de tomar la vida a la ligera y empiezan a asumir compromisos y obligaciones solo cuando se hacen viejas y no están en condiciones de llevar la vida de antes. En otras palabras se contraponen la sabiduría de la vejez a la frivolidad de la juventud [10]. De todos los refranes con componente nombre de oficio religioso es el único que tiene equivalente fraseológico en el refranero ruso: «постригся черт в монахи» - el diablo se ha convertido en fraile.	sabiduría y experiencia
<i>Haber sido cocinero antes que fraile</i> – significa que uno antes de llegar a ser buen profesional en cierto campo ha desempeñado muchas otras actividades y, por consiguiente, puede opinar de ellas. Se debe el significado al hecho de que antiguamente muchos legos, que sin poseer un puesto clerical se colocaban en conventos de cocineros, acababan tomando los hábitos.	

Hemos analizado los aspectos semánticos y el significado del corpus de 40 refranes que contienen en su estructura las palabras *cura* y *fraile*. El estudio nos ha permitido sacar las siguientes conclusiones:

1. Desde el punto de vista denotativo son muy pocos los enunciados de carácter literal, es decir, locuciones cuyo significado se puede descifrar a partir de los elementos que la forman. Muchas combinaciones de esta índole son antiguas citas que con tiempo se integraron en el habla popular (ejemplo del corpus analizado: *¡Qué desgracia de pueblo, en el que hasta el cura es indio!*).

En cambio, la mayor parte de las locuciones analizadas son de carácter idiomático y su significado no es deducible de cada uno de los componentes (ejemplo del corpus analizado: *cura de misa y olla; tener la boca de fraile*). Resulta que tienen el doble efecto en el habla: son de mucha fuerza expresiva, pero no hieren al interlocutor porque le reprochan sus defectos o ironizan respecto a sus hábitos en forma muy eufemística.

Algunas unidades fraseológicas representan en sí un juego entre el sentido literal e idiomático (ejemplo del corpus analizado: *Cuando el cura llamó a Gabino, no dijo "Gabino ven", dijo "venga vino"*).

Los recursos expresivos mas frecuentes de las unidades fraseológicas son la metáfora (ejemplo del

corpus analizado: *El fraile descalzo se pone las botas de los demás*) y la metonimia (*tener la boca de fraile*, una metonimia conceptual: órgano por su función, más que de la boca se trata del habla y de la actitud).

2. Las connotaciones estilísticas (coloquiales, neutras, argóticas). El 70% de las unidades fraseológicas analizadas son del registro coloquial, algunos incluso con elementos que tienen marca de registro coloquial en los diccionarios. Es natural que así sea porque su uso es propio de conversaciones informales que se caracterizan por mayor expresividad (ejemplo del corpus analizado: *Frailes y monjas, del dinero esponjas; Amistad de monja y fraile, puñado de aire; Fraile que te agasaja, de ti quiere sacar raja*). El 30% son de connotación estilística neutra. A este grupo pertenecen todas las unidades fraseológicas de carácter literal y otras que sin tener en su estructura palabras vulgares ni argóticas de todos modos expresan ironía, reproche u otro tipo de valoración emocional.

3. Connotaciones histórico-culturales. Entre las unidades fraseológicas estudiadas se encuentran algunas que contienen palabras cuyo origen se debe a los acontecimientos históricos. Por ejemplo, el valor idiomático de la paremia *Haber sido cocinero antes que fraile* se inspiró en la época de la Edad Media. Por la misma razón algunas unidades fraseológicas

contienen lexemas difíciles de entender por ser ellas ya caídas en desuso (ejemplo del corpus analizado: **Frailes, ratas y pardales, nuestros enemigos mortales**). Otros son los que reflejan la transformación de cierto fenómeno en el transcurso de la evolución histórica de una comunidad lingüística (ejemplo del corpus analizado: *A contar frailes, que dicen que falta uno*) o que simplemente son el reflejo de las tradiciones y hábitos del pueblo (ejemplo del corpus analizado: **Fraile callejero, mujer que habla latín y golondrina en febrero, mal agüero**).

3. Connotaciones expresivas positivas o negativas. Como todas las unidades fraseológicas son apreciativas por su naturaleza se puede determinar la actitud expresada en ellas hacia los fenómenos, personas o cosas a que se refieren. El 99% de las unidades fraseológicas con las palabras *cura* y *fraile* denotan la actitud negativa a estos representantes del clero.

El anticlericalismo de muchos refranes de la lengua española se deriva, por una parte, de la contradicción entre lo que se predicaba desde el púlpito y la actuación de algunos representantes del clero, lo que incluso inspiró a Góngora a crear su famosa letrilla:

*Cura que en la vecindad
vive con desenvoltura,
¿para qué le llaman cura,
si es la misma enfermedad?* [12, p. 129]

Por otra parte, la presencia tan abundante de los representantes del culto religioso de por sí testimoniaría la estrecha relación entre el pueblo y la iglesia durante siglos y la importancia de la fe para las mentes de varias generaciones de los españoles porque la sabiduría popular sintetiza una imagen íntegra de un clérigo basándose en impresiones cotidianas de sus actuaciones habituales no solo en el transcurso de los ritos religiosos, sino en la rutina diaria.

Los mismos representantes del clero desde la antigüedad se mostraron muy críticos con los defectos y errores de sus coetáneos religiosos, basta con mencionar a José Francisco de Isla de la Torre y Rojo, novelista y religioso jesuita español, que bajo el nombre ficticio publicó a mediados del siglo XVI-II la *Historia del famoso predicador fray Gerundio de Campazas* que era una sátira burlesca de los malos predicadores. En general en los siglos XVIII – XIX la gente progresista de la Era de Ilustración, aunque no pretendía protestar contra el clero, exhortaba a reformar las instituciones clericales para erradicar la ociosidad y el abuso cometidos por algunos clérigos. Estas tendencias eran terreno abonado para que prosperaran sátiras, ironía, sarcasmo que con tiem-

po adquirirían su forma en el folclore popular convirtiéndose en paremias.

Desde aquella época eran constantes las ideas de recuperar los ideales de la moral y la primacía de lo espiritual sobre lo material en la iglesia. Estas ideas se arraigaron tanto que además de la lengua y literatura tuvieron su reflejo en todo un ramillete de expresión artística cuyo claro ejemplo son los *Caprichos* de Goya con su sátira frailesca que salta a los ojos.

En la época de Franco una fuerte persecución religiosa de los republicanos no contribuyó mucho a modificar la imagen del clero en el folclore popular. Aunque, en justicia, no se debe olvidar lo positivo aportado por la iglesia durante toda la historia de su existencia a la educación espiritual del pueblo a base de los valores universales para todas las religiones, lo que también ha encontrado su reflejo en la lengua. Pero, tal vez, en este caso la mente humana sigue más las reglas de psicología que afirma que si comparamos la cantidad de características positivas y negativas existentes en la lengua, las negativas ganan en cantidad (por ejemplo, en el Diccionario de la lengua rusa de Ozhegov editado en 1952 de más de mil adjetivos calificativos el 61% son negativos, es decir, el doble en comparación con los positivos) porque por intuición la gente tiende a verbalizar, definir y discutir lo negativo en detalles por considerarlo un peligro para la futura evolución. Mientras que lo positivo carece de tanto espacio en nuestras conversaciones, solemos omitir los pormenores limitándonos solo lo general.

Otra idea que no podemos pasar por alto es la crítica por parte de los lingüistas, escritores y filósofos españoles y sus dudas respecto al valor educativo de los refranes populares, así como la posibilidad misma de atribuirles la virtud de expresar la sabiduría basada en la experiencia del desarrollo. Por ejemplo, **Baltasar Gracián**, jesuita, escritor español del Siglo de Oro en su obra *Criticón* habla del “carácter contradictorio de los refranes y su falsedad. De lo mismo escribió **Benito Jerónimo Feijoo**, religioso benedictino y ensayista español, en su carta sobre la “Falibilidad de los adagios”, e incluso antes, **Juan de Mal Lara**, humanista y paremiólogo español del siglo XVI, consideraba que en el refranero recopilado en su época había no solo enunciados falsos, sino que algunos eran abiertamente inmorales, anticlericales o licenciosos” [9, p. 522].

En los estudios modernos esta contradicción de las paremias se considera muy lógica. Es que los refranes nacían e iban adquiriendo su forma actual en el seno del pueblo y es natural que en la vida co-

tidiana la gente hable más de lo material y de los conflictos y antagonismos sociales de su “pequeño mundillo” y no de los importantes sucesos de la historia del país o de sus héroes nacionales. Claro que para eso la gente se vale del léxico acostumbrado de los registros informales sin ningún tipo de ritualización [7, p. 12].

Como ya hemos dicho antes el refranero moderno español contiene una gran cantidad de refranes y dichos con los nombres de profesión u oficio religioso, pero, además, hay un sinfín de unidades fraseológicas que aunque no los tienen como elemento, deben su origen a los trámites de la rutina diaria de los sacerdotes, capellanes y otros ministros del culto religioso. Mencionaremos solo tres de ellos, pero existen muchos más.

Apaga y vámonos – se dice para dar por terminada alguna actividad porque ya no vale la pena dar más vueltas al asunto o cuando uno ya no quiere seguir escuchando algo absurdo o disparatado. El sacerdote gaditano José María Sbarbi en sus cuadernos de finales del siglo XIX atribuye la procedencia de este dicho a una disputa entre dos sacerdotes que, aspirando a ocupar el puesto de capellán castrense, debían probar la rapidez en oficiar la misa. El primero en vez de empezar la oración dijo: “Marchad, la misa está terminada” porque así solían terminar la misa en el rito latino y el otro se inclinó al monaguillo y le mandó: “Apaga las velas y vámonos, que ya está la misa dicha”.

Saber donde le aprieta el zapato a uno – es decir descubrir el punto débil de alguien o saber uno mejor que nadie qué le conviene. Una de las versiones de su aparición es un cuento popular español de un zapatero que se proponía separarse de su mujer y fue a confesarlo al cura del pueblo y antes de que este se pusiera a disuadirle, le mostró al cura sus zapa-

tos nuevos explicándole que aunque de aspecto eran elegantes, solo él sabía dónde le apretaban.

Tener mucha correa – significa no alterarse ante las bromas de la gente, aguantarlas con mucha paciencia. Es decir, imitar la actitud ante las desgracias de los monjes agustinos que a diferencia de las demás órdenes religiosas no llevaban cordón, sino una correa.

Los recursos léxicos de los que se vale una lengua para transmitir conceptos complicados, estrechamente relacionados con las tradiciones y hábitos más arraigados en una comunidad lingüística, los patrones sociales, los valores más apreciados, han sido ya objeto de un sinfín de investigaciones. Los culturemas o las unidades léxicas culturalmente marcadas usadas por cierta comunidad lingüística revelan la manera de percibir y conceptualizar la realidad y representan mayor dificultad para un extranjero en el transcurso del aprendizaje de una lengua extranjera desde el nivel inicial hasta avanzado. En la fraseología se fijan los parámetros más evidentes de la mentalidad española y, en cambio, las nominaciones idiomáticas del español consolidan las manifestaciones de la mentalidad nacional hispana [2, c.129]. Es evidente que para interpretar correctamente un enunciado en una lengua extranjera no basta simplemente analizar el componente lingüístico, sino se requiere un enorme bagaje de conocimientos extralingüísticos y experiencias culturales. En nuestro estudio hemos tratado de analizar solo algunas unidades léxicas culturalmente marcadas propias de hispanohablantes que a menudo son causa de incomprensión o interpretación incorrecta en la comunicación intercultural, pero en realidad es un tema inagotable que seguramente nos guarda todavía muchas sorpresas.

Referencias bibliográficas

1. Алексеева Л. Почему Пушкин делает всё за всех и откуда пошло выражение «дойти до ручки» // Аргументы и факты N 36, 09.09.2014
2. Иовенко В.А. Национальный менталитет и язык: испанцы и испанский. Ибероамериканские тетради. 2016, N 2, С. 127-131.
3. Карповская Н.В. Когнитивно-прагматический потенциал лексических единиц в свете перевода и межкультурной коммуникации // Ибероамериканские тетради. 2016. N 2(12). С. 132-138.
4. Оганова А.А. Концепт профессия в испанском и русском языковом сознании: Автореферат ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2015. 22 с.
5. Передерий Е. Б. Estereotipos y prejuicios étnicos en la fraseología española // Ибероамериканские тетради. 2014. № 1 (3). С. 177-185.
6. Ángeles Calero Fernánd M. Sexismo lingüístico: Análisis y propuestas ante la discriminación sexual en el lenguaje. Madrid: NARCES, 1999. 208 p.
7. Combet L. Los refranes: origen, función y futuro // Revista de investigaciones paremiológicas Paremia. N 5. 1996. pp. 11-22
8. DRAE. Edición del Tricentenario. Acceso: <https://dle.rae.es> (consulta 15.07.19)

9. Iglesias Ovejero A. La figura etimológica en la paremiología clásica // Estado actual de los estudios del Siglo de Oro. Estado actual de los estudios sobre el Siglo de Oro (Actas del II Congreso Internacional de la Asociación Internacional Siglo de Oro, Salamanca-Valladolid, 23-27 de julio de 1990), Ediciones Universidad de Salamanca, 1993. pp. 519-537
10. Sevilla Muñoz, J.; Zurdo Ruiz-Ayúcar, M. I. T. [dir.] (2009): Refranero multilingüe. Madrid. Instituto Cervantes (Centro Virtual Cervantes). Acceso: <http://cvc.cervantes.es/lengua/refranero/> (consulta 20.06.19.)
11. Suazo Pascual G. Abecedario de dichos y frases hechas. Madrid: EDAF, 2015. 395 p.
12. Universidad Pompeu Fabra Barcelona proyecto Todo Góngora. Poesía. Letrillas. Acceso: <https://www.upf.edu/todogongora/> (consulta 22.06.19)

Сведения об авторе:

Гусева Ирина Валериевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера профессиональных интересов: лингвострановедение, культурология.
E-mail: irina.1007@mail.ru.

LANGUAGE AND CULTURE IN PHASEOLOGICAL UNITS RELATED TO PROFESSION NAMES: TRADITIONS AND VALUES

I.V. Guseva

Moscow State Institute of International Relations (University)
76, Prostct Vernadskogo, Moscow 119454, Russia

Abstract: *The article is dedicated to the investigation of the phraseological expressions in the Spanish language that contain names of profession or trade. Idiomatic expressions are combinations of words that present greater difficulty in the process of learning a second language and in intercultural communication in general. Spanish phraseological units include several names of professions (barber, apothecary, coal, butcher, carpenter, carter, hunter, cook, etc.) and religious occupations (abbot, canon, chaplain, priest, friar, monk, bishop, parish priest, sacristan). We have focused our research on 40 paremias related to the occupations of priest and friar. Based on the analysis of semantic aspects and the cognitive interpretation of phraseological units, we have defined their denotative characteristics, stylistic, expressive and historical-cultural connotations. The study reveals the obvious anticlericalism of Spanish sayings and proverbs and exposes possible causes of the negative connotations developed in phraseology.*

Key Words: *phraseology, idiomatic meaning, mentality, semantic evolution, cognitive characteristics, literal and idiomatic sense, metaphor, stylistic connotations, colloquial register, Spanish proverb.*

References

1. Alekseeva L. Pochemu Pushkin delaet vsyo za vsekhi i otkuda poshlo vyrazhenie «doiti do ruchki» [Why is Pushkin doing everything for everyone and where did the expression “reach the end of the line” come from] // Argumenty i fakty [arguments and facts] N 36, 09.09.2014
2. Iovenko V.A. Nacional'ny mentalitet i iazyk: ispantsy i ispansky. [National mentality and language: Spaniards and Spanish] Iberoamerikanskije tetrady [Ibero-American notebooks]. 2016, N 2, pp. 127-131.
3. Karpovskaya N.V. Kognitivno-pragmaticheskiy potentsial leksicheskikh edinit v svete perevoda i mezhkul'turnoi kommunikatsii [Cognitive-pragmatic potential of lexical units in translation and intercultural communication] // Iberoamerikanskije tetrady [Ibero-American notebooks]. 2016, N 2(12). pp. 132-138.
4. Oganova A.A. Kontsept professii v ispanskom i russkom iazykovom soznanii [Concept profession in the Spanish and Russian language consciousness]: Avtoreferat ... kand. filol. Nauk [Abstract of dissertation for the degree of candidate of philological sciences]. Piatigorsk, 2015. 22 p.
5. Perederiy E. B. Estereotipos y prejuicios étnicos en la fraseología española // Iberoamerikanskije tetrady [Ibero-American notebooks]. 2014, № 1 (3). pp. 177-185.
6. Ángeles Calero Fernánd M. Sexismo lingüístico: Análisis y propuestas ante la discriminación sexual en el lenguaje. Madrid: NARCES, 1999. 208 p.

7. Combet L. Los refranes: origen, función y futuro // Revista de investigaciones paremiológicas Paremia. N 5. 1996. pp. 11-22
8. DRAE. Edición del Tricentenario. Acceso: <https://dle.rae.es> (consulta 15.07.19)
9. Iglesias Ovejero A. La figura etimológica en la paremiología clásica // Estado actual de los estudios del Siglo de Oro. Estado actual de los estudios sobre el Siglo de Oro (Actas del II Congreso Internacional de la Asociación Internacional Siglo de Oro, Salamanca-Valladolid, 23-27 de julio de 1990), Ediciones Universidad de Salamanca, 1993. pp. 519-537
10. Sevilla Muñoz, J.; Zurdo Ruiz-Ayúcar, M. I. T. [dir.] (2009): Refranero multilingüe. Madrid. Instituto Cervantes (Centro Virtual Cervantes). Acceso: <http://cvc.cervantes.es/lengua/refranero/> (consulta 20.06.19.)
11. Suazo Pascual G. Abecedario de dichos y frases hechas. Madrid: EDAF, 2015. 395 p.
12. Universidad Pompeu Fabra Barcelona proyecto Todo Góngora. Poesía. Letrillas. Acceso: <https://www.upf.edu/todogongora/> (consulta 22.06.19)

About the author:

Guseva Irina Valerievna – PhD in Philology, Associate Professor of Spanish Language Department, MGIMO-University (Russia, Moscow). Spheres of professional interest: culture-oriented linguistics, Mexican Spanish, mentality and linguistic world-image of Spanish-speaking people. E-mail: irina.1007@mail.ru.

* * *

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ: РИТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М.М. Полехина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
(Одинцово), 143007, Одинцово, Ново-Спортивная, 3.

Автобиографическая проза Цветаевой рассматривается в статье с точки зрения риторических стратегий. Повествование в текстах Цветаевой структурировано внутренними переживаниями автора: представленные события субъективно окрашены, оценочны. Авторские стратегии определяются характером субъекта повествования, содержанием создаваемого текста и его подтекстом. Произведения Цветаевой ориентированы на подготовленного читателя, обладающего системой культурно-философских представлений и ожиданий. Взаимодействие автора и читателя предполагает наличие общей памяти, понимание культурно-исторического контекста, слияние вопроса, поставленного адресантом, с ожидаемым ответом, данным читателем при рецепции текста. Реципиент активно включается в процесс сопереживания, когнитивное пространство текста становится предметом интерпретаций. В ходе чтения субъект восприятия мысленно создаёт свой собственный текст, отражающий глубину и степень понимания оригинала, а также избранный ракурс его трактовки. Риторический аспект исследования текста предусматривает не только выявление глубинного постижения читателем смысла повествования, но и обнаружение тех качественных изменений в сознании реципиента, которые являются результатом подобного взаимодействия. Речь идёт о расширении представлений о культурно-историческом контексте эпохи, о Цветаевой как величайшем художнике XX века, о жанровых особенностях и философско-этическом значении её автобиографической прозы.

Ключевые слова: Цветаева, автобиографическая проза поэта, позитивная самопрезентация, риторика, реципиент, культурный диалог.

Риторический аспект автобиографических текстов Цветаевой представляет, на наш взгляд, большой интерес для исследователей художественного мира поэта, определения характера взаимоотношений автора с читателем, уяснения философско-этических стратегий цветаевского творчества. Отражая систему взаимодействия *автор – текст – читатель*, поэтическая риторика текста рассматривается нами как его смысловая, концептуальная насыщенность, устремлённость к выражению аксиологических категорий (истины, добра и красоты), воспринимаемых реципиентом текста как побуждение к осмыслению авторского опыта и переосмыслению собственного. Ситуация диалогического взаимодействия, характерного для риторического дискурса, предполагает наличие у участников

диалога взаимопонимания и эмпатии, общих философско-этических представлений, берущих начало в культурно-историческом контексте.

Чтение, по мнению Цветаевой, есть соучастие в творчестве, поэту важно было найти подобного соучастника, восприимчивого собеседника, вдумчивого и отзывчивого соавтора. В период эмиграции вопрос об адекватном адресате стоял для поэта особенно остро. В начале 1930-х годов Цветаеву не оставляло чувство одиночества, ощущение выброшенности из среды, невостребованности её поэзии. Во Франции Цветаеву почти не печатали, она теряла аудиторию, которая была ей крайне необходима, не было и постоянных, заинтересованных в поэте издателей. В основе обращения Цветаевой к прозаической форме повествования лежал поиск новых

средств и способов самовыражения, сознательное «конструирование» художественных текстов. Исследователи литературы говорят о потребности поэта сформировать «собственную мифологию прошедшего» [3, с. 45], рассказать о тех нравственно-этических императивах (добра, красоты, справедливости), которые определяли позицию художника вопреки социальным установкам и сложившимся на тот момент взаимоотношениям с близкими (об этом свидетельствуют письма Цветаевой к А. Тесковой, Г. Буниной, Н. Гайдукевич и др.). Здесь уместно вспомнить признание Осипа Мандельштама, озвученное им ещё в начале 1920-х годов, о «бессилии психологических мотивов перед реальными силами» мира, о людях, «выброшенных из своих биографий, как шары из бильярдных луз» [7, с. 204]. В основе постреволюционных мемуаров и автобиографических произведений, появившихся в России и за её пределами в 1920 – 1930-е годы, лежало естественное желание преодолеть такую «выброшенность»: художник пытался связать воедино разорванные отрезки исторического времени, восстановить целостность отдельной человеческой жизни.

Для писателей, оказавшихся вдали от родины, обращение к истокам своего пути стало значимым моментом в судьбе. «Моя тоска по родине лишь своеобразная гипертрофия тоски по утраченному детству» [15], – писал В. Набоков в романе «Другие берега». Детство воспринималось писателем навсегда потерянным раем. В этом отношении для Цветаевой важна была сама стратегия позитивной самопрезентации: в пространстве новой художественной формы необходимо было заявить о сущностных, ценностных компонентах своей личности. Данная стратегия исключает какие-либо негативные характеристики субъекта повествования, они не могли быть извлечены и из содержания текста [13, с. 50]. В период жёсткой регламентации мемуарного жанра литературы, когда автобиографическую прозу пытались поставить на новую идеологическую почву, ориентировать на читателя, сформированного новой эпохой, утратившего связь с прошлым, социальной средой, культурой, произведения Цветаевой стали «способом личностного самообозначения и самовыявления» [9, с. 8]. Усилению положительного прагматического эффекта способствовала и особая энергетика цветаевского текста с яркой метафорической образностью языка, богатством и разнообразием риторических фигур:

перифразами, гиперболами, анафорами, эпитомами и антитезами.

Цветаева определённым образом моделирует аудиторию, к которой обращается, используя классический риторический приём привлечения внимания – воображаемый диалог с читателем, которого Цветаева так или иначе прогнозировала, но на которого не могла в полной мере рассчитывать. В письме к Анне Тесковой Цветаева писала: «В России я поэт без книг, здесь – поэт без читателей. То, что я делаю, никому не нужно. <...> Мне в современности места нет» [10, с. 83]. Отдавая предпочтение жанрам документальным, сопряжённым с «человеческим документом», ещё в 1923 году в эссе, посвящённом Волконскому, Цветаева признавалась: «Вымышленные книги сейчас не влекут» [11, V, с. 246], а в письме к В. Буниной от 24 августа 1933 года заметила: «Я, конечно, многое, ВСЁ, по природе своей иносказую, но думаю – и это жизнь. Фактов я не трогаю никогда, я их только – толкую. Так я писала все свои большие вещи» [12, VII, с. 247]. Когнитивное пространство автобиографических текстов («Башня в плюще» (1933), «Дом у старого Пимена» (1933), «Жених» (1933), «Музей Александра III» (1933), «Хлыстовки» (1934), «Сказка матери» (1934), «Мать и музыка» (1934), «Чёрт» (1935) и др.) становится предметом интерпретации для исследователя литературы.

Обращаясь к воспоминаниям своего детства, Цветаева прибегает к новым риторическим техникам, причём стремится не столько к визуализации изображаемого, сколько к воссозданию определённых ощущений от описываемого, к приёмам, близким к репрезентации потока сознания. Цветаева рассчитывает на адекватную реакцию читателя, знакомого с её творчеством, способного увидеть, разгадать, вскрыть тайный смысл её текста, и одновременно, за единичным фактом увидеть общие явления. В процессе прочтения текста субъект восприятия мысленно создаёт свой собственный текст, отражающий глубину и степень интерпретации оригинала. При определённом прагматизме, о котором мы уже говорили, тексты художника пронизаны исповедальными интонациями, они структурируются внутренними переживаниями субъекта речи: автор проводит своих героев через цепь испытаний, чтобы выявить их значимость или отсутствие таковой в судьбе главной героини повествования.

Автобиографический характер представленного материала просматривается в узнаваемости

персонажей, в их портретных зарисовках, поступках, несобственно-прямой речи. Для Цветаевой важно было в этот сложный для неё период, когда отношения с Ариадной достигают крайней точки эмоционального конфликта, воссоздать высокую атмосферу цветаевского дома, её особый дух, и в намерении снять возникшее между матерью и дочерью отчуждение ещё раз напомнить «кто ты и откуда». Многоголосие сцен, полифония фрагментов воспоминаний, преобладание внутренних переживаний над внешними действиями, афористичность авторской речи, её смысловая насыщенность представляют особый стиль цветаевской прозы. Некоторая размытость предметных реалий в описании отдельных сцен, пейзажей, интерьеров, разорванность синтаксических конструкций, недосказанность, недоговорённость в воссоздании отдельных фрагментов повествования – всё это предполагает декодирование художественных приёмов автора, реконструкцию культурно-значимых смыслов. Ассоциативный принцип повествования, отсутствие каких-либо переходов от одного фрагмента к другому, ослабление связей между отдельными образами и структурами вызывают при обращении к тексту потребность возвращения к его началу, включённость таким образом читателя в процесс общения, его постоянную настроенность на продуцирование «своего» текста. В этом смысле монологическое повествование Цветаевой всегда диалогизировано.

Хорошо известно, что детство поэта не было страной безусловного благополучия, об этом свидетельствуют все историки литературы, исследовавшие творчество Цветаевой (А. Акбашева, С. Ельницкая, Е. Коркина, И. Кудрова, Е. Лаврова, В. Лосская, Н. Осипова, А. Павловский, М. Разумовская, А. Саакянц, И. Шевеленко и др.). Ко времени обращения к прозе у Цветаевой вышло четыре сборника стихов («Вечерний альбом» и «Волшебный фонарь», а также «Юношеские стихи» и «Версты I»), читателями она воспринималась состоявшимся поэтом со своей манерой письма, своими интонациями, своим узнаваемым цветаевским голосом. В первые пореволюционные годы Цветаева создаёт дневниковую прозу, основанную на объективации изображаемого, преследуя цель максимально передать колорит эпохи («Октябрь в вагоне», «Вольный поезд», «Мои службы», «О любви», «Чердачное» и др.). В дневниковой прозе целью изображения становится воссоздание примет внешнего мира, внешних обстоятельств жизни

стремление запечатлеть сиюминутные бытовые подробности происходящих событий, особенности перемен, характеры случайно встреченных людей, их судьбы. На первом плане оказывается выражение языковой полифонии, когда уличная разговорная речь персонажей перемежается репликами высокого поэтического стиля авторского самовыражения. С одной стороны, наблюдаются рубленые конструкции, парцелированные фрагменты речи соучастников полифонического действия, с другой стороны, показательны содержательные, концептуальные блоки спонтанной авторской речи. Здесь очевидна установка Цветаевой на объективность воспроизведения ситуаций и характеров, тогда как в её прозе 1930-х годов субъективность видения мира станет превалирующей чертой стиля [1, с. 154].

Автобиографическая проза Цветаевой 1930-х годов характеризуется новыми чертами поэтики: ослабленной событийностью и усилением эмоционально-чувственных компонентов, лиризмом и интимностью интонаций, особым, неповторимым цветаевским ритмом: пульсирующим, внезапно обрывающимся, оттеняющим напряжённые ситуации и переломные моменты в повествовании: «Мать точно заживо похоронила себя внутри нас – на вечную жизнь. Как уплотняла нас невидимостями и невесомостями, этим навсегда вытесняя из нас всю весомость и видимость. И какое счастье, что всё это была не наука, а Лирика, – то, чего всегда мало, дважды – мало: как мало голодному всего в мире хлеба, и в мире мало – как радия, то, что само есть – недостаток всего, сам недостаток, только потому и хватающий звезды! – то, чего не может быть *слишком*, потому что оно – само *слишком*, весь излишек тоски и силы, излишек силы, идущей в тоску, горамидвигающую» [11, V, с. 14].

Значимыми, подчёркивающими смысловую нагрузку текста становятся эллиптический синтаксис, а также разного рода поэтические инверсии, риторические фигуры, рифмы: «Мать не воспитывала – испытывала: силу сопротивления, – подастся ли грудная клетка? Нет, не подалась, а так раздалась, что потом – теперь – уже ничем не накормишь, не наполнишь. Мать поила нас из вскрытой жилы Лирики, как и мы потом, беспощадно вскрыв свою, пытались поить своих детей кровью собственной тоски. Их счастье – что не удалось, *наше* – что удалось!» [11, V, с. 14]. Мелодию цветаевской прозы особым образом структурирует и поддерживает

рифма (не воспитывала/испытывала; не подавалась/раздалась; не накормишь/не наполнишь и др.). Рифма в структуре прозаических текстов, по мнению Н. Фатеевой, «без специального графического оформления в структуре прозы создаёт подобие стиховой членимости» [8, с. 366], позволяет читателю осуществить ту работу, которая выполняется при чтении метризованных рифмованных отрывков. Исследователи Цветаевой говорят о миниатюризации её поздних прозаических текстов как ярчайшем признаке проникновения в прозу стиховых элементов [4, с.19].

Детальное описание вещного мира в «Доме у старого Пимена» подчинено психологическим характеристикам героев: «красный туфелек (так мы говорили в детстве) с каблуком высотой в длину ступни (Ну уж и ножки их были крошечки!)», «белая шаль, бахромой метущая землю – красный коралловый гребень», «кораллы: в семь рядов ожерелье», «с красным огнём и даже вином внутри – гранаты» ...» [11, V, с. 106]; «... Надя, живая, – каштановая и розовая, вся какая-то жгуче-бархатная, как персик на солнце, в своей гранатовой (Прозерпина!) пелерине, которую двуединым жестом озноба то распахивает, то смыкает, – о нет, не в саване! Миф савана не знает, все живые, живыми входят в смерть, кто – с веткой, кто – с книжкой, кто с игрушкой...» [11, V, с. 112]; «Это был смертный дом. Всё в этом доме кончалось, кроме смерти. Кроме старости. Все: красота, молодость, прелесть, жизнь. Всё в этом доме кончалось, кроме Иловайского» [11, V, с. 110].

Ведущую роль в визуализации изображаемого играет подтекст, событийность повествования растворяется в глубине пронзительных откровений субъекта речи о взаимоотношениях героев. С одной стороны, автор тяготеет к повторам, многословию – включённости адресата в общее действо, с другой стороны, к недоговорённости, фрагментарности описаний, трепетности и пронзительности откровений, слабым очертаниям намёков, за которыми всегда стоит тайна, предполагающая соучастие в творческом процессе. Так почти мистически присутствовала в судьбе маленькой Марины уже умершая Надя Иловайская, присутствовала в снах, запахах, знаках и воспоминаниях каждого дня: «... эта любовь была – тоска. Тоска смертная. Тоска по смерти – для встречи. Нестерпимое детское «сейчас!». А раз здесь нельзя – так не здесь. Раз живым нельзя – так «Умереть, чтобы увидеть

Надю» – так это звалось, твёрже, чем дважды два, твёрдо, как «Отче наш», так бы я со сна ответила на вопрос: чего я больше всего хочу...» [11, V, с. 131]. Характерно, что каждый концептуально значимый эпизод заканчивается повторяющейся риторической формулой, выражающей смысловую доминанту текста: «Всё в этом доме кончалось, кроме смерти» [11, V, с. 110]; «Мама, мы скоро умрём...» [11, V, с. 126]; «Умереть, чтобы увидеть Надю» [11, V, с. 131].

Историко-биографические факты вводятся автором в повествование фрагментарно, лёгкими вкраплениями, поскольку они необходимы для понимания истоков формирования характера героини, её самоидентификации, мотивированности некоторых её поступков. Цветаева будто подводит итоги прошедшему, показывает наиболее важное, существенное, стараясь в чём-то оправдать свое сегодняшнее, а, может быть, и объяснить свои некоторые проступки. Через отдельные штрихи, намёки, контуры образных характеристик Цветаева будто приглашает читателя в соавторы, позволяя делать собственные предположения. Лаконизм формы и смысловая насыщенность повествования делают текст густым, символичным, расширяя границы интерпретационного поля. Ироничный взгляд в прошлое настраивает читателя на определённый уровень восприятия: попытку разделить напряжённое ощущение ускользающего времени, распознать подмену ценностей.

«Поэт – среди непоэтов» – одна из сквозных тем автобиографических произведений «Мать и музыка», «Сказка матери», «Хлыстовки». «Отлично сознавая собственный разлад с обыденной реальностью, Цветаева настойчиво вглядывалась в его истоки. И это одна из причин ее упорного возвращения к характеристике «странной особи человеческой» – поэта, живущего с обнажённым сердцем и не умеющего, как правило, легко справляться с земным порядком вещей. Цветаева усматривает здесь некую жестокую закономерность, проявление своеобразного закона природного равновесия – одно за счёт другого» [5, с. 83]. Было отдано предпочтение тайному, запретному и желанному, тогда же обнаружилась «полная обратимость, взаимозаменяемость добра и зла и всех в общепринятом смысле полярных понятий» [2, с. 238]. Исключая всякое зло из своего детского мира-рая, Цветаева признавалась в вечной боязни, «обжигавшем её страхе» – «небесное не принять за земное» [11, V, с. 49]. В очерке «Чёрт» поэт приглашает

читателя в соавторы своего откровенного, почти крамольного повествования, провоцируя на признание своей позиции, своего смелого бунтарского самовыражения. Открытые, порой пафосные интонации, риторические обращения к воображаемому объекту и самохарактеристики внутреннего Я героини повествования, высокая стилистика поэтической речи, анафорические строки цветаевского письма погружают реципиента в стихию субъективности авторского слова: «Грозный дог моего детства – Мышатай! Ты один, у тебя нет церквей, тебе не служат в купе. Твоим именем не освещают ни плотского, ни корыстного союза. Твоё изображение не висит в зале суда, где равнодушие судит страсть, сытость голод, здоровье – болезнь: всё то же равнодушие – все виды страсти, всё та же сытость – все виды голода, всё то же здоровье – все виды болезни, всё то же благополучие – все виды беды. Тебя не целуют на кресте насильственной присяги и лжесвидетельства. Тобой, во образе распятого, не зажимает рта убиваемому государством его слуга и соубийца – священник. Тобой не благословляются бои и бойни. Ты в присутственных местах – не присутствуешь. < ... > Если искать тебя, то только по одиночным камерам Бунта и чердакам Лирической Поэзии. Тобой, который есть – зло, общество не злоупотребило» [11, V, с. 56].

В ходе восприятия авторского текста читатель мысленно создаёт свой собственный текст, отражающий глубину и степень понимания оригинала, собственный ракурс прочтения. Можно интерпретировать текст «Чёрт» как рассказ о пробуждении бурной фантазии ребёнка, вообразившего для себя домашнего друга, способного разделить часы одиночества в ситуации крайнего отчуждения: «Он и матери моей не знал, такой одинокой. Он даже не знал, что у меня есть мать. Когда я была с ним, я была – его девочка, его чёртова сиротинка. Чёрт в меня, как в ту комнату, пришёл на готовое. Ему просто нравилась комната, тайная красная комната – и тайная красная девочка в столбняке любви на пороге» [11, V, с. 37]. С именем Чёрта связано у Цветаевой повествование о выстраивании миров, где миф о Вожатом души занимает доминирующее положение: «Ты обогатил моё детство на всю тайну, на всё испытание верности, и, больше, на весь тот мир, ибо без тебя бы я не знала, что он – есть» [11, V, с. 54]. Именно с этого Вожатого души и сформировалось в мифопоэтике Цветаевой представление о другой,

более совершенной реальности. В пучины неизвестного уводит цветаевский Крысолов детей из немецкого города Гамельна, чтобы сохранить их незапятнанные души. Интерпретация текста о Чёрте может восходить и к рассказу-признанию о «другом», выбивающемся из круга «своих», о непохожем, страшном, непредсказуемом, порочном, но завораживающем, а потому неизменно влекущем. Ретроспективно этот образ соотносится с образом цветаевского Молодца, которому вопреки всякой логике героиня отдаёт свою душу, принося в жертву чудовищному упырю своих близких, навсегда оставляя свой прежний мир во имя огонь-сини, во имя влекущего душу инобытия. Интерпретация текста в таком случае – это и ответ на вопрос о функционировании текста в сознании реципиента, обнаружении им новых связей и возможности собственного прочтения последующих текстов с признанием предыдущих.

Риторическими интонациями Цветаевой о пробуждении души будущего поэта пронизано повествование рассказа «Хлыстовки». В описаниях истории Христа и Богородицы, в картинах хлыстовского дома, пейзажах старого яблоневого сада запечатлены представления будущего поэта о просторе, свободе, любви. Хлыстовский дом рисуется автором как вход в иное пространство, в иной мир: «Ихнее гнездо хлыстовское было, собственно, входом в город Тарусу, – вспоминает Цветаева. ...Это был вход в другое царство, этот вход сам был другое царство, затянувшееся на всю улицу...» [11, V, с. 93]. Озарением стало осознание входа выходом из Тарусы, из себя прежней, «из всех Тарус, стен, уз, из собственного имени...» [11, V, с. 93]. Прекрасное и уродливое, порочное и колдовское, тайное завораживали и очаровывали маленькую Марину, притягательны были речи хлыстов: «Ай Марина-малина, чего ж ты такая зелёная? Рано встала, голубка? Не проспалась, красавица? – Кирилловны – окружая, оплетая, увлекая, передавая из рук в руки, точно вовлекая меня в какой-то хоровод, все сразу и разом завладевая мной, словно каким-то своим общим хлыстовским сокровищем... Маринушка, красавица, оставайся с нами, будешь наша дочка, в саду с нами жить будешь, песни наши будешь петь...» [11, V, с. 97].

Мелодичность авторского повествования, ритмический, сказовый характер диалогов, выразительность авторских ремарок, яркая метафоричность языка – всё это узнаваемые стилистические черты цветаевского письма. Необычны и

характеры персонажей, к которым обращается автор, их намерения, особенности поведения, психологические состояния. Органично в рассказ о хлыстовках вписывается история Христа и Богородицы, приходивших в старый запущенный сад Тарусы за яблоками. И облик их, одного и другого, так много в себе заключал таинственного, непривычного, и вместе с тем обыденного, узнаваемого, что вся эта история прочитывалась в едином контексте и внушала мистический трепет. Автор снимает всякие попытки дать однозначные оценки происходящему, размывая категоричность суждений и умозаключений в интерпретации сцен, персонажей, характеров. За очерковым описанием летней прогулки в Тарусу легко прочитываются картины тайных предчувствий и влечений маленькой Маруси: завораживает сцена со старой Богородицей, набивающей яблоками холщовые мешки, и шествующим за ней Христом, «рыжим, худым, с раздвоенной бородой...», привлекает их необычное пение о зелёных садах, её грубое, мужское (шмелиное) и его тонкое, женское, скорее комариное, и, наконец, описание хлыстовок с решетом, полным ярких, красных, душистых ягод, сладостный сок которых истекал сквозь решето, вызывая множественные ассоциации. А. Эткинд, рассматривая мифопоэтическую составляющую рассказа, писал: «...в личном мифе Цветаевой, каким он отразился в тексте, ягоды в хлыстовском саду – плоды дерева жизни и творчества; яблоки в тарусском саду – плоды дерева познания и смерти. В цветаевском “райском видении” хлыстовского сада точно как в шестовском раю до падения: нет зла, нет знания, нет выбора» [14, с. 572]. Противоположную точку зрения, которую мы разделяем, выражает С. Лютова: «...всем описаниям в «Хлыстовках» предаётся тайный, сакральный смысл: «кормления-причащения цветущей маскулинности», и в ягодном раю Цветаевой, безусловно, есть зло, есть знание, есть выбор» [6, с. 400]. Яркий, образный язык повествования завораживает и вовлекает реципиента в динамичное пространство художественного текста: многочисленные повторы, выразительные поэтические фигуры с риторическими обращениями и восклицаниями, силлогизмами и параллелизмами, рифмованные конструкции, придающие стилю особый фольклорный колорит, предполагают включённость адресата в процесс творческого взаимодействия, продуцирования им новых интерпретаций текста.

Таким образом, проведённое нами исследование подтверждает риторическую природу цветаевского текста, его выразительность, полемичность, экспрессивный характер изобразительно-выразительных средств, амбивалентность художественного мира, высокую степень эмоционального воздействия. Автобиографическая проза Цветаевой ориентирована на подготовленного реципиента, сверхадресата, обладающего определённой системой культурно-философских представлений и ожиданий. Исследование цветаевских текстов позволяет утверждать, что для реализации сверхзадачи автором используется диалогизированный монолог. Ситуация диалогического взаимодействия предполагает наличие у участников диалога взаимопонимания и эмпатии, общих философско-этических представлений, берущих начало в культурно-историческом контексте. Установка на рефлексирующее восприятие художественного текста прослеживается с первых фрагментов авторского повествования: реципиент включается в процесс сопереживания, когнитивное пространство текста становится предметом углубленных и неоднозначных интерпретаций. Антитеза, эксплицированная автором на уровне структуры текста, системы художественных образов, а также аргументация, привлекаемая Цветаевой в качестве подтверждения своей позиции, усиливают эмоциональное воздействие повествования. Многоточия, восклицательные и вопросительные знаки, тире – всё, что представляет богатую партитуру цветаевского текста, расширяет художественное пространство произведения и его интерпретационное поле. Авторское Я, продуцируя психолого-соматическое Я - *поэта*, воздействует на адресата, актуализирует техники, направленные на толкование глубинных слоёв текста. Здесь важными оказываются этическая позиция интерпретатора текста, система ценностных ориентиров создателя анализируемого текста и его реципиента. В автобиографической прозе Цветаевой творчески преломляются картины прошлого, и это не попытка запечатлеть «другого» в зафиксированном пространстве идеального мира, а желание показать становление творческой личности в сложных перипетиях времени. Проза Цветаевой расширяет представления читателя о культурно-историческом контексте эпохи и о её лучших художниках как трансляторах этических и эстетических ценностей. Опыт исследования риторических аспектов автобиографической прозы Цветаевой может являться началом большой работы по изучению взаимодействия риторического и художественного дискурсов.

Список литературы

1. Андреева Е.И., Иващенко Е.Г. Дневниковая проза Марины Цветаевой // Вестн. Амур. гос. ун-та. сер. : Гуманитар. Науки, 2011. С. 151–154.
2. Буртин Д.Л. Марина Цветаева и трансгрессивный эрос / Статьи. Исследования. Перевод с англ. С. Сивак. СПб., 2000. 238 с.
3. Иващенко И.Г. Стиховое начало в прозе Марины Цветаевой. // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. 2011. №2. С. 45–52.
4. Канищева Е.В. Ритм прозы М. Цветаевой: автореф. дис... к-та филол. наук / Е.В. Канищева. Самара, 2013. 23 с.
5. Кудрова И. Вёрсты, дали... Марина Цветаева: 1922–1939. М., 1991. 368 с.
6. Лютова С.Н. Архетипы сафического эротизма в прозе М. Цветаевой (Земляника под древом познания). / «Чужбина, родина моя!» Эмигрантский период жизни и творчества Марины Цветаевой. XI Международная научно-тематическая конференция (9–11 октября 2003 года). Сборник докладов. М., 2004. С. 389–400. 562 с.
7. Мандельштам О. Конец романа // Мандельштам О. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 203–204.
8. Фатеева Н.А. Стих и проза как две формы существования поэтического идиостиля : дис. ... д-ра филол. наук / Н.А. Фатеева. М., 1996. 607 с.
9. Хазан В. Предисловие / «Чужбина, родина моя!» Эмигрантский период жизни и творчества Марины Цветаевой. XI Международная научно-тематическая конференция (9–11 октября 2003 года). Сборник докладов. М., 2004. С. 3–8. 562 с.
10. Цветаева М.И. Письма к Анне Тесковой. Болшево: Мемориальный Дом-музей Марины Цветаевой в Болшеве, 2008. 512 с.
11. Цветаева М. Собр. Соч. в 7 т. Т. V. М., 1994. 720 с.
12. Цветаева М. Собр. Соч. в 7 т. Т. VII. М., 1994. 848 с.
13. Чикилева Л.С. Риторический дискурс: когнитивно-прагматический и структурно-стилистический аспекты. Монография. М., 2005. 316 с.
14. Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция. М., 1998. 688 с.
15. Набоков В. Другие берега. [Электронный ресурс]: <http://litresp.ru/kniga/ru...nabokov-vladimir/drugie-berega> (Дата доступа 3 марта 2019).

Сведения об авторе:

Полехина Майя Мударрисовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и переводоведения МГИМО (Россия, Одинцово). Сфера научных и профессиональных интересов: история русской литературы, мифопоэтика, концептология, герменевтика, методология научного исследования, филологический анализ текста, риторика, культура речи, деловое общение, русский язык как иностранный и методика его преподавания. E-mail: illusio2008@yandex.ru.

AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF MARINA TSVETAeva: A RHETORICAL ASPECT

M.M. Polekhina

Moscow State Institute of International Relations (University),
3, Novo-Sportivnaya, Odintsovo, 143007, Russia

Abstract: *The article reviews the autobiographical prose of Tsvetaeva in a rhetorical aspect. Narration in Tsvetaeva's texts is structured by the intimate feelings of the addresser: any eventuality is subjectively characterized and evaluated. Author's strategies are determined by the character of the narrator, content of the text they produce and its implied meaning. Tsvetaeva's works are oriented on prepared readers, on recipients, who have a system of certain cultural and philosophical images and expectations. The interaction of the author and the reader suggests having common memories, understanding of cultural and historical context, merge of the question, set by the author with an expected answer, given by the reader on reception of the text. The recipient is actively involved in the process of empathy, cognitive area of the text becomes subject to congruous interpretations. In the course of hermeneutic research the subject of perception mentally creates their own text, reflecting the depth and degree of understanding of the original, as well as the chosen angle of reading. Rhetorical aspect of impact does not only suggest deep understanding*

of the meaning by the recipient, but points out the changes in recipient's consciousness, which are results of such impact. The article broadens the perceptions of cultural and historical context of the epoch and of Tsvetaeva as one of the greatest artists of the XXth century, the genre features and philosophical and ethical significance of her autobiographical prose.

Key Words: *Tsvetaeva, autobiographical prose of the poet, positive self-presentation, rhetoric, recipient, cultural dialogue.*

References

1. Andreeva E.I., Ivashchenko E.G. Dnevnikovaia proza Mariny Tsvetaevoi // Vestn. Amur. gos. un- ta. ser. : Gumanitar. Nauki, 2011. S. 151–154.
2. Burgin D.L. Marina Tsvetaeva i transgressivny eros / Stat'i. Issledovaniia. Perevod s angl. S. Sivak. SPb., 2000. 238 s.
3. Ivashchenko I.G. Stihovoe nachalo v proze Mariny Tsvetaevoi. // Vestnik RUDN. Seriya Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2011. №2. S. 45–52.
4. Kanishcheva E.V. Ritm prozy M. Tsvetaevoi: avtoref. dis... k-ta filol. nauk / E.V. Kanishcheva. Samara, 2013. 23 s.
5. Kudrova I. Versty, dali... Marina Tsvetaeva: 1922–1939. M., 1991. 368 s.
6. Lyutova S.N. Arhetipy saficheskogo erotizma v proze M. Tsvetaevoi (Zemlianka pod drevom poznaniia). / «CHuzhbina, rodina moia!» EHmigrantskii period zhizni i tvorчества Mariny Tsvetaevoi. XI Mezhdunarodnaia nauchno-tematicheskai konferentsiia (9–11 oktiabria 2003 goda). Sbornik dokladov. M., 2004. S. 389–400. 562 s.
7. Mandel'shtam O. Konets romana // Mandel'shtam O. Sbranie sochinenii: V 2 t. T. 2. M., 1990. S. 203–204.
8. Fateeva N.A. Stikh i proza kak dve formy sushchestvovaniia poeticheskogo idiostilia : dis. ... d-ra filol. nauk / N.A. Fateeva. M., 1996. 607 s.
9. Hazan V. Predislovie / «CHuzhbina, rodina moia!» EHmigrantskii period zhizni i tvorчества Mariny Tsvetaevoi. XI Mezhdunarodnaia nauchno-tematicheskai konferentsiia (9–11 oktiabria 2003 goda). Sbornik dokladov. M., 2004. S. 3–8. 562 s.
10. Tsvetaeva M.I. Pis'ma k Anne Teskovoi. Bolshevo: Memorial'ny Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi v Bolshevo, 2008. 512 s.
11. Tsvetaeva M. Sbr. Soch. v 7 t. T. V. M., 1994. 720 s.
12. Tsvetaeva M. Sbr. Soch. v 7 t. T. VII. M., 1994. 848 s.
13. CHikileva L.S. Ritoricheskii diskurs: kognitivno-pragmaticheskii i strukturno-stilisticheskii aspekty. Monografiya. M., 2005. 316 s.
14. Etkind A. KHlyst: Sekty, literatura i revoliutsiia. M., 1998. 688 s.
15. Nabokov V. Drugie berega. [Elektronny resurs]: <http://litresp.ru/kniga/ru...nabokov-vladimir/drugie-berega> (Data dostupa 3 marta 2019).

About the author:

Polekhina Mayya Mudarrisovna – Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Linguistics and Translation studies MGIMO (Odintsovo, Russia). Spheres of research and professional interest: history of Russian literature, mythopoetics, conceptology, hermeneutics, methodology of scientific research, philological analysis of the text, rhetoric, speech culture, business communication, Russian as a foreign language and methods of teaching. E-mail: illusio2008@yandex.ru.

★ ★ ★

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Алексеева Е.А., Борисов О.В.

Семантические отношения между матричной и инфинитивной пропозициями
(на материале французского языка) 4 (20)

Андрюхина Т.В.

Контекстуальные факторы метафорического моделирования в экономическом дискурсе 3 (19)

Гавришина И.Н., Яковлева Н.В.

Телескопные термины во французском языке: типология моделей образования
и способа перевода 1 (17)

Глушак В.М., Калашникова Е.А.

Фоностилистическая вариативность комментирования в немецком спортивном репортаже 4 (20)

Гренадерова О.Л.

Языковые средства формирования положительного имиджа страны
(на материале португальского дипломатического дискурса) 3 (19)

Громова Н.В.

Презентация терминов кровного родства с некодифицированным значением в тезаурусах
английской субстандартной лексики 1 (17)

Зарайский А.А., Морозова О.Л., Полякова В.Ю.

Языковая репрезентация концепта «путь» в ирландских сказках 4 (20)

Зими́на Е.А.

Лексические способы реализации категории оценки в немецкоязычном газетном дискурсе 1 (17)

Зиновьева Е.С.

Лингвистические средства дискурсивной репрезентации маскулинности и феминности. 4 (20)

Игнатова Е.М.

Гендерная деривация: женские варианты названий профессий глазами студентов МГИМО
(экспериментальное исследование) 4 (20)

Ларионова М.В., Романова Г.С.

Когниция и коммуникация: метафора в испанском медийном дискурсе 1 (17)

Мурзин Ю.П.

Оттопонимические дериваты как актуализаторы прецедентной ситуации
(на материале испаноязычной публицистики) 3 (19)

Никонова Е.А.

Функциональный аспект аналитической статьи
(на примере англоязычного политического дискурса) 2 (18)

Пономаренко Е.В., Харьковская А.И., Храмченко Д.С.

Данные проекта The Global Language Monitor как отражение динамики лексической
подсистемы английского языка 2 (18)

Природина У.П.

Антропоним – частотный деривационный компонент шведских топонимов. 4 (20)

Ракушина А.Н.

Семантические изменения в английской литературно-книжной лексике
(диахронический аспект) 2 (18)

Степанян К.А., Горшунов Ю.В., Горшунова Е.Ю.

Selfie, legsie и другие неологизмы для частных фото 2 (18)

Тарасова М.В., Огородов М.К., Петрова М.Л.

Виды диалогизма во французском газетном дискурсе 4 (20)

Тремаскина О.А.

Когнитивное моделирование концептов conflict и crisis с позиции их взаимодействия
в англоязычном экономическом медиадискурсе 4 (20)

Тымбай А.А.

Манипулирование собеседником в политическом диалоге 3 (19)

Ульянова К.А.

Лексика коммерческого китайского языка: опыт семантического описания 3 (19)

Фомина Т.А., Буцык Е.Д.

Манипулятивные приёмы дезинформации как средство реализации антироссийской
пропаганды в заголовках англоязычных СМИ (на примере освещения «дела Скрипалей»
в период с марта по октябрь 2018 года) 3 (19)

Цыбова И.А.

Об отображении категории времени в языке 2 (18)

Чиронов С.В.

Японские коннекторы с уступительным значением 1 (17)

Шубина Э.Л.

К вопросу о диахронической вариативности в немецком языке 2 (18)

Михеева Н.А.

Locuciones estables con numerales cardinales en el lenguaje de la prensa 4 (20)

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Амири М.А.

Проблемы персидско-русского юридического перевода на примере брачного договора 1 (17)

Воронова А.Г.

Структурно-семантические особенности переводных эквивалентов иностранных
ролевых футбольных терминов в русском и португальском языках 4 (20)

Егорова О.А., Погонина А.А.

Особенности перевода лакун в дискурсе ООН 1 (17)

Лимарова Е.В., Соколова Е.Е.

Семантика и прагматика видовых глагольных форм в англоязычном и русскоязычном дискурсах 3 (19)

Прокофьева И.Т.

Лингвистическая модель «смысл←→текст» как основа обучения переводу 3 (19)

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Замалетдинов Р.Р., Юсупова З.Ф., Закирьянов К.З.

Учебный предмет «русский язык» в современной системе лингвистического образования 1 (17)

Кравцова О.А., Ястребова Е.Б.

Современный аутентичный учебник иностранного языка для вуза: проблемы и пути решения 2 (18)

Метельская Л.Н., Лосева Н.В.

Опыт экспериментальной оценки знаниевой составляющей общей гуманитарной
культуры студентов вуза 1 (17)

Полянская И.Э.

Топонимика Парижа в ракурсе статистического исследования контента Российских
и европейских учебников (УМК) и методик французского языка уровня А2 2 (18)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Бакаева С.А.

Женщина и общество: феминистские идеи в романе мадам де Сталь «Дельфина» 2 (18)

Балматова Т.М.

Россия и русские в творчестве А. Переса-Реверте: индивидуальность или стереотип? 2 (18)

Булатов М.Р., Хабибуллина Л.Ф.

Инаковость в романе И. Уэлша «На игле» 4 (20)

Верещинская Ю.В.

Испанская издательская аннотация как акт коммуникации 2 (18)

Войцехович А.А., Ван Фурс Цзыи

Лозунги о счастье в Китае 4 (20)

Гладкова Е.Л., Мелехина Н.В.

Отражение развития динамики ирано-российских отношений в политическом дискурсе персидского языка 4 (20)

Горенко Г.М.

Социолингвистическая ситуация в Испании: к вопросу о защите языка и нации 1 (17)

Гусева И.В.

Lengua y cultura en unidades fraseológicas relacionadas con nombres de profesión: tradiciones y valores 4 (20)

Дремина Л.Д.

Хунгарикумы как отражение венгерских реалий 2 (18)

Дубовицкая М.А.

Иноязычные вкрапления в художественном тексте как способ самоидентификации и авторепрезентации (на примере романа Амина Ар-Рейхани «Книга Халида») 1 (17)

Замалетдинов Р.Р., Файзуллина Н.И.

Космогонические загадки в лингвокультурологическом аспекте (на материале русских и татарских народных загадок) 2 (18)

Ивушкина Т.А.

Аллюзивные элементы в романах Past Imperfect Джулиана Феллоуз и Rules of Civility Амора Таулиз (в социолингвистическом и сопоставительном аспектах) 3 (19)

Коржукова Е.С.

Мотив любви в трансформации и раскрытии образа главного героя в произведениях Артуро Переса-Реверте (на примере романа «Танго старой гвардии») 3 (19)

Кухарева Е.В.

Символика цвета в этнической картине мира арабов 1 (17)

Лалетин Ю.П., Сорвёнков В.О., Тимофеев М.А.

Электронный словарь пушту: создание базы данных морфологии 2 (18)

Ларинова Ю.А.

Город как идеология: тезаурус политического дискурса «Поколение 1837 года» 2 (18)

Лихолетова О.Р.

Концепт «間 МА» и способы его репрезентации в японском языке 3 (19)

Мосина С.К.

Кибердемократия – новый феномен в социолингвистике Испании 1 (17)

Полехина М.М.

Автобиографическая проза Марины Цветаевой: риторический аспект 4 (20)

Туницкая Е.Л.

Лингвистические маркеры персонажа – объекта авторской эмпатии 1 (17)

Хайбулаева М.М.

Особенности реализации концепта «намус» («честь», «достоинство») во фразеологических и паремиологических единицах аварской языковой личности 1 (17)

Хасан-заде Р.	
Изучение языковых особенностей русских имён прилагательных с учётом родного языка учащихся в иранской аудитории.	3 (19)
Хлопова А.И.	
Психолингвистические методы установления базовой ценности ARBEIT / РАБОТА в австрийской лингвокультуре.	3 (19)
Хушкадамова Х.О., Березина А.В.	
Концепт ғарибӣ («скитание») в таджикской языковой культуре: опыт лингвокультурного анализа	2 (18)
Шорехдели М. Алиари, Мохаммади М.Р., Шоджаи Р.	
Русские обособленные согласованные определения в зеркале персидского языка	3 (19)
Masaki Mori	
The Televisually Compromised Spaces in Ringu and “TV People”	3 (19)
Panasenko N.	
Colour terms in Sudden Fiction	3 (19)

Уважаемые читатели!

Подписаться на наш журнал можно по полугодиям в дни открытия подписки
в почтовых отделениях России и стран СНГ.

Подписной индекс в каталоге АО «Агентство Роспечать» **80991**.

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО № 4 (20) 2019

Главный редактор: В.А. Иовенко.

Корректурa: Т.А. Ивушкина

Компьютерная верстка: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге АО «Агентство Роспечать» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать 02.12.2019 г. Формат 60x84¹/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 17,375. Тираж 500 экз. Заказ 1848.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России:
119454, Москва, пр. Вернадского, 76.